

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

**МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**MOSCOW
JOURNAL OF LINGUISTICS**

Том 8 № 2

Москва

2005

ББК 81.0
М 81

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

С. И. Гиндин (главный редактор)
А. В. Дыбо
Г. Е. Крейдлин
М. А. Кронгауз
Е. В. Муравенко
В. И. Подлеская
С. А. Старостин
З. М. Шаляпина

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2
Институт лингвистики, редакция МЛЖ
Тел.: 973-40-09
Зав. редакцией Н. Г. Семенова
Наш адрес в Интернете: <http://mjl.rsu.ru/>

© Авторы и переводчики статей
© Московский лингвистический журнал, 2004
© Российский государственный гуманитарный университет, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- А.Я. Шайкевич* Русская языковая картина мира в ряду других картинок 5
- Е.М. Мещерякова* Фигура наблюдателя в семантике грамматики 22

Коммуникация: жесты и речь

- А. Ботобекова* Некоторые особенности невербального этикета киргизов и его параллели у тюркоязычных народов (Киргизия) 39
- Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий* Семантическая структура слова *плечи* и его производных 48
- Е.Б. Морозова* О понятии невербального этикета (к постановке проблемы) 68
- Ю.В. Николаева* Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение) 89
- Флоранс Рико-Кассар* (Франция) Сопоставительный анализ невербального знакового поведения французских и русских лекторов во время лекций 118
- П.С. Тумаркин* (Япония) Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку 130
- И.А. Шаронов* Коммуникативы и жесты: связи и взаимодействие 145

Из лингвистических архивов

- А.А. Дорогов* о встречах с *М.М. Бахтиным* и о его месте в истории лингвистических идей (*Публикация П.Б. Переверзевой*) 161

Отклики. Полемика

- Н.Е. Сигов* Библиографию трудов *А.Я. Шайкевича* нужно дополнить 184

Аннотации. Рецензии. Обзоры

- Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография (*В. Б. Солнцева*) 187
- Агрессия в языке и речи: Сборник научных статей (*Е. В. Горелик*) 192

CONTENTS

Studies

- A.Ja. Shaikevich*. The Russian language. *Weltbild* among other pictures 5
- Elena M. Mescherjakova* An observer in the semantics of grammar 22

Communication: gestures and speech

- A. Botobekova* Some peculiarities of the Kirgiz non-verbal etiquette and their parallels correspondences among other Turkic nations (Kazakhstan) 39
- G.E. Kreydlin, A.B. Letuchiy* Semantic structure of the Russian word *plechi* and of its derivatives 48
- Elena B. Morozova* On the nation of non-verbal etiquette (Preliminary consideration) 68
- Ju.V. Nikolaeva* The illustrative gestures in spoken discourse: types, functions, communicative behaviour 89
- Florence Rico-Cassar (France)* Non-verbal communicative behaviour of French and Russian lectures: a comparative investigation. Organization of the experiment 118
- P.S. Tumarkin (Japan)* The use of non-verbal communication in the process of teaching the Russian language to the foreigners 130
- I.A. Sharonov* Communicatives and gestures: connections and interaction 145

Linguistic archives

- Alexej Dorogov on his contacts with Michail Bachtin and on the place of Bachtin's ideas in the development of linguistics 161

Comments. Polemics

- N.E. Sigov* Necessary supplements to The Bibliographic Guide for *A.Ja. Shaikevich*' publications 184

Abstracts. Reviews. Surveys

- Philosophic, linguistic and cultural problems of tolerance: a collective monograph (*Vera Solnceva*) 187
- Agression in language and speech: a collection of papers (*Elena K. Gorelik*) 192

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Я. Шайкевич

**Русская языковая картина мира
в ряду других картинок ***

Словосочетание *русская языковая картина мира* (далее – РЯКМ) все шире распространяется в книгах и статьях, посвященных русскому языку (семантике – в особенности). Я вижу по крайней мере две причины, способствующие росту популярности этого термина. Впрочем, степень терминологичности этого словосочетания еще предстоит обсудить.

Первую причину можно искать в истории советской лингвистики. В 1950-х гг. в нашей лингвистике наблюдается бурный подъем – оставлены ложные пути марризма, отброшены всяческие идеологические догмы, молодые лингвисты ставят новые проблемы, ищут новые направления. В начале 1960-х гг. в Москве, именно в Москве, и даже более точно в районе Волхонки (в какой-то степени и Метростроевской улицы, нынешней Остоженки), талантливые исследователи обращаются к семантике как к полю приложения новых методов, полю построения новых теорий. Я имею в виду, прежде всего, Институт языкознания с его Сектором прикладной лингвистики и Сектором общего языкознания, Сектор структурной лингвистики Института русского языка, Лабораторию машинного перевода МГПИИЯ, но также и некоторых сотрудников Института славяноведения и ВИНТИ.

Подходы были разными, они остаются разными и теперь (через 40 лет), хотя я и не вижу ясных публикаций, где четко фиксировались бы

* Доклад, прочитанный автором в июне 2004 г. на международной научной конференции «Языкознание sub specie русистики» в Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

пункты расхождений. Быть может, личная приязнь и взаимоуважение, сложившиеся между московскими (и экс-московскими) семасиологами, отвращают их от выяснения лингвистических отношений. Сейчас иногда говорят о Московской семантической школе; на мой взгляд, термин «школа» (в собственном смысле слова) приложим только к исследователям, идущим вслед за Ю.Д.Апресьяном, но за пределами этой группы активно и плодотворно работают новые и новые поколения семасиологов. Единства нет, да его и не ищут. Современная лингвистика поощряет создание теорий, терминологическая унификация и методическая дисциплина достижимы лишь в процессе осуществления какого-либо большого проекта. Как бы то ни было, успехи русской семасиологии несомненны, тонкость семантического анализа иногда поражает воображение, и там, где я могу следовать за аргументацией, я готов восхищаться результатами, с горечью сознавая, что я бы так не смог. Одним словом, прогресс семасиологии изнутри подготовил эпидемическое распространение обсуждаемого термина.

Но есть и другая, внешняя причина, еще более важная.

Однажды я был на заседании семинара «Логический анализ языка», привязывался к докладчикам с вопросами на одну и ту же тему: откуда они все знают про русскую душу. Рядом со мной сидел русист из Австрии, который вдруг сказал мне, что подобная дискуссия в отношении немецкого языка была бы совершенно невозможна в Австрии или Германии. Это замечание заставило меня задуматься. Рассматривая проблему в исторической перспективе, я сформулировал бы следующую гипотезу.

В истории народов бывают переломные моменты, когда потрясения в обществе заставляют философов в зависимости от темперамента и личной судьбы обращаться к прошлому или к будущему. При этом взгляд в прошлое, апелляция к культурным традициям неизбежно окрашивается в национальные цвета. Двадцать веков назад в Палестине одни готовы были умереть в войне, защищая свой Закон, другие искали новых путей с риском утратить национальную идентичность (что и произошло). На рубеже XVIII и XIX веков французские революционеры верили в торжество общечеловеческого разума, немецкие же мыслители

обращались к романтизму, к культу народных (национальных) традиций. В 1860-70-х гг. Достоевский в русской душе, в русском народе искал спасения от грядущего торжества социализма в Европе (за которым последует крах Запада и дальнейшая уже окончательная победа христианства в его русско-православном виде). Бердяев уже после революции 1905 г., а особенно после 1917 г. готов был искать корни революции все в той же русской душе.

Своеобразие нынешнего момента русской истории проявляется, в частности, в том, что историософское оглядывание назад охватило все общество, ученое слово (*наш* или *их*) *менталитет* вошло во всеобщее употребление. Появилось множество книг, посвященных цивилизациям вообще и русской цивилизации в особенности. Имена таких авторитетов, как Достоевский, Бердяев, Шпенглер,.. Л.Гумилев,.. Гачев поминаются очень часто. Цитирующие некритически принимают на веру цитируемые мысли.

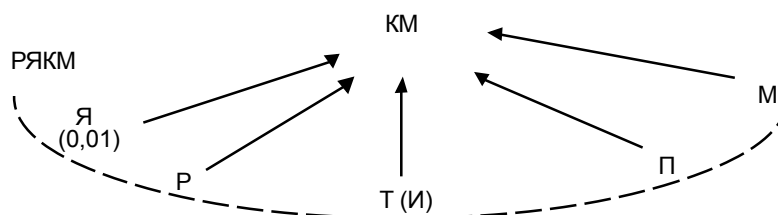
Проповедники неизбывного русского своеобразия менее всего думают о доказательствах, не оглядываются вокруг на другие народы и цивилизации, но произвольным образом декларируют некоторые «истины». От лица коммунистов Зюганов утверждает, что на всем протяжении истории русский народ жил по-коммунистически (от марксизма здесь не осталось и следа), представитель Народной партии, напротив, в русской традиции видит исключительное стремление к социал-демократии. Удивительным образом во всех этих рассуждениях слышатся то постоянные lamentации по несчастной России, то горделивое утверждение нашей исключительности, но уже со знаком плюс. Интересно, что оба эти мотива еще с большей силой звучат в разговорах грузин о судьбах Грузии, соответственно, армян об Армении (не берусь судить об Украине).

Одним словом, обсуждение лингвистических проблем в терминах РЯКМ почти гарантирует той или иной книжке успех у широкой публики. Для стороннего читателя убедительность выводов психологически подкрепляется тем, что эти выводы получены специалистом, лингвистом, который, дескать, опирается на объективные показания языка. События тем более опасны оттого, что лингвисты, пишущие на эти темы,

как правило, люди талантливые, часто обаятельные, нередко виртуозы стилистики.

Есть еще один дополнительный мотив, объясняющий успех подобного термина, но на этот раз речь идет о читателях и слушателях Запада (западноевропейских, американских, австралийских). Для них русская картина мира есть что-то экзотическое, почти как японская или китайская для нас. Русская поговорка «Чужая душа – потемки» кажется еще более убедительной в применении к душе народа. К тому же пресловутая политкорректность уже не применима к далеко отстоящим «экзотическим» народам вроде русского. Попробовал бы кто-нибудь в Америке рассуждать об американской языковой картине мира (чем бы она отличалась от британской?!)

Я думаю, что настало время обсудить как сам термин *ЯКМ*, так и способы извлечения знаний об этой картине. Я не буду касаться собственно семантического инструментария или семантического кредо отдельных лингвистов, а сосредоточусь лишь на тех участках рассуждений, где в игру вступает термин *ЯКМ*. Я попытаюсь прояснить дело при помощи наглядной картинки, прошу прощения у профессиональной аудитории за такую наглядность, скорее уместную в студенческом классе.

Пояснение символов:

РЯКМ – русская языковая картина мира,
КМ – картина мира,
Я – язык,
Р – речь, речевое поведение людей,

Т – тексты, обращающиеся в обществе,
И – идеологические (прескриптивные) тексты,
П – поведение людей,
М – мир, окружающий людей.

Начнем с термина *ЯКМ* (в нашем случае – *РЯКМ*). Из всего, что мне приходилось читать на эту тему, наибольшее впечатление произвела на меня книга Е.В.Урысон [Урысон 2003]. Но странное дело, даже после этой книги я не вижу необходимости в термине *ЯКМ* в отличие от термина *семантическая система*, избыточным представляется и термин *языковое сознание*. Результаты исследования поведения слов остались бы столь же убедительными и без этих терминов. Если термин *ЯКМ* существенно отличается от термина *семантическая система*, то значит, для экспликации этих понятий надо привлечь нечто находящееся вне языка (подозреваю, что это – *КМ*). Лишь в одном месте книги я нашел такой выход, да и то в виде намека: «Можно думать, что в слове *ОКРУГА* зафиксированы некоторые черты русской языковой картины мира: это “общинность” и связанное с ней включение населенного пространства в личную сферу людей, там живущих. Кажется, что в западноевропейских языках подобного слова нет» [Урысон 2003, с. 132]. Замечу кстати, у Срезневского этого слова нет [Срезневский 1989].

Я здесь возражаю не против исходных понятий или методов Е.В.Урысон, а против самого термина *ЯКМ*, который неизбежно создает ассоциации, искажающие суть полученных результатов.

Если отказаться от термина *ЯКМ*, то на нашей схеме остается еще *КМ*, которая, на мой взгляд, обладает большей интуитивной убедительностью. Давайте к ней и обратимся. При этом я вовсе не хочу подменить предмет обсуждения, буду постоянно оглядываться на язык, куда мы и препроводили *ЯКМ*.

Сразу же возникает первый вопрос – существует ли единая картина мира у носителей данного языка? Для меня очевиден ответ – нет. Прибегну к интроспекции собственных ощущений.

Меня в детстве не учили музыке, нет у меня и музыкальных способностей, следовательно для меня непонятны, плохо или никак не укладываются в систему связей многие музыкальные термины, хотя я слышал их и понимаю, что они относятся к музыке (*композиция, скерцо, контрапункт, инвенция, сюита, 3/4, хроматический, бемоль* и т.п.). Скажут, это область специальной сферы где-то на задворках *КМ*. Ну, а что сказать о дальтониках? (В среднем по всему миру они составляют 5%

А. Я. Шайкевич

населения, в Европе до 8%). Ведь различию цветов специально не учат. Скажут, здесь аномалия. Хорошо, возьмем один из центральных пунктов КМ в высоком смысле – день и солнце. В моей голове живо сидит «наивная» картина – солнце утром поднимается с одной стороны, вечером опускается с другой стороны, наступает ночь. Картинка существует у меня независимо от языка, языковые ярлыки нужны мне лишь при общении с другими людьми. Но я могу «перепрыгнуть» к другой, «научной» картине, которой меня обучили в школе: земля крутится вокруг своей оси и подставляет солнцу то одну сторону, то другую. Этот перескок осуществляется у меня очень легко и просто, почти как в случае мысленной инверсии правого и левого в применении к человеку, сидящему ко мне лицом.

Не то с электричеством. Человечество уже два века живет в сопровождении этого феномена, но у многих ли в голове сидит наглядная «научная» картинка электричества? Да и в «наивной» картине (по крайней мере, для меня) это что-то туманное и непонятное, хотя я практически умею пользоваться многими приложениями электричества.

Я отлично представляю себе соотношение стран света как в реальном окружающем пространстве, так и на карте. Но я в последние годы убедился в том, что от 20% до 50% моих студентов знают слова *запад* и *восток*, но не знают, где запад, а где восток, 5-10% не знают этого, находясь перед географической картой, 2-4% не знают, где на карте север, а где юг. В последние годы я все чаще замечаю ошибки в этих словах в газетах и книгах. Так входят ли эти понятия в КМ современного русского человека?

Входит ли в эту КМ такое слово как *плоть*? или это удел людей, много читавших, или людей оцерковленных?. А ведь это слово (в его противопоставлении *духу*) часто выносится на самый верх *РЯКМ*.

Интроспекция – не самый модный аргумент в рассуждениях лингвистов. Приведу тогда пример из текста.

Арестованного Митю Карамазова должны везти в город и он прощается с мужиками и бабами.

– Прощайте, божьи люди! – крикнул им вдруг с телеги Митя.

– И нас прости, - раздалась два-три голоса.
– Прощай и ты, Трифон Борисыч!
Но Трифон Борисыч даже не обернулся...

Вот пример двух разных картинок в двух разных социальных слоях. Ясно, что в сознании крестьян жива внутренняя форма слова *прощай*, возможно, для них акт прощения лишь ритуальный сопроводитель расставания. У Мити же и у людей его круга исконный морально-религиозный компонент значения этой лексемы уже померк, хотя, быть может, оживился, актуализовался при словах крестьян.

Роль внутренней формы один из кардинальных спорных моментов во всей проблематике. Очень редко в языке мы находим прямой слепок картины мира. Может быть, китайское обозначение Китая будет хорошим примером: *чжунго* (буквально 'середина' + 'государство'). Но это редчайший случай.

Ясно, что в языке отражаются многие стороны других явлений, показанных на приведенной выше наглядной схеме. Но во-первых, не сразу (много ли в языке от реального электричества, играющего такую важную роль в жизни современного человека?), а во-вторых, язык это склад прошлых отражений, постепенно стирающихся со временем. В какой мере эти стертые образы влияют на новые отражения – еще только предстоит выяснить. Это же рассуждение применимо и ко многим пословицами и поговоркам: *дым коромыслом* и *ни кола, ни двора* – этимологически, безусловно – крестьянские сочетания, но у современного горожанина соответствующие ассоциации могут стереться.

Один из неисследованных вопросов общей лингвистики касается различной роли внутренней формы в типологически разных языках. Можно подозревать, что в арабском языке в сознании говорящих этимологические связи присутствуют в более явной форме, чем в русском, а в русском они сильнее, чем в английском.

Обратимся теперь к характерным путям исследования соотношения языка, картины мира и других феноменов, обозначенных на схеме. Хороший набросок проблем будущих исследований мы находим в статьях Уорфа [Whorf 1956; Уорф 1960; 1972], но оптимальный план таких

исследований еще не выработан. В идеале надо было бы порознь изучать язык, реальную речь (взятую синхронно), тексты, обращающиеся в обществе, реальное поведение людей, мир, окружающий этих людей, и только затем конструировать картину мира. Но лингвистам хочется взять быка за рога и не ждать так долго.

Готовясь к докладу я перечитывал труды трех лингвистов (А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева и Ю.С. Степанова), лингвистический материал у них частично пересекается, но при поверхностном анализе пути исследования кажутся разными. А.Д. Шмелев от русских слов идет к картине мира. А. Вежбицкая то следует от избранных смыслов (и соответствующих слов) в избранных языках к разным картинам мира [Вежбицкая 2001а], то в обратном направлении от культуры и культурных сценариев к языку [Вежбицкая 2001б]. Ю.С. Степанов строит панхроническую систему концептов русской культуры [Степанов 2001].

Полагаю, однако, что самый выбор объектов анализа определен неслучайно, сознательно или подсознательно лингвист опирается на этнические стереотипы, бытующие в данном обществе или даже за его пределами. Рождение компонентов таких стереотипов увлекательный сюжет для историков культуры.

Когда-то я с интересом прочел книгу историка Ерофеева о взаимных русско-английских этнических стереотипах первой половины XIX в. Одно из самых ярких воспоминаний – контраст честности английских купцов (*honesty is the best policy*) и жульничества русских (*не обманешь – не продашь*). Особенно поразило меня мнение одного англичанина, который объяснял этот контраст не общей вороватостью наших соотечественников, а лишь малым объемом торговли русских торговцев. В ранних комедиях Островского купец – одновременно жулик, в поздних вещах появляется словосочетание *честное купеческое слово*.

Пространственные метафоры, включенные в «русский» стереотип (широта, простор), появились в новое время, особенно под влиянием модного в XIX в. географического детерминизма. Страна большая, значит русский человек широк душой и любит простор (в некоторых вариантах – любит и волю). Можно ли сказать, что те же следствия мы ожидаем у эвенков? у казахов? А у кавказских горцев, зажатых в горах, бу-

дет что-то прямо противоположное? Недавно я познакомился с одним русским фольклористом, работающим в Бельгии и идущим к картине мира самым прямым путем: он все спрашивает бельгийцев, что для них значит простор? не тесно ли им? Те в недоумении пожимают плечами и говорят: нет, не тесно. Я посоветовал ему задавать этот вопрос москвичам.

Фраза, сказанная известным писателем, становится элементом этнического стереотипа: «*Какой же русский не любит быстрой езды?*» А казах? а кавказские горцы? а Шумахер? (Интересно, любил ли сам Гоголь быструю езду?).

Наличие в языке двух синонимов нередко дает повод писателю или философу поиграть на их противопоставлении (вроде «Философской истины и интеллигентской правды»). Лингвисты готовы тут же искать тончайшие нюансы, отбирая одни контексты и не замечая других. Сколько написано о различии *свободы* и *воли*. (А.Д. Шмелев, по-видимому, эпатирует читателей, взяв в качестве прецедентного текста статью Д. Орешкина «География духа и пространство России». В конце приводимой цитаты из нее читаем, что слово *воля* «степное, западному менталитету глубоко чуждое») [Шмелев 2002, с. 73].

Но вот фрагмент из «Мертвого дома» Достоевского. Арестанты отпускают на волю орла, жившего до этого в остроге:

- Вишь его! - задумчиво проговорил один.
- И не оглянется! - прибавил другой. – Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бежит себе!
- А ты думал, благодарить воротится? – заметил третий.
- Знамо дело, воля. Волю почуял.
- Слобода, значит.

Здесь один синоним заменяет другой без видимой разницы в смысле.

Этот пример достоин более общего замечания. Современная семиология разрыбатывает очень тонкие приемы расщепления смысла (*hair splitting*), не отрицая, впрочем, случаев нейтрализации в речи. До сих пор не ставилась задача определить соотношение позиций нейтрализации и различения в текстах. От ответа будет многое зависеть.

Участвуя в общем разговоре за столом, я не раз наблюдал такую ситуацию: все одинаково понимают сказанное, лишь присутствующий математик (скажем, Ю.А. Шиханович или А.С. Вольпин) видит возможность двойного прочтения. Н.Д. Арутюнова первой ввела в нашу лингвистику приемы логического анализа, с тех пор они занимают все более важное место в лингвистических публикациях, стали частью учебных курсов. Но может, лингвисты переусердствовали, подходя к бытовому тексту, как к тексту философскому? Не устроен ли язык грубее? Сверхдифференциация смыслов приведет к серьезным трудностям в интерпретации диахронических изменений.

Закljučая сказанное выше, хочу указать на известную опасность попасть в порочный круг при существующей практике движения к КМ. Мы выбираем некоторые слова, подбираем для них некоторые удачные контексты и затем радуемся, когда полученные результаты подтверждают известные стереотипы. При таком методе трудно ожидать опровержения стереотипа или получить принципиально новый результат. Более правильным кажется путь А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001а], которая проводит параллельное исследование в разных языках и только затем начинает межъязыковое сравнение (другое дело, что и там зависимость от стереотипов проявляется в отборе контекстов и в легковесности аргументов, опирающихся на поведение людей).

Межэтнический анализ поведения – вещь необычайно сложная. В той мере, в какой этнические стереотипы коренятся в действительности (пускай в страшно гипертрофированной форме), они все же опираются на различия в поведении, и поэтому конструируя КМ мы не можем обойтись без исследования поведения носителей языка.

Лет сорок назад, бродя в горах Кавказа, я зашел в грузинский крестьянский дом. Отец шутливым тоном стал что-то говорить своей дочери (лет 18), она же отрицательно покачала головой и что-то ответила ему. Я понял, что это какие-то шутки на мой счет, и попросил перевести. Оказалось, что на слова: «Вот тебе жених», – девушка ответила: «За русского не выйду». Я поинтересовался, почему. Ответ был: «Они бьют своих жен». Значит, в грузинской КМ есть такой фрагментик в оценке русских.

В русском языке нет специального глагола со значением 'бить жену'. Но в русских текстах встречаются описания такой практики. Знаменитый пример – снова из «Мертвого дома» – рассказ «Акулькин муж», где муж насмерть забивает свою жену. Характерна финальная реакция слушателя:

– Гм... Оно, конечно, коли не бить – не будет добра, – хладнокровно и методически заметил Черевин... – Опять-таки тоже, парень, – продолжал он, – выходишь ты сам по себе очень глуп. Я тоже этак свою жену с полюбвником раз застал. Так я ее зазвал в сарай; повод сложил надвое. «Кому, говорю, присягаешь? Кому присягаешь?» Да уж драл ее, драл, поводом-то, драл-драл, часа полтора ее драл, так она мне: «Ноги, кричит, твои буду мыть да воду эту пить». Овдотьей звали ее.

Интересно, что по ходу рассказа этот Черевин раз подал реплику:

– Бить тоже много не годится. Накажи, поучи, да и обласкай. На то жена.

Даже делая поправку на индивидуальные особенности прозы Достоевского, нельзя не заметить, что этические шкалы, единодушно приписываемые русской душе на основании текстов, выглядят несколько подмоченными в свете этого конкретного примера. Полагаясь только на тексты (тем более – прескриптивные тексты) и игнорируя реальное поведение людей, мы получим искаженную картину мира русского человека. Картину мира, которую возглашает окружающим другой персонаж Достоевского – злобный тиран и ханжа, «злющий фурий» (по словам лакея Гаврилы) Фома Опискин:

– ...Я хочу любить, любить человека, – кричал Фома, – а мне не дают человека, запрещают любить, отнимают у меня человека! Дайте, дайте мне человека, чтоб я мог любить его! Где этот человек? Куда спрятался этот человек? Как Диоген с фонарем, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколе не найду этого человека. Горе тому, кто сделал меня человеконенавистником! Я кричу: дайте мне человека, чтоб я мог любить его, а мне суют Фалалея! Фалалея ли я полюблю? Захочу ли я полюбить Фалалея? Могу

ли я, наконец, любить Фалалея, если б даже хотел? Нет; почему нет? Потому что он Фалалей. Почему я не люблю человечества? Потому что все, что ни есть на свете, – Фалалей или похоже на Фалалея! Я не хочу Фалалея, я ненавижу Фалалея, я плюю на Фалалея, я раздавлю Фалалея, и, если б надо было выбирать, то я полюблю скорее Асмодея, чем Фалалея!

Стилистически все это напоминает юродство Розанова, восторгалшегося Победоносцевым, эпизод, отмечаемый А.Д. Шмелевым при анализе группы слов со значением *наплеватьство*, тоже характерного для русской души [Шмелев 2002, с. 102].

Мои сомнения в результатах описания РЯКМ и КМ вообще не означают, конечно, что не существует проблемы соотношения языка и КМ. В малых замкнутых одноязычных сообществах, может быть, даже встречается и единая КМ. Но и для больших народов интересно установить соотношения между наиболее распространенными КМ.

При этом хорошо бы учесть несколько пожеланий.

Существующие методы конструирования КМ обращены в прошлое, они а-историчны или даже анти-историчны. (И здесь приятное исключение – книга Е.В. Урысон [Урысон 2003], которая подробно обсуждает диахронический аспект проблемы). Необходимы диахронические исследования вроде следующих: *Меньше ли бьют своих жен современные русские мужья? В какой степени поведение английских футбольных болельщиков соответствует стереотипам относительно англичан? Изменился ли статус собаки за последние 50 лет и не устарела ли поговорка «Собаке – собачья смерть»?*

Это в части изучения поведения носителей языка.

При обсуждении КМ употребляется термин *концептуализация*, но в психолингвистике еще даже не подошли к эмпирическому анализу становления понятий у ребенка и роли языка в этом процессе.

Необходимо расширять репертуар языков, привлекаемых для сравнения. Хорошо бы для начала сравнить русский язык с украинским, затем с польским и другими славянскими языками. Надо обращаться не только на Запад, но и на Восток. Тогда были бы отброшены лексические аргументы в пользу расхожего мнения, что русские более вольно обращаются со временем, нежели жители Западной Европы (как в од-

ном месте у А.Д. Шмелева [Шмелев 2002, с. 57]). Посещение Ближнего Востока показало бы, что мы с Европой, а язык здесь вообще не при чем. И конечно, надо максимально дифференцировать языковые проблемы: не Запад вообще, а отдельные народы и языки, не мифический Восток, а разные Востоки.

При сравнении лексических систем нельзя ограничиваться только словами, относящимися к данной части речи (*гнев* и *грусть* у А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001б]), надо брать и словообразовательное гнездо (*грустно*), и всю семантическую группу (*разозлиться*, *сердитый* и т.п.). В этом смысле чисто **словный** подход – серьезное ограничение для семантического сравнения языков. Исследователь начинает анализ с родного языка, где ему открыто если не все множество средств выражения, то все-таки значительная его часть. Затем лингвист обращается к двуязычным словарям и, не находя удовлетворяющий его однословный эквивалент (*округа* – neighbourhood /alentours, *уютный* – cozy, snug / gemuetlich), делает вывод об общей непереводимости своего слова, т.е. еще одной черте РЯКМ. Но локальные семантические различия между парами слов из разных языков – тривиальный факт, не имеющий никакого отношения к общей картине мира.

Прямые социологические опросы и ассоциативные эксперименты дают мало материала для данной проблемы. По-прежнему главным источником информации остаются тексты, но при этом надо строго разделять прецедентные (часто идеологические) тексты (Т – на нашей схеме) и тексты, используемые лингвистом как отражение речевого поведения (Р – на схеме).

Среди текстов первого типа должны быть выделены в особую группу (а может быть, изъяты совсем из исследования) поэтические тексты. Поэзия – особый вид текстов, создающий или возрождающий особые семантические связи и порождающий особую мифопоэтическую КМ. В существующей литературе поэтические примеры составляют изрядную долю аргументов и тем самым сильно искажают общее представление о КМ.

Современные семасиологи широко используют приемы языкового эксперимента, порождая серии гипотетических примеров, а затем при-

нимая или отвергая их на основе собственной интуиции. Кажется, однако, что и в этом случае главным арбитром выступают реальные тексты. Так, для опровержения мнения А. Вежбицей о невозможности выражения *война есть война* можно использовать контраргумент из 6 реальных примеров, приведенных в одной из статей Н.А. Николиной [Николина 1984, с. 505].

По мере накопления эмпирического материала все большую роль будут играть и статистические аргументы. Существующие частотные словари с их слабой стилистической и семантической дифференциацией пока не дают надежного материала для межъязыкового сравнения. Например, А. Вежбицкая [Вежбицкая 2001а, с. 108-109] сравнивает частоту слова *friend* (300-350) с частотой слова *друг* (817) в словаре [Аграев, Бородин, Засорина и др. 1977], но не замечает, что в последнюю цифру включено и *друг друга*. В словаре [Штейнфельдт 1963], построенном на советской литературе для школьников, частота слова *друг* составляет (на 1 миллион слов) 795. В словаре [Лённгрен 1993] она равна всего 167. В прозе Достоевского она равна 600, из которых 270 приходится на обращение мой друг (*mon ami*), очень редкое в современном языке [Шайкевич и др. 2003, с. 92]. Во всяком случае, на этих основаниях нельзя делать вывод о большей распространенности дружбы у русских.

Что касается самого метода анализа текстового материала, то он, по-моему, ведется правильно. По существу, изучается поведение слов в речи и открытие на этом основании черт сходства между словами, объединяемыми в криптотипы (этот термин Уорфа употребляется и в статье [Булыгина 1980, с. 332-343]. Несколько месяцев назад Ю.Д. Апресян делал доклад о классах существительных, объединенных общей сочетаемостью с частично десемантизированными глаголами вроде *оказать*, *одержать* и т.п. (см. тезисы [Апресян 2004]). При этом демонстрировался семантический характер этих классов. Это тоже криптотипы.

По мысли Б.Л. Уорфа, криптотип – это какое-то скрытое, тонкое и неуловимое значение, не соответствующее никакому отдельному слову, но (по свидетельству лингвистического анализа) все же функционально важное в грамматике [Whorf 1956, p. 70; Уорф 1972, с. 47-51]. Любопытно, что и криптотипы могут меняться с течением времени.

В учебном пособии для заочников, написанном почти 40 лет назад [Венцкович, Шайкевич 1974, с. 137-140], в качестве иллюстрации этого понятия Уорфа я приводил пример разбиения пространственных объектов при общелокальном употреблении предлогов *В* и *НА* (типа *в колхозе, в лагере, но на вокзале, на складе*). Там я формулировал, в частности, такую закономерность: «С названиями островов употребляется предлог *НА*: *на Яве, на Кубе, на Корсике, на Кипре, на Цейлоне*; но если название острова оканчивается на *-ия*, оно подключается к названиям стран и требует предлога *В*: *в Исландии, в Гренландии, в Сицилии, в Ирландии*». В своей собственной речевой практике я следую этому правилу, но все чаще встречаю в прессе *на Сицилии*. Я обратился к книгам: в известной многотомной «Истории XIX века» [История, 1937] встречаю исключительно *в Сицилии*. Спрашиваю знакомого, как бы он сказал. Подумав секунду, тот ответил: «Это остров, поэтому *на Сицилии*». О Гренландии и Ирландии определенно он ответить не мог. Наверное, этот криптотип повышает свою осмысленность. Общеизвестен пример политических аргументов в пользу *в Украине*. Однако, по-прежнему *в Крыму* (хотя полуострова в русском языке ведут себя как острова).

Итак, я постарался показать свой скепсис в отношении термина *РЯКМ* и рассуждений о КМ. Мне также представляется опасной растущая «эссеизация» лингвистики. Было бы хорошо объявить мораторий на термины *ЯКМ* и *КМ* до лучших времен, а пока заняться неспешной работой на материале разных языков.

Литература

Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности лексических функций глаголов // Проблемы русской лексикографии: Тезисы докл. Шестых Шмелевских чтений / Ин-т рус. языка РАН. М., 2004. с. 4-10.

Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. с. 320-355.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки слав. культуры, 2001а.

Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке // *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки слав. культуры, 2001б. с. 15-43.

Вежбицкая А. Немецкие «культурные сценарии»...// Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / Пер. с англ. Ю.Н.Пановой и О.А.Хадарцева. М.: Языки слав. культуры, 2001в. с. 159-217.

Вежбицкая А. Японские культурные сценарии: психология и «грамматика» культуры // Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / Пер. с англ. А.С.Хорошкиной. М.: Языки слав. культуры, 2001г. с. 126-158.

Венцкович Р.М., Шайкевич А.Я. История языкознания. Вып. 6. [Изд. 3-е] М.: Моск. пед. ин-т иностр. яз., 1974.

Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. М.: Наука, 1982.

История XIX века / Под ред. Э.Лависса и А. Рамбо. Т. 1-8. М., 1937.

Лённерен Л. Частотный словарь русского языка. Uppsala, 1993.

Николина Н.А. Структурно-семантические особенности предложений типа «жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка / Моск. пед. ин-т им. В.И.Ленина. М.: 1984. с. 38-46

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: Репринтное издание: В 3 тт. Т.2. Ч.1. М.: Книга, 1989.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь концептов русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2001.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Уорф Б.Л. Грамматические и семантические категории / Пер. с англ. О.Г. Ревзиной // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Гл. ред. вост. лит., 1972. С. 44-60.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления у языку / Пер. с англ. Л.Н.Натан и Е.С.Турковой // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 135-168.

Частотный словарь русского языка / Аграев В.А., Бородин В.В., Засорина Л.Н. и др. Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Рус. язык, 1977

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки слав. культуры, 2003.

Русская языковая картина мира в ряду других картинок

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки слав. культуры, 2002.

Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.

Whorf B.L. Language, thought and reality / J.B.Carroll. N.Y., 1956.

Е. М. Мещерякова

**Фигура наблюдателя в семантике грамматики
(на материале видо-временных форм русского глагола)**

0. О фигуре наблюдателя

Понятие фигуры наблюдателя было введено А. М. Пешковским в его знаменитой книге «Русский синтаксис в научном освещении» [Пешковский 1956]. Этот замечательный факт был обнаружен совсем недавно, при подготовке «Синтаксиса» к переизданию [Апресян 2001, с.]. И хотя сам термин в этой работе так и не получил точного определения, автор многократно апеллировал к понятию “наблюдатель” при исследовании семантики частей речи, а также при анализе значений ряда пространственных предлогов [Пешковский 1956, с. 77; 85; 308 и др.]. Позднее, независимо от А.М. Пешковского, понятие фигуры наблюдателя было введено в научный обиход Ю. Д. Апресяном. В современной лингвистике это понятие широко используется в лексической семантике и лексикографии [Апресян 1995а, с. 68-69; Апресян 1995b, с. 629-650; Карловска 1990; Левонтина, Шмелев 2000; Богуславская 2000, с. 9-18; 95-104], семантике грамматики [Гловинская 1982; Падучева 2004], лингвистической типологии [Талму 1983; Рожанский 2000], функциональной грамматике [Золотова 1982, с. 216– 223] и др.

В литературе принято различать тривиального и нетривиального наблюдателя. Как указано в [Апресян 2000, с. XXXVII], наблюдателя можно усмотреть в любом высказывании: «даже простейшее высказывание типа *Идет дождь* подразумевает, что существует кто-то, кто этот

дождь воспринимает». Такой тривиальный наблюдатель не представляет интереса именно потому, что присутствует всегда. «Фигура наблюдателя становится нетривиальной тогда, когда она лексикализована или грамматикализована, т.е. является частью значения какой-то языковой единицы, а не высказывания в целом. Неупоминание наблюдателя в таком случае делает неполным толкование соответствующего лексического или грамматического значения» (там же). Ср. следующие огрубленные толкования:

Петя пришел = 'Петя начал находиться в том месте, где находится наблюдатель (говорящий или другое лицо)'

Перед горой лежало озеро = 'Озеро лежало между горой и наблюдателем'

Данная статья посвящена роли фигуры наблюдателя в видо-временной семантике русского глагола. Начало изучению данного вопроса положила статья Ю.Д. Апресяна [Апресян1980]. Сделанное в ней наблюдение касалось ряда русских глаголов, описывающих расположение пространственных объектов: *дорога поворачивает / повернула налево; лес кончается / кончился у реки; шоссе начинается / началось за городом; поле доходит / дошло до оврага и тропинка обрывается / оборвалась около сторожки*. В этих парах была обнаружена следующая семантическая особенность: в толковании форм совершенного вида (далее: СВ), в отличие от форм несовершенного (далее: НСВ), присутствует особый, а именно перемещающийся по данному пространственному объекту наблюдатель:

(1) *Около сторожки тропинка поворачивает направо*

(2) *Около сторожки тропинка повернула направо*

Толкование предложения в (2), с глаголом в форме СВ, содержит пресуппозицию 'Наблюдатель перемещался вдоль / по пространственному объекту', тогда как предложение (1), с глаголом в форме НСВ, такой пресуппозиции не содержит.

Позднее данное явление активно обсуждалось в аспектологической литературе. В [Гловинская 1982, с. 95-96] список глаголов этого типа был расширен; здесь же было показано, что некоторые глаголы в форме СВ требуют обязательного формального выражения смысла "пере-

мещающийся наблюдатель”, ср. *Тропинка выводит из леса*, но *Тропинка вывела нас из леса*, а не просто **Тропинка вывела из леса*.

Теперь мы можем сформулировать задачи нашего исследования:

1. Выявить максимально полный круг глаголов, обозначающих расположение пространственного объекта, и дать им краткую семантическую характеристику.
2. Изучить фигуру наблюдателя в разных видо-временных значениях форм СВ и НСВ отобранных глаголов.
3. Изучить возможные способы поверхностного (синтаксического) выражения смысла ‘наблюдатель’ при рассматриваемых глаголах как в форме СВ, так и НСВ.

1. Семантическая характеристика класса глаголов, описывающих расположение пространственного объекта

Методом сплошной выборки из словарей МАС и БАС список интересующих нас глаголов был максимально расширен. Критерий отбора был следующий: отбирались все глаголы (как парные, так и непарные), описывающие в одном из своих значений расположение или свойство объектов, имеющих некоторую протяженность в пространстве. Ср. толкования в БАСе:

подниматься 2 [СВ *подняться*] : ‘располагаться в направлении снизу вверх, вести вверх. О дороге, лестнице и т.д.’

упираться 2 [СВ *упереться*] : ‘простираясь в каком-нибудь направлении, оказываться ограниченным, прегражденным чем-либо’

В позиции подлежащего при этих глаголах может выступать как имя пространственного объекта, артефакта, по которому обычно передвигаются люди (*шоссе, аллея, тропинка, мост, лестница, коридор* и т.д.), так и имя природного объекта (*лес, лощина, рожь, поле, равнина* и т.д.). Также в этой позиции может фигурировать название объекта, не предназначенного для передвижения или движение по которому невозможно, но который может служить своеобразным ориентиром при движении (*колючая проволока, дома, забор, горный хребет, ручей, чьи-то следы, линия электропередачи* и т.д.):

Чуть по росе приметный след / Ведет за дальние курганы: Неторопливо он идет, Куда зловещий след ведет (Пушкин «Цыганы»); **Стены кончились** руиной семибашенного замка (Бунин «Море богов»).

Примерно две трети выявленных глаголов являются семантически производными от глаголов движения, поэтому они сохраняют способность управлять словосочетаниями со значением любой точки траектории, по которой осуществляется движение (начальной, конечной и др.), а также словосочетаниями, выражающими направление:

Забор, окружавший дом, выходил чуть не на середину переулка (Достоевский «Униженные и оскорбленные»); *Мы поднялись на гору ... и вышли наконец на дорогу; круто обогнув крестьянские овсы, она мимо березовой рощи спускалась вниз к Большому лугу* (Вересаев); *Белой лентой, с перевала на перевал, убежало оно [шоссе] к югу* (Бунин «Деревня»).

Обращают на себя внимание сразу несколько фактов:

а) Рассматриваемые производные значения уже не выражают ни идею способа передвижения, ни передвижение вообще, что является важной частью значения соответствующих исходных лексем, поэтому один и тот же пространственный объект может описываться с помощью нескольких соответствующих (квазисинонимичных) конструкций, ср. *Крутая дорожка вела/ бежала/ шла/ ползла/ летела зигзагами вниз*. Все эти глаголы фиксируют само существование пространственного объекта; их главный смысловой компонент – «простирается», «пролегать» – близок по значению к связке [см. Апресян 1997].

б) Не сохраняя информацию о способе передвижения, производные значения часто выражают идею направления (*заводить, выходить, расходиться, приводить* и т.д.) и / или скорости (*бежать, срываться, взбегать, лететь, ползти* и т.д.), которая скорее всего характеризует реальную (или потенциальную) скорость передвижения субъекта вдоль данного пространственного объекта. Чем ровнее и прямее (а следовательно, удобнее и безопаснее для движения) пространственный объект, тем большую скорость на нем можно развить, и наоборот, ср.: *Выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо сосновых рощ, ... и перелетела мостами в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо,*

то влево от себя (Гоголь «Мертвые души»); *Ровная, накатанная дорога бежала* вдаль; *Всюду среди зелени гуляющая публика протоптала извилистые тропы, сползавшие* вниз к реке. Довольно часто эти же глаголы характеризуют не скорость передвижения по пространственному объекту, а его крутизну / пологость, ср.: *Тропинка (стремительно) взбежала* на вершину горы; *Лодка скользила по тихим водам лимана. Мимо нас мелькали виноградники, сбегавшие* к самой воде (Телешов БАС); *От больших дорог действительно было мало толку. То они сползали* в прибежавшие неизвестно откуда горные речки..., *то благодумствовали* под осыпями и обвалами (Павленко БАС).

Многообразие отобранных глаголов, способных во всех нюансах описать особенности расположения того или иного пространственного объекта, осложняет возможность их строгой семантической классификации. Среди них, однако, можно выделить следующие группы:

- глаголы, фиксирующие сам факт существования пространственного объекта, а также его расположение: *бежать*3; *вести*3; *идти*10 и т.д.:
- глаголы, фиксирующие факт существования пространственного объекта, а также его длину / размер: *простираться* 1; *тянуться* 1 и т.д.:
- глаголы, фокусирующие внимание на общей форме (рисунке) пространственного объекта: *вилять*1; *вить*ся2; *завиваться*1; *змеиться*1; *извиваться*1; *изгибаться*1; *обходить*2; *огибать*1; *петлять*1; *путаться*1 и т.д.
- глаголы, фокусирующие внимание на начальной/ конечной точке пространственного объекта: *вклиниваться*1; *выводить*2; *выходить*1; *кончаться*1; *начинаться*1; *обрываться*4; *оканчиваться*1; *повести*1; *подводить*2; *пойти* 10; *потянуться*1; *прерываться*3; *упираться*2 и т.д.
- глаголы, обозначающие направление пространственного объекта (снизу вверх / сверху вниз): *взбираться*1; *подниматься*2; *сбегать*4; *срывать*ся8; *сходить*1; *спускаться*5 и т.д.
- глаголы, обозначающие изменение направления пространственного объекта: *заворачивать*1; *изменить (направление)*; *поворачивать*2; *сворачивать*1 и т.д.

- глаголы, обозначающие расположение одного пространственного объекта относительно другого: *отходить*³; *сводить*¹ (*Едва различимый след сводил с дороги влево*); *уводить*⁵ (*С бульвара узкие проулки уводили на холмы и в овраги*); *уходить*⁹ (*Серая полоса дороги уходила от реки вглубь степи*); *отклоняться*¹; *уклоняться*² и т.д.
- глаголы, обозначающие свойство отдельно взятого участка пространственного объекта: *пересекать*³; *пересекаться*²; *переходить*¹ (*Дорога перешла в тропинку*); *прижиматься*²; *проходить*²; *раздваиваться*¹; *расходиться*⁶; *расширяться*¹; *сужаться*¹ и т.д.

2. Фигура наблюдателя в разных видо-временных значениях форм СВ и НСВ

В лексической семантике принято противопоставлять друг другу два типа наблюдателя [см. Апресян 1997, с. 34- 37]:

Внешний наблюдатель – лицо, которое не находится непосредственно на / в описываемом пространственном объекте (*тропинке, аллее, просеке* и т.д.), а обозревает его со стороны. Внимание такого наблюдателя обычно сфокусировано на общем рисунке (особенностях расположения) пространственного объекта; кроме того в поле зрения внешнего наблюдателя часто попадает и вся картина местности целиком – именно потому, что он обозревает ее со стороны, «снаружи», ср.:

*А как забилось сердце, когда увидала она усадьбу: сад, высокую крышу дома... Желтое ржаное поле, полное васильков, вплотную **подходило** к задним стенам людских* (Бунин «Суходол»); *По горе росли горох и чечевица, далее влево **шел** глубокий овраг с красно-бурыми обрывами. Затем **шел** старый сосновый лес, **уходивший** по горе под самое небо* (Лесков «Некуда»).

Внутренний наблюдатель – лицо, которое находится непосредственно на / в описываемом пространственном объекте, глазами которого этот объект воспринимается и с точки зрения которого он характеризуется. Внутренний наблюдатель обычно (но необязательно!) перемещается, поэтому в фокусе его внимания находится не весь простран-

ственный объект целиком, а отдельный его отрезок, по которому в данный момент осуществляется движение, ср.:

Дорога, извиваясь с полверсты по берегу Волги, вдруг круто повернула налево (Загоскин МАС); *Поднялась* потом дорога на гору и *пошла по ровной возвышенности* (Гоголь «Мертвые души»); *Тропинка спустилась к воде*.

Теперь рассмотрим по очереди значения форм совершенного вида прошедшего времени (СВ ПРОШ), несовершенного вида настоящего времени (НСВ НАСТ) и несовершенного вида прошедшего времени (НСВ ПРОШ) у глаголов, обозначающих расположение пространственных объектов. Нас в первую очередь будет интересовать то, какую информацию о наблюдателе несет в себе каждая из этих форм.

2.1 Формы СВ ПРОШ

Формы СВ ПРОШ рассматриваемых глаголов обычно характеризуют пространственный объект с точки зрения внутреннего наблюдателя:

Прижавшись к отвесной голой скале, дорога спустилась в ущелье; Большекрылые совы бесшумно, неожиданно взвивались с меж – и лошадь всхрапывала, шарахалась; дорога вошла в лес, мертвый, холодный от луны и росы (Бунин «Последнее свидание»); *Но вот лес кончился, опять зазмеилась пыльная светлая дорога* (Ю. Казаков «Кабасы»); *-Кучер, здесь возьмишь дорогу налево... Смотрите, вот и лес кончился. Начались уже хлеба* (Гоголь «Мертвые души»).

Рассмотрим, однако, следующие примеры:

Дома внезапно кончились, и сразу же с обеих сторон дороги сквозь темноту пробился к ним дружелюбный запах полей (К. Грэм «Ветер в ивах», перевод); *Поезд шел медленно, словно нехотя... Через несколько километров горы отошли в сторону, и на смену им пришли бесконечные поля*.

Вообще говоря, по отношению к домам и горам персонаж, от лица которого ведется описание, является внешним наблюдателем. Получается, что формы СВ могут описывать расположение пространственного объекта не только с позиции внутреннего, но и с позиции внешнего

наблюдателя. Существенной характеристикой наблюдателя здесь является то, что он **движется** вдоль описываемого пространственного объекта или по нему.

Наш материал свидетельствует о том, что при помощи форм СВ характеризуется та часть пути, которую наблюдатель уже преодолел; при этом «путь» следует понимать максимально широко – это не только сам пространственный объект, вдоль которого осуществляется движение (*тропинка, дорога, шоссе* и т.д.), но и та часть пространства, которая к нему прилегает. Вопрос о том, как устанавливается граница данного пространства, требует дополнительного изучения, ср.:

По обе стороны от дороги **начались** поля; еще дальше, справа, **потянулись** колхозные сады,

где колхозные сады могут располагаться на сколь угодно большом расстоянии от дороги, но при этом находятся в поле зрения перемещающегося наблюдателя.

Формы СВ ПРОШ у ряда глаголов, описывающих расположение пространственных объектов, могут встречаться в **перфектном** значении. Перфектное значение – это значение законченного действия (процесса, происшествия), результат которого сохраняется до какого-то выделенного момента в прошлом или настоящем. Ср. известный пример В. В. Виноградова *Скалы нависли над морем*, где в форме прошедшего времени *нависли* «идея результата, относящегося к настоящему времени, решительно перевешивает мысль об исполнении действия в прошлом, и возникает значение, близкое к перфекту» [Виноградов 1986, с. 460].

Предложение *Кругловерхие горы подошли к самому морю* описывает расположение объекта как перфектное состояние, т.е. такое, которое возникло в результате (или как бы в результате) соответствующего природного процесса и сохраняется до момента наблюдения.

Употребления форм СВ ПРОШ для описания такого расположения пространственных объектов, которое возникло в прошлом и сохранилось в неизменном виде до настоящего времени, были в большом количестве зафиксированы в ряде северных диалектов: *Река обошла*

Е. М. Мещерякова

деревню (т.е. обходит); *Дорога рядом подошла* (т.е. подходит близко) и т.д. [Виноградов 1986, с. 461]. Похожие примеры встречаются, однако, и в художественной литературе:

Свияга (назв. реки) – *та еще лучше куролесит: подошла к Симбирску, версты полторы до Волги остается, - нет, повернула-таки в сторону и пошла с Волгой рядом. Кузьма, та совсем к Оке подошла, только бы влиться в нее, так нет, вильнула в сторону да верст за сотню оттуда в Волгу ушла* (Мельников-Печерский «На горах»).

2.2 Формы НСВ НАСТ

Формы НСВ НАСТ у рассматриваемых глаголов чаще всего называют свойство пространственного объекта вне ситуации наблюдения и, таким образом, подразумевают лишь тривиального наблюдателя. В этом случае описываемое свойство является частью знаний говорящего о мире, ср.:

В скале нарублены ступени; / Они от башни угловой / Ведут к реке, по ним мелькая, ... / Княжна Тамара молодая / К Арагве ходит за водой (Перматов «Демон»); *В полуверсте от деревни дорога упирается в господские амбары* (Чехов «Поцелуй»); *Пьяной река за то прозвана, что... пройдя верст пятьсот закрутасами и изворотами, опять подбегает к своему истоку* (Мельников-Печерский «На горах»).

Отдельно здесь следует рассмотреть глаголы, обозначающие изменение направления пространственного объекта, такие как *заворачивать*¹; *изменить* (*направление*); *поворачивать*²; *сворачивать*¹ и др. (см. классификацию на стр. 26-27). Рассмотрим пример:

(а) *У сторожки тропинка поворачивает направо*

Существует точка зрения, что толкование подобных предложений также содержит смысл «перемещающийся наблюдатель»: заключение о том, в какую сторону поворачивает тропинка, могло быть сделано (в прошлом) только стоящим на ней / перемещающимся по ней наблюдателем, и этот факт должен быть отражен в толковании.

Этот вопрос, как нам кажется, имеет прямое отношение к семантике всех слов, обозначающих **свойство** какого-либо предмета. Каждый

раз, произнося предложения типа *Вода кипит при 100°С*, равно как и пример (а), говорящий озвучивает некоторое известное положение дел. Конечно, тот факт, что вода закипает именно при температуре, близкой к 100°С (равно как и то, что тропинка около сторожки поворачивает именно направо), был в свое время кем-то впервые обнаружен, но для говорящего это совершенно не важно. Он мог почерпнуть эти сведения откуда угодно или сделать соответствующее наблюдение сам. Важным моментом здесь является то, что говорящий и «первооткрыватель» описываемого свойства не обязательно совпадают, и поэтому момент произнесения высказывания и момент открытия свойства в норме разнесены во времени.

Представляется правомерным, однако, вопрос: если нет наблюдателя, то что значит «направо» в примере (а)? Что в данном случае является точкой отсчета? Дело в том, что предложения, подобные (а), встречаются не сами по себе, а участвуют в описании пространственного объекта с заранее заданным ориентиром, например:

Дорога от села Никитское до города идет прямая, только на пятом километре **сворачивает** ненадолго **вправо**, обходит небольшое озеро и почти сразу возвращается в прежнюю колею.

Здесь направление изначально задано словосочетанием *от села Никитское до города*. Поэтому 'вправо', также как и 'направо' значит 'по правую сторону от дороги при движении в указанном направлении'. Для понимания данного предложения положение наблюдателя так же несущественно, как и для понимания предложений с так называемыми «фасадными» существительными – такими, у которых есть «лицевая» и «задняя» стороны, ср. *Пульт управления лежал справа <по правую сторону> от телевизора; Перед домом был припаркован автомобиль* см. [Апресян 1995b, с. 633-636].

Все вышесказанное относится и к группе глаголов *подниматься*²; *сбегать*⁴; *срыватьсь*^в; *спускаться*⁵ и т.д.: в предложениях с данными глаголами в форме НСВ НАСТ речь идет о расположении пространственного объекта *сверху вниз / снизу вверх* относительно заранее выбранной точки зрения, которая известна как говорящему, так и слушающему.

В контексте, эксплицитно указывающем на передвижение субъекта, формы НСВ НАСТ могут характеризовать пространственный объект, вдоль которого осуществляется движение. Такие употребления для форм НСВ НАСТ нехарактерны, но возможны, например, в диалоге, ср.:

– *Видишь, там дорога* [имеется в виду та самая дорога, по которой в данный момент осуществляется движение] **поворачивает** направо?; – *Видишь, аллея* [аллея, по которой в данный момент осуществляется движение] **упирается** в ворота?

Формы НСВ НАСТ у глаголов, описывающих расположение пространственного объекта, могут употребляться в **настоящем историческом** значении. Настоящим историческим называется значение форм НСВ НАСТ в примерах типа: *Родители решают отправить сына в Москву учиться. Он поступает в университет, на втором курсе устраивается на работу и тут же женится.* Здесь форма НСВ НАСТ обозначает действие, относящееся к прошлому, но подает его так, как если бы оно разворачивалось на глазах у говорящего и адресата. Принято считать, что настоящее историческое оживляет повествование, поэтому его иногда называют «живописным».

Формы НСВ настоящего исторического у рассматриваемых глаголов могут подразумевать внешнего наблюдателя; а в контекстах, эксплицитно указывающих на передвижение субъекта, характеризовать пространственный объект с точки зрения внутреннего наблюдателя, ср.:

*Наконец, коляска останавливается как раз против входа в гранитной стене, за которым широкая лестница из мрамора **поднимается** к пропиляям и Парфенону!* (Бунин «Море богов», внешний набл.); *И вот мы уже за пределами Московской области. Дорога **сужается, виляет** из стороны в сторону; ехать становится все труднее* (внутренний набл.); *Робко вступает Дуня на палубу. Шумит, бежит парол, то и дело меняются виды... Река **извивается**, и с каждым изгибом ее горы то подходят к реке, то удаляются от воды* (Мельников-Печерский «На горах», внутренний набл.).

2.3 Формы НСВ ПРОШ

Формы НСВ ПРОШ, так же как и НСВ НАСТ, могут называть свойство пространственного объекта вне ситуации наблюдения; в этом случае в предложении присутствует лишь тривиальный наблюдатель:

*Полинька Калистратова жила в одной комнате, выходявшей окнами в сад, за которым **начинался** Сокольникий лес (Лесков «Некуда»); Он ушел в самую дальнюю часть сада, туда, где через него **проходила** лощина, и, остановясь и оглянувшись, разорвал конверт (Бунин «Митина любовь»); Он первый предложил выпрямить русло Москвы-реки в знаменитых Марчугах, где река **петляла** так сильно, что даже от вида на карте ...могла закружиться голова (Пастовский МАС).*

Формы НСВ ПРОШ также могут употребляться при описании картины местности, открывающейся взору внешнего наблюдателя:

*Андрей уже издали видел дом. Наружная широкая лестница из крашенных кирпичей **выходила** на самую площадь (Гоголь «Тарас Бульба»); Извозчик остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто **поднималась** старая деревянная лестница (Бунин «Солнечный удар»); Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окруженной лесом; ручеек **извивался** молча около деревьев, полуобнаженных осенью (Пушкин «Дубровский»); – А что, Митенька, не туда ли? – с усмешкой пропищал Седов, подмигнув левым глазом и указав на лестницу, что **вела** наверх к цыганкам (Мельников-Печерский «На горах»).*

И, наконец, формы НСВ ПРОШ в контексте, эксплицитно указывающем на передвижение субъекта, могут характеризовать пространственный объект с точки зрения внутреннего наблюдателя:

*Мы поднялись на гору и вышли наконец на дорогу; круто обогнув крестьянские овсы, она мимо березовой рощи **спускалась** вниз к большому лугу (Вересаев); Мы свернули на широкую дорогу, пересекавшую лес. Прямая как стрела, она **бежала** в зеленой, залитой солнцем просеке (Вересаев); Пяти минут не прошло, как все уже ехали друг за дружкой ... Дорога **шла** узенькая, легкие дровешки лесников бойко ка-*

тились впереди (Мельников-Печерский «На горах»); *Рожь кончилась, дорога **вилась** среди ореховых и дубовых кустов опушки и терялась в тенистой чаще леса. Меня отовсюду охватило свежим запахом дуба и лесной травы* (Вересаев); *Они вошли в лес. Тропа **петляла** вокруг озер и топей* (Арамушев БАС); *Песчаная дорога, по которой он шел, **извивалась** между кустами и вела на мельницу* (Слепцов ССин).

Формы НСВ ПРОШ рассматриваемых глаголов могут иметь **многократное** (в другой терминологии – **итеративное**) значение, т.е. обозначать неоднократно возникающую (повторяющуюся) ситуацию, ср.:

*Улицы то **сбегали** с пригорков, утопали в сиреневых ложбинках, то гордо **поднимались** вверх, широкие и прямые* (Маркова БАС); *Местами **расходились** зеленые чащи ... и показывали неосвященное между них углубление, зиявшее, как темная пасть* (Гоголь «Мертвые души»); *Дорога **спадала** в крутые балки, снова **выбиралась** на простор ... **перебегала** через заново восстановленные дорожниками мосты* (Шолохов-Синявский).

Каждое предложение описывает последовательную «смену декораций», которая ассоциируется с идеей движения. Описываемые события (изменение особенностей пролегания улицы, дороги и т.д.) разнесены во времени. Одновременности, которая характеризует восприятие внешнего, пассивного наблюдателя, здесь нет, из чего можно сделать вывод, что все примеры характеризуют расположение пространственного объекта с позиции перемещающегося, внутреннего наблюдателя.

Отметим, что в случае, если глагол в форме НСВ в своем основном значении указывает на накопление результата, то и в рассматриваемом производном значении может сохраняться указание на постепенное накопление данного свойства, которое эксплицитно выражается контекстом:

*Мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади **выбивались** из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она **все поднималась** и наконец пропала в облаке* (Лермонтов «Бэла»); *Тропинка шла вдоль ручья, но **постепенно поднималась** в гору* (Спартак БАС); *Мне хотелось бешенно*

но разогнать лодку. Река медленно поворачивала вправо. Мы обогнули мыс (Вересаев).

Итак, важное отличие между НСВ и СВ рассматриваемых глаголов состоит в том, что форма СВ всегда, сама по себе, указывает на перемещающегося наблюдателя, а форма НСВ в этом отношении не маркирована: она характеризует пространственный объект с точки зрения перемещающегося по / вдоль него наблюдателя только в соответствующем контексте, эксплицитно указывающем на перемещение субъекта. В других же контекстах формы НСВ подразумевают либо внешнего, либо тривиального наблюдателя.

3. Способы поверхностного (синтаксического) выражения смысла «наблюдатель» при глаголах, обозначающих расположение пространственного объекта

В [Гловинская 1982, с. 96] впервые было показано, что «СВ таких глаголов в некоторых случаях требуют обязательного формального выражения в предложении смысла 'перемещающийся наблюдатель'; ср.: *Эта дорога вывела нас из леса*, но не **Эта дорога вывела из леса* в отличие от формы НСВ *Дорога выводит из леса*».

Действительно, интересующие нас значения глагола *вести* и его словообразовательных (СЛО) производных в форме СВ часто заполняют синтаксическую позицию объекта именной группой со значением 'перемещающийся наблюдатель': *Следы привели охотников к норе*; *Недавно расчищенная дорожка скоро вывела нас из липовой рощи*; *Мы взяли свежий след и прошли по нему с версту. Он направился в гору и завел нас в непролазный бурелом* (Арсеньев БАС); *Еще долго блуждал он по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая привела его прямо к воротам его дома* (Пушкин «Дубровский»); *Я был опять в саду твоём, / И увела меня аллея / Туда, где мы весной вдвоем / Бродили, говорить не смея* (Фет БАС); тогда как те же глаголы в форме НСВ оставляют объектную валентность незаполненной: *Аллея вела к реке*; *С бульвара узкие проулки вводили на холмы и в овраги, где дома*

становились и старее, и меньше (А. Толстой БАС); *Крутая лестница приводила на двор, обсаженный тополями* (Гоголь «Вий»).

В художественной литературе, однако, встречаются и обратные примеры, когда наблюдатель получает формальное выражение при формах НСВ глагола *вести* и его СЛО производных, а при формах СВ наблюдатель остается невыраженным, ср. СВ: *Просека подвела к плоскому озеру пресной воды* (Толстой МАС); *Дорога вывела на шоссе* (Шолохов «Тихий Дон»); НСВ: *Мне снилось, что лестница крутая меня вела на башню* (Пушкин «Борис Годунов»); *Коварная дорожка кружит и вилляет, и змеится по полю, и ведет вас в неведомое пространство* (Эртель ССин) и т.д.

Это обстоятельство скорее всего связано с тем, что сами по себе формы НСВ не выражают идеи “перемещающийся наблюдатель” и без контекста (т.е. указания на субъект передвижения) идея перемещения не может быть выражена. А при формах СВ оказывается возможным отсутствие контекста, поскольку они в этом отношении самодостаточны.

Что касается других глаголов, наблюдатель часто получает при них формальное выражение в виде адвербиальных конструкций типа *перед нами, возле нас, на наших глазах, в двух шагах от меня* и т.д. – как при формах СВ, так и НСВ: *Мы вышли на улицу. Передо мною, отлого спускаясь к реке, широко раскинулось заречье* (Вересаев); *Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, ... уходила перед нами в бесконечную русскую даль* (Бунин «Косцы»); *Акакий Акакиевич пошел по-прежнему очень тихо. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые и днем не очень веселы, а тем более вечером; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души...* (Гоголь «Шинель»); *[Лужайка] была маленькая, на половине горы. Книзу от нас сбегали овраги, а вверх змеилась дорожка* (Телешов БАС).

Помимо адвербиальных конструкций, непосредственно называющих наблюдателя, в контексте глаголов, обозначающих расположение пространственного объекта, часто встречаются словосочетания с дейктической семантикой, т.е. такие, которые содержат в своем толковании указание на наблюдателя как на ориентир: *(далеко) впереди; (глубоко)*

внизу; вдали; неподалеку; в двух шагах; вдаль; подальше; слева; справа; навстречу и т.д.:

*По небольшому бревну перебрались они через поток... Земляной вал был тут ниже, но зато **подальше поднималась** толстая монастырская стена (Гоголь «Тарас Бульба»); **Далеко** за пароходом, среди ровной широкой синевы **тянулась, чуть змеясь**, узкая зеленая гладкая дорожка (Куприн «Морская болезнь»); **В двух шагах** ничего не было видно; только беловатой полосой **змеились** песчаные дорожки (Гончаров «Обломов»).*

Таким образом, не являясь реальным актантом ситуаций, описываемых рассматриваемыми глаголами, наблюдатель может выражаться при них достаточно регулярными средствами.

Литература

Апресян Ю. Д. Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. – Тарту, 1980.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. М., 1995а.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М., 1995b.

Апресян Ю. Д. Словарная статья ВИТЬСЯ 2, ИЗВИВАТЬСЯ 2, ЗМЕИТЬСЯ 1, ПЕТЛЯТЬ 2, ВИЛЯТЬ 2 // *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.

Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология Словаря // *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Крылова Т. В. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

Богуславская 2000 – *Богуславская О.Ю.* Словарные статьи БЛИЗКО 1.1; БЛИЗКО 1.2; БЛИЗКО 1.3; ДАЛЕКО 1.1; ДАЛЕКО 1.2 // *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Крылова Т. В. и др.* Новый объяснительный

Е. М. Мещерякова

словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.; Л., 1948–1956.

Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., Наука, 1982.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Карловска А. К. Русские каузативы движения и перемещения. Смысловый анализ: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Логический анализ языка. «Языки пространств». М., 2000.

МАС – Толковый словарь русского языка. В 4-х т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой, изд. 2-е, Т. 1–4. М., 1985–1990.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

Рожанский Ф. И. Направление движения (Типологическое исследование) // Логический анализ языка. «Языки пространств». М., 2000.

ССин – *Talmy, L.* How Language Structures Space // Spatial Orientation: Theory, Research and Application.- N. Y., 1983, p. 225–282.

Коммуникация, жесты и речь

Составитель и редактор раздела Г. Е. Крейдлин

Айшат Ботобекова

Некоторые особенности невербального этикета киргизов и его параллели у тюркоязычных народов

Невербальные единицы и их номинации относятся к наиболее древним и устойчивым пластам лексики киргизского языка тела и лексики киргизского языка. Их изучение показательно для истории киргизского народа, поскольку помогает точнее установить источники его формирования (Нурсултан кызы 2002). Употребляющиеся в коммуникации невербальные элементы являются средством связи между людьми в условиях этикета. Так же, как и язык, этикет включает в себя средства жестикуляции, мимику, позы, которые характеризуются национальными специфическими особенностями. В этикете каждого народа эти различия сохраняются как элементы национальной культуры.

Национальные и культурные особенности киргизского народа выражены во многих этикетных правилах, куда включены невербальные знаки, или знаки жестикуляции, возникшие как результат кочевой природы и кочевой жизни народа. Некоторые даже склонны думать, что все тюркоязычные народы жестикулируют одинаково. По всей вероятности, определенная общность невербальных единиц действительно имеется, однако здесь гораздо больше наблюдается различий. Например, киргизское национальное невербальное поведение отличается от невербального поведения даже народов-соседей по самым разным признакам – по форме и по смыслу, по культурным и общественным тради-

циям – и это несмотря на территориальную близость с узбеками и казахами. Так, казахи жестикулирует иначе, нежели узбеки, а киргизы отличаются жестикуляцией и от казахов, и от узбеков (Сыдыкбекова 1982). В устной речи казахи пользуются гораздо большим числом жестов и жестикулируют более энергично, чем киргизы, тогда как узбека, напротив, отличают более замедленные и плавные движения и жесты.

Каждая нация, опираясь на свои культурные и социальные традиции, собирает, формулирует и уточняет правила этикета. Если посмотреть на существующие в данной культуре нормы этикета, то можно увидеть и невербальные знаки, наиболее часто используемые в коммуникации. Через посредство невербальных компонентов можно увидеть также и то, что является запретным в данной культуре. Например, киргизские этикетные правила запрещают мужчинам целоваться, тогда как для турков поцелуи являются нормой бытового поведения. Специфика двух систем – этикета как системы коммуникативных запретов и этикета как системы единиц невербального (жестового) поведения – было точно подмечена Т.М. Николаевой, которая подчеркивает, что этикет, накладываясь определенным образом на речь, «членит совокупность неречевых элементов по новому основанию – допустимости (недопустимости) употребления». В результате выделяются жесты, предписанные этикетом, например рукопожатие при встрече, и жесты, с этикетной точки зрения недопустимые (жесты-табу).

Одним из наиболее привычных этикетных жестов для киргизской этнокультуры является **рукопожатие**, или **пожатие руки**. В языках жестов многих народов рукопожатие считается актом проявлением уважения и одновременно рассматривается как жестовый знак уважения. Киргизы с давних времен тоже считали руку основной и исключительно важной частью тела и говорили, что «рука – это роспись богов» (букв. *кол кудайдын мёёръ*). Поэтому они рассматривали жест рукопожатия как имеющий значение непоколебимой крепости и верности данному человеку обещанию.

В традиции киргизского народа рукопожатие, вообще говоря, не очень частый жест, к тому же имеющий ограниченную сферу использования. Пожимали руки, как правило, только тем людям, которые побы-

Некоторые особенности невербального этикета киргизов...

вали в священных местах, например в Мекке. До священных вещей и предметов дотрагивались только чистыми руками, а потому, зная, что болезни нередко передаются через руки, люди в своем поведении как бы ориентировались на следующую поговорку: *Все болезни передаются через рукопожатие* (букв. *котур колдон жугат, жоор жондон жугат*). Поэтому, здороваясь, они лишь прикладывали руку или руки к груди и чуть склоняли голову вниз. Исключение в этом плане составляли близкие родственники: с близкими родственниками, приехавшими издалека, и обычно только с ними, люди обнимались и прикасались друг к другу, впрочем и здесь только грудью. Традиция пожатия рук появилась у нас, у киргизов, лишь с приходом европейской культуры. Рукопожатиями, однако, в первое время пользовались только для закрепления того или иного договора и обещания.

Позже ритуальное рукопожатие в качестве знака приветствия распространилось довольно широко, причем в разных формах. Так, с давних времен киргизы перед тем, как отправиться на войну, или перед тем, как приступить к решению какой-либо сложной проблемы, в знак достигнутого с другими людьми соглашения о совместных действиях резали белую кобылу и собирали ее части и кровь в какую-нибудь посуду, после чего, засучив рукава, опускали в посуду с кровью руки. При этом люди произносили слова клятвы и говорили, что в случае, если они не сдержат данное слово, то пусть их постигнет участь белой кобылы. После закрепленного таким способом договора люди долго жили потом в дружбе и согласии.

Киргизы никогда не переступали через это данное ими священное обещание. И длилось это вплоть до 1925 года. В народном эпосе «Манас» мы несколько раз встречаемся с описанием этого ритуала, например:

*Ай туягын чалышып,
Качкандардын баарысы,
Как ушундай болсун деп
Карысынан кандары,
Канга колун малышып.*

Так как рукопожатие использовалось лишь при клятвенных обещаниях, это объясняет, почему в эпосе «Манас» рукопожатие как приветствие совсем не упоминается. Когда же рукопожатие стали использовать как жест приветствия, то и тогда возникли некоторые ограничения в его употреблении. По обычаям киргизов люди противоположного пола никогда не здоровались так друг с другом, а пожилые женщины, приветствуя молодых людей, целовали им руки или же, погладив сначала молодых по плечам, целовали затем свои руки. И такой невербальный ритуал приветствия был весьма распространенным.

Табуированным было использование не только слов, но и невербальных знаков. Существовали ранее и существуют сегодня табу, наложенные на некоторые акты поведения или непосредственно на те или иные жесты, и многие из запретов относятся к нарушениям этикетных норм. Недопустимые жесты, или жесты-табу, делятся на две группы: а) запреты, налагаемые религиозными традициями, и б) табу в повседневном быту. Вот примеры правил-запретов, наследуемые от религиозных традиций: не пересекай дорогу старшим (*улуу адамдын жолун кеспе*); не распускай волосы (*чачыьды жайба*); не рви волосы на голове (*чачыьды жулба*); не стой на пороге (*босого турба*); не опирайся на палку (*таякка сыйёнбё*); не качай пустую колыбель (*бешикти кур терметпе*); не ложись ногами, направленными в сторону Мекки (*кыбыланы тээп жатпа*); не проходи между двумя стоящими людьми (*эки кишинин ортосунан ётпё*); не целуй ступню младенца (*жаш баланын таманынан ёппё*); не показывай указательным пальцем на могилы (*бейтти колуь менен кёрсётпё*); не плюй на огонь (*отко тькърбё*); не открывай дверь пинком (*эшикти тээп ачпа*); не потягивайся у порога (*босогого туруп бой кербе*); беременная женщина не должна сидеть на наполненном мешке (*боюнда бар аял капка олтурбайт*); не носи пиджак, накинув его на плечи (*желбегей жамынба*).

Все эти предписания-запреты демонстрируют или подчеркивают культурные традиции, и все они являются фактами национальной истории и культуры киргизского народа.

Существует также ряд запретов на использование определенных жестов и на жестовое поведение киргизов в быту: нельзя зевать (*эсте-*

бе); задирать ноги в юрте (*боз ъйдё бутуьду асманга каратпа*); не следует подавать пиалку чая левой рукой (*чайды оь кол менен узат*); смотреть в упор на собеседника (*телмирип тиктебе*); входить в юрту с раскрытым кнутом (*камчыны ъйгё съйрёп кирбе*); когда сидишь, не нужно упираться руками о пол (*жерге таянбай олтур*); не следует поворачиваться спиной к собеседнику (*далььды салба*); причмокивать ночью (*таьдайяьды такылдатпа*); скрипеть зубами (*тишиьди кычыратпа*); бить кнутом по голове коня (*камчы менен аттын башын чабууга болбойт*); пинать животных (*малды тебъьгё болбойт*).

Раскроем значение и употребление некоторых из перечисленных коммуникативных жестов.

Нельзя класть руки ладонями себе на бока (*белинди таянба*). Только женщине, оплакивающей умершего, дозволялось использовать этот жест. У казахов этим жестом никогда не пользовались мужчины, а у киргизов его не могли применять ни мужчины, ни женщины. Киргизы очень не любили, когда кто-либо употреблял данный жест: это считалось проявлением неуважения к собеседнику.

Не сцеплять кисти рук сзади. Киргизы строго запрещали исполнять этот жест детям. Известный этнограф Ч. Омуралиев расшифровывает смысл этого запрета в киргизском языке жестов следующим образом. Мальчика, положившего руки сзади на поясице, у нас очень не любят. Ему говорят: «Убери руки, не складывай их сзади, что, у тебя отец, что ли, умер?». Дело в том, что основное значение данного жеста – это обозначение того, что у ребенка нет отца. Только глава семьи мог употреблять эту жестовую форму, но значение жеста уже было иным: жест означал, что употребивший его человек – хозяин дома. Когда видели какого-либо человека, сложившего таким образом руки, то о нём говорили с сочувствием: «Потерял отца, бедненький».

Нельзя показывать на могилу. Исполнение жеста «показывать на могилу» по существующему в киргизской культуре поверью может привести к загниванию пальца. Если человек случайно употребил этот жест, он моментально должен прикусить палец, а потом даже наступить на кончик пальца ногой. Вера в душу и в последующую загробную жизнь у киргизов сохранились по сей день. Издавна они считали могилы пред-

ков священным местом, охраняли могилы от врагов и никогда не наступали и не ходили по ним. Рядом с могилами нельзя было произносить ни одного плохого слова и нельзя было показывать на могилы пальцем.

Не стой на пороге. Существующие до сегодняшнего дня традиции и жесты, связанные с порогом дома, отчетливо указывают на древнее происхождение жеста и словосочетание *стоять на пороге*. Гостя, пришедшего к ним домой, киргизы никогда не держали на пороге и там с ним не разговаривали, а сразу приглашали его войти в юрту. Если почему-либо так в отношении гостя не поступить, то хозяин дома будет бедным, и у него никогда не будет достатка. Это поверье, воспринятое еще целым рядом народов, воплощается в форме соответствующего запрета-табу.

Символика и смысловой корень порога, а также связанных с ним кинетических знаков-действий, дополнялся у многих народов самыми разными смыслами в течение нескольких веков. Саки сразу понимали намерения человека, который стоял на пороге и двумя руками держался за обе стороны дверного проема, а именно, уже по одному только этому жесту они знали, что человек пришел за вирой (пеня за убийство). В Сирии считали, что если человек будет стоять на пороге, то его ждет неприятность, а потому у всех входов в мечеть были высокие ступеньки. Монголы считали, если прислониться к порогу, то достаток уйдет из дому, а турки полагали, что сам шайтан сидит на пороге, и по этой причине запрещали детям сидеть у порога.

Подобные запреты отражаются в обычаях и традициях у многих народов. В средние века они были не только у вышеперечисленных народов, но также в Ираке, в Персии, в Марокко, в Индии, в Турции, во Франции [Сыдыкбекова 1982, 63 – 64].

Ранее у киргизов все запреты, связанные с порогом, в особенности те, которые касаются поведения на похоронах и свадьбах или во время совершения таких ритуалов, как обрезание, соблюдались очень строго. У киргизов, прежде всего южан, молодую невестку переносили через порог на руках, и она должна была поклониться порогу. Эта традиция сохранилась до сих пор. У каракалпаков люди во время похорон трижды касались головой умершего об порог, и только после этого по-

койника хоронили. Дело в том, что у каракалпаков сохранилась вера в то, что это поможет умершему забыть то место, где он скончался, и он туда больше никогда не вернется. Если же человек стучал по порогу дома, то это было равносильно проклятию. Хакасы строго запрещали своим детям стоять у порога дома, поскольку, по их мнению, это отрицательно сказывается на росте ребенка. Подобные обычаи и правила, говорящие о том, когда и как нужно стоять или, наоборот, не стоять, и запреты, «не прислоняться», «не сидеть, не стоять у порога» сохранились в культурах до настоящего времени.

Не волочить кнут при входе домой. Киргизы, будучи кочевым народом, не мог обходиться без лошадей, а потому киргизский мужчина часто ходил с кнутом. Не случайно, в культуре киргизов есть много запретов, наложенных на невербальное поведение, связанное с кнутом: «не волочить кнут домой», «беседуя, не размахивать им», «не вешать кнут на шею». «Волочить кнут в дом» – это жест, который до настоящего времени относится к запрещенным этикетными правилами, так как считается жестом неуважения или проявлением злости и ярости к собеседнику либо противнику. Киргизы думали, что конь – это крылья человека; отсюда такие запреты, как «не бей коня по голове кнутом». Бить чью-либо лошадь по голове считалось знаком открытой неприязни, соперничества или ненависти к хозяину лошади.

Не распускать, не рвать волосы. Только вдове дозволялось распускать волосы в знак траура по мужу, а остальным женщинам это строго-настрого запрещалось. Сегодня, впрочем, этот запрет потерял былую силу, особенно в городе.

Если взглянуть на жестовые знаки, которыми киргизы пользуются с самых давних времен, то можно обнаружить, что они тесно связаны с религиозной жизнью и верой человека. Многие тюркоязычные народы используют такие жесты горя и скорби, о которых подробно написано в книге «Фольклор в Ветхом завете» английского этнографа Фрезера: «Родственники и близкие умершего царапают ногтями свои лица, рвут волосы, одежду и падая на землю, громко плачут». Похожие жесты мы находим в культурах ханты-мансийцев, таджиков, казахов или кавказцев. Например, в эпосе «Манас» ритуальный жест **царапать лицо**

встречается очень часто. Используемый женщинами, этот жест можно квалифицировать как невербальное проявление стресса. По данным психологов и физиологов столь сильное эмоциональное переживание человека проявляется именно при такого рода действиях, и характерно для скорбных, горестных событий. Возможно, причинение себе физической боли дает человеку возможность заглушить острую боль утраты, горя или иную психическую боль. Реально исполняемые жесты **царапать лицо, рвать волосы, биться головой об стенку** с давних времен и по сей день являются симптоматическими знаками сильного душевного переживания.

Не подавать пиалу чая левой рукой. У киргизов существует древнее поверье, что у человека на левом плече сидит сатана (шайтан), а на правом – ангел (периште). По этой причине любую работу необходимо начинать делать правой рукой. Сделать **первый шаг за порог** нужно **правой ногой**, **пиалу чая** следует **подавать правой рукой** и т.д., – тогда ангел будет охранять человека и вести его по жизни, помогая ему в поступках и мыслях.

С точки зрения этикета, наряду с жестами рук, немаловажное значение для коммуникации имеют позы. Широко применяется такой древний ритуал приветствия, как **поклоны**. Младшему поколению запрещено «сидеть перед старшими, вытянув вперед ноги», не следует «скрещивать ноги» и «смотреть в упор»: ребенка киргизы, кстати, как и жители Латинской Америки, специально учат не смотреть в глаза старшим. С помощью правил этикета наши предки воспитывали у молодых уважение к старшим, учили молодых ценить и беречь народные традиции. Такие невербальные правила поведения, наряду с запретами, очень важны для нашего поколения. Принятые у киргизов правила этикета тесно связаны с национальными традициями и мировоззрением. Говоря словами Н.И. Формановской, «этикет – это собранный народом свод воспитательных правил». Поэтому древний этноэтикет не только необходимо изучать, но и, что очень важно, сделать его достоянием молодежи.

Литература

Ахметов А. Турк тилдериндеги табу менен эвфемизимдер. Алма-Ата, Кылым, 1995.

Нурсултан кызы Ж.О. Бокеевдин чыгармаларындагы казак калкында тыюу иретинде кездешкен кинесикалык кыймылдардын колдонулушу // А. Байтурсунуулу атындагы Тил билими институтунун «Тилтааным» журналы. 2002. №2.

Сыдыкбекова Д. Особенности коммуникативного поведения киргизов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1982.

Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий

Семантическая структура слова *плечи* и его производных

1. Постановка задачи и описание материала

В 2002 году группа студентов и аспирантов Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета под руководством Г. Е. Крейдлина приступила к работе над большим проектом, целью которого является сравнительный анализ вербальных и невербальных единиц русского языка и русского языка тела. Материалом для исследования служат способы представления основных частей тела в вербальном и невербальном семиотических кодах. В рамках этого исследования на сегодняшний день написаны две работы – статья [Аркадьев 2002] о полисемии названий головы в большом количестве языков разных типологических классов и статья [Крейдлин, Летучий 2004а], предметом анализа в которой явилась концептуализация такой части человеческого тела, как плечи. Ниже вниманию читателей предлагается третья статья, также написанная в рамках задуманного проекта.

Наш выбор в качестве объекта изучения столь «неяркой» части тела, каковой являются плечи, мотивирован тем, что вербальная, и уж тем более невербальная, концептуализация плеч ранее никем не изучалась. В предыдущей статье [Крейдлин, Летучий 2004а] мы хотели показать, что концептуализация плеч заслуживает не меньшего внимания, чем концептуализация таких органов, как голова, руки, сердце, глаза, которые неоднократно и с самых разных точек зрения описывались в

лингвистических работах. В результате проведенного исследования было показано, что русский язык выделяет как основные две функции плеч, а именно (1) служить опорой для головы и шеи и (2) быть местоположением и орудием для ношения тяжёлых предметов. Признаки и функции плеч составили центральные элементы толкования слова *плечи* в его исходном значении.

В той же статье отмечалась важная роль плеч в описании человеческого тела в целом. Так, характеризуя форму и структуру плеч, мы обычно указываем на эстетические особенности внешнего облика человека, а оценивая способность плеч выполнять свои функции, описываем физическую и психическую силу человека. Например, если о мужчине говорят, что он *узкоплечий* или что у него *костлявые плечи*, то едва ли такой мужчина может восприниматься и оцениваться как *красивый*. *Округлые плечи* – это красивые женские плечи, а *широкие* мужские плечи позволяют мужчине носить тяжести.

Представляемую ниже работу следует рассматривать как естественное продолжение предыдущей: мы опишем здесь некоторые производные значения слова *плечи* и типовые употребления этого слова в полусвободных и связанных сочетаниях (фразеологизмов разных типов). А в последней из серии статей, посвященных семиотической концептуализации плеч, ([Крейдлин, Летучий 2004в]), предполагается обсудить значение и употребление тех невербальных знаковых единиц, или жестов, в которых плечи играют существенную роль. Особое место в ней занимает сопоставление особенностей вербальной и невербальной концептуализации плеч, соответственно, в русском языке и русском языке тела.

Материал для всех указанных трех статей составили языковые примеры, взятые из художественной литературы и публицистики XIX – XX веков и из русской устной разговорной речи. Кроме того, нами анализировались реальные факты невербального коммуникативного поведения людей, зафиксированного авторами статьи и некоторыми другими людьми. Обращались мы и к данным толковых словарей русского языка и «Словаря языка русских жестов» ([Григорьева и др. 2000]), а также использовали данные, содержащиеся в ряде специальных работ по невербальной семиотике.

2. Исходное и производные значения слова *плечи*

В работе [Крейдлин, Летучий 2004а] было дано толкование основного значения слова *плечи*, которое мы здесь для удобства повторяем. На вход толкования первых, исходных, значений слов, обозначающих парные органы, к которым относятся плечи, подаётся форма множественного числа как более частотная, чем форма единственного числа. Другими словами, мы полагаем, что на вход толкования должны подаваться словоформы множественного числа, то есть *руки, ноги, глаза, уши, лёгкие*, а также *плечи*.

Слово *плечи* в своем первом значении (лексема *плечи 1*) обозначает 'горизонтальные плоские части человеческого тела, расположенные симметрично слева и справа относительно вертикальной оси симметрии тела, начинающиеся там, где заканчивается шея, и заканчивающиеся там, где начинаются руки; основные функции плеч – (1) держать голову вместе с шеей, (2) быть местоположением для тяжелых грузов и носить эти грузы'.

Помимо исходного, слово *плечи* имеет также ряд других значений, которые описываются ниже, и еще один своеобразный «медицинский» вариант употребления. С него-то мы и начнем.

Медики членят человеческое тело по-своему, совсем не так, как это делают неспециалисты, так сказать, рядовые носители русского языка. И употребление медиками слова *плечи* отличается от бытового, поскольку обозначает часть тела, включающую в себя ту, которая кодируется лексемой *плечи 1*. Иными словами, в медицинском подязыке лексема *плечо* означает 'часть человеческого тела от конца шеи до локтя'.

Помимо медицинского, или анатомического, употребления слова *плечи*, есть производное от него слово *предплечье*. Оно является сугубо анатомическим и обозначает часть тела от плеча до локтя. В бытовой повседневной речи слово *предплечье* не используется, а соответствующая часть тела относится к руке (хотя объём понятия «рука», конечно, шире). Приставка *пред-* здесь фиксирует не расположение вдоль оси «спереди – сзади» (ср. отсутствие слова *заплечья*, при том, что есть

выражение *за плечами*), а маргинально употребляется для обозначения расположения соответствующей части тела ниже, чем плечи, на оси «верх – низ».

Перейдем теперь к описанию других значений слова *плечи*, но прежде чем предложить толкования, сделаем два важных замечаний более общего характера.

1. Несмотря на то, что слово *плечи* во всех значениях, кроме основного, имеет весьма ограниченную сферу употребления, мы все же решили описать их по следующим причинам. Во-первых, если стремиться к полному семантическому описанию слова *плечи*, то все равно без толкования всех его значений обойтись нельзя. Во-вторых, нам хотелось продемонстрировать две любопытные особенности структуры полисемии слова *плечи*, а именно, то, что (а) все остальные его значения так или иначе выводимы из первого, то есть являются производными от основного значения, и то, что (б) в производных значениях слова *плечи* на передний план выступают именно те смысловые компоненты, которые в исходном значении слова являются периферийными.

2. Входами в толкование производных значений слова *плечи* могут быть формы обоих чисел.

* * *

Приведём примеры употреблений слова *плечи* в производных значениях:

(1) *Имел Кармадон крапчатый пиджак с ватными плечами <...>* (Вл. Орлов. *Альтист Данилов*).

(2) *Данилов получил ключ от именного шкафа, вбил гвоздь для плечиков фрака <...>* (Вл. Орлов. *Альтист Данилов*).

Второе, производное, значение слова – лексема *плечо 2* – непосредственно связано с первым по смежности. Эта лексема обозначает часть одежды, которая примыкает к плечу человека, покрывая его. *Плечо 2*, таким образом, – это ‘часть одежды или специальная подкладка из материи, служащая для того, чтобы подчеркивать величину или форму *плеч 1* или закрывать их’.

Третье производное значение – лексема *плечо* 3 – связано с первым по сходству формы. Эта лексема обозначает некоторые горизонтальные части природных объектов или артефактов, которые выделяются по внешнему виду на фоне других частей неправильной формы или, по крайней мере, не горизонтальных. Существенно, что люди могут использовать такое *плечо* (которое является частью некоторого более крупного объекта, например, *горы, рычага* или *конвейера*) для особых целей – часто отличных от целей использования самого целого объекта, частью которого они являются. Так, горизонтальная форма плеча горы даёт возможность без каких-либо дополнительных усилий стоять на поверхности горы или разбивать на ней альпинистский лагерь, ставить палатки и т.п., а на плечо рычага удобно нажимать, подымая грузы. Приведем толкование этой лексемы:

Плечо 3 <X-a> – ‘горизонтальная часть в составе природного объекта или артефакта X, выделяемая на фоне других частей X, имеющих разнообразную структуру и форму’.

Примеры

(3) *Чем дальше мы отходим от лагеря – тем хуже становится погода. Проходим пологую часть ледника – начинает сыпать крупа: и это начало июня! Доходим до плеча горы, от вершины нас отделяют 600м. перепада, а вершины не видно (из экспедиционного отчёта).*

(4) *Пройти на ту сторону острова можно только через плечо горы (Г. Прашкевич).*

(5) *Электрический датчик определяет, в какой момент плечо плуга находится в максимально отведенном положении (из инструкции).*

(6) *На внутреннем конце штока крепится коническим винтом рычаг выбора передач. Он состоит из двухплечего рычага и пластины, имеющих единую ступицу. Между коротким плечом и пластиной расположено одно плечо трехплечего рычага (техническое описание устройства автомобиля).*

У разных лексем в составе вокабулы плечи имеется разный словообразовательный потенциал. Так, дериват *плечико* 1 (*плечики* 1) с умень-

шительным суффиксом *-ик* образуется только от бытового употребления основного значения слова *плечо* (*плечи*), то есть от лексемы *плечо 1*, а также от лексемы *плечо 2*, ср.:

(7) *Я положил Нине руку прямо на плечо, даже сжал плечо немного. Ну и худенькое плечико!* (В. Аксенов. *Апельсины из Марокко*).

(8) *Свою девушку я сразу увидел, в первом же купе, ее личико и острые плечики, у меня, милейший, просто голова закружилась, когда я понял, что это моя девушка* (В. Аксенов. *Остров Крым*).

Однако такого деривата нет ни у медицинского варианта основного значения, ни у остальных производных значений.

Кроме словообразовательного деривата, у лексемы *плечи 1* существуют также два лексических деривата, метонимически связанные с этой лексемой. Это лексемы *плечико 2* и *плечики 2*.

Плечико 2 – ‘часть женской одежды в виде очень узкой полоски материи, прилегающая к плечу человека и проходящая через плечо человека; служит для того, чтобы удерживать на плече одежду’.

Примеры

(9) *Ослепительно белое плечико ночной рубашки глубоко врезалось в полное смугловатое плечо* (М. Шолохов. *Они сражались за Родину*).

(10) *Там сохранился фрагмент рисунка – девочка в голубом платьице. Уцелело только плечико и голубой рукав* (С. Довлатов. *Зона*).

Плечики 2 (только мн. ч.) – ‘напоминающая *плечи 1* маленькая вешалка (= *вешалка 2*)’, где лексема *вешалка 2* обозначает ‘предмет с крючком, предназначенный для того, чтобы вешать на него платья, пиджаки и другие предметы одежды и хранить их в вертикальном положении в шкафу’.

Примеры

(11) *Старые туфли брюнетки были выброшены за занавеску, и туда же проследовала и сама она в сопровождении рыжей девицы и фагота, несшего на плечиках несколько модельных платьев* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).

(12) <...> *Все эти вещи, деревянные плечики с платьем, кружевные платки, синие шелковые туфли на распялках и поясok - все это посыпалось на пол, и Наташа всплеснула освободившимися руками (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

3. Слово *плечи* во фразеологических сочетаниях

Ниже мы рассмотрим употребление слова *плечи* и его дериватов в полусвободных и устойчивых сочетаниях.

Семантическую основу многих из таких единиц образует метонимическая связь 'часть целого' – 'целое', то есть, в данном случае, 'плечи' – 'человек'. Далее мы последовательно рассмотрим три группы сочетаний, в которых отражаются следующие свойства плеч: в группе **А** отражена роль плеч как места ношения грузов (как физических, так и психологических) или одежды, в группе **Б** описывается роль плеч как особого устройства, поддерживающего голову вместе с шеей, а в группе **В** – свойство плеч, непосредственно связанное с их топографией, а именно способность плеч структурировать и распределять физическое пространство относительно человеческого тела. Отметим сразу, что хотя это свойство в толковании слова *плечи* эксплицитно не указано, оно вытекает из характеристик формы плеч и их расположения относительно смежных крупных частей тела.

А1. Начнём с атрибутивных конструкций типа *с барского (царского, хозяйского, господского, маминого, отцовского, чужого) плеча*. Они имеют свои семантическую и прагматическую особенности: семантически каждая из них связана с названием одежды или отдельных предметов одежды, которую один человек (X), в конструкции эксплицитно не обозначенный, получает от другого (Y) – барина, хозяина, господина, отца или просто чужого человека, причём в акте передачи чужой одежды от Y предполагается, что X будет носить её и относиться к ней как к своей, а прагматически сочетания подчёркивают именно чужеродность данной одежды.

Поясним сказанное. Судя по данным русского языка, которые находятся в распоряжении авторов, человек всегда рассматривает при-

надлежащую ему одежду как свою неотчуждаемую собственность¹. Об этом говорит не только наличие в языке описанных конструкций, но и обязательное (вне контекста эмфазы или смыслового противопоставления) отсутствие притяжательных местоимений, обозначающих владельца одежды, в тех случаях, когда человек, носящий эту одежду, рассматривает её как свою, ср. правильное *Я надел рубашку и пошёл открывать дверь* и неправильное или, по крайней мере, странное **Я надел свою рубашку и пошёл открывать дверь*².

Напротив, если человек не рассматривает одежду как свою и хочет это подчеркнуть, он должен употребить притяжательное местоимение, указывающее на владельца одежды, или каким-то иным способом обозначить владельца, ср. *Я накинула мамин халат и пошла открывать дверь*. Отсутствие слова *мамин* означало бы, что халат принадлежит автору данного высказывания или что здесь вообще неважно, кому принадлежит халат.

С той же прагматической целью подчёркивания чужеродности используются и интересующие нас полусвободные единицы с *барского плеча*, с *отцовского плеча* и под. Все эти единицы говорят о том, что некая одежда или отдельный предмет одежды переданы для ношения одному человеку другим (как правило, человек, передающий одежду, богаче или гораздо старше получателя; обычно это родственник). Существенно, что использованием слова *плечи* подчёркивается тот факт, что передаваемая одежда носится и удерживается на плечах, ср. неправильное **сапоги с чужого плеча*, **брюки с чужого плеча*. Кроме того, рассмотренные сочетания все имеют также общее формальное свойство: в них возможна только предложная группа с существительным в единственном числе – с *плеча* – и невозможна группа с существитель-

¹ Это, по-видимому, вызвано тем, что одежда примыкает к телу человека и образует с телом человека единое целое).

² Описанный случай обязательного отсутствия указания на обладателя одежды не следует путать с другим случаем, когда обладатель одежды не маркирован, то есть когда неважно, кому одежда принадлежит. В последнем случае фразы типа *Я надел рубашку и пошёл открывать дверь* тоже возможны.

ным во множественном числе – *с плеч. Использование формы единственного числа создаёт ощущение большей фразеологизации сочетания; форма единственного числа не отражают реальное положение и функционирование носимой на плечах одежды (поскольку одежду, как правило, носят на двух плечах, а не на одном).

Исходя из выше сказанного, представим смысл такого словосочетания, как, например, *одежда (Z) с отцовского плеча* (здесь Z – языковое обозначение не только одежды в целом, но и некоторого предмета одежды), следующим образом: 'некий человек X ранее получил одежду Z, носимую на плечах, от своего отца, который считал эту одежду своей и носил в течение некоторого времени; хотя X и носит или готов носить её, он не считает ее своей'.

Замечания

1. Отмеченная ранее валентность прежнего владельца одежды, то есть Y, заполняется здесь прилагательным *отцовский*.

2. Несколько выпадает из ряда *с отцовского (мамино, барского, царского, хозяйского, господского) плеча* сочетание *с чужого плеча*, где прилагательное не указывает на статус бывшего владельца одежды, а лишь акцентирует её чужеродность. Речь здесь идёт о том, что одежда, как правило, не подходит человеку по каким-то своим параметрам, в ней он выглядит неловко и обычно ощущает эту неловкость. То, что одежда не подходит новому владельцу, нередко видно даже со стороны, и люди, видящие это, могут обмениваться соответствующими впечатлениями.

Примеры

(13) *В трамвае на них оглядывались: девочка в дамской, с чужого плеча котиковой шубе плачет, закрывает платком лицо (А. Рыбаков. Дети Арбата).*

(14) *Полиграф Полиграфович вошел с необычайным достоинством, в полном молчании снял кепку, пальто повесил на рога и оказался в новом виде. На нем была кожаная куртка с чужого плеча, кожаные же потертые штаны и английские высокие сапожки со шнуровкой до колен (М. Булгаков. Собачье сердце).*

И последнее, что нам хотелось бы здесь сказать. Многие из рассмотренных сочетаний, например, *с барского плеча*, *с господского плеча*, *с хозяйского плеча*, в современном русском языке нередко употребляются с иронией по отношению к ситуации передачи: высмеивается ложное сходство ситуации передачи одежды от одного человека к другому с ситуацией пожертвования богатым хозяином одежды своему бедному слуге. Так, об одежде, ранее принадлежавшей богатому родственнику, который «пожертвовал» её нынешнему владельцу, тоже говорят как об одежде *с барского плеча*.

A2. Метонимическая связь плеч с их носителем наиболее отчётливо видна во фразеологических сочетаниях типа *взвалить на чьи-либо плечи* (или: *себе на плечи*), *нести (вынести, пронести) на своих плечах* и *тащить на своих плечах*, ср. *взвалить на кого-либо*, *выносить, нести на себе (крест)*, *тащить на себе*.

Когда люди берут на себя чужие обязанности или заботы, рассматриваемые как тяжесть, которую нужно носить, естественно, что они носят их именно на плечах, поскольку именно плечи и предназначены для ношения тяжестей.

Обратим внимание на синтаксические особенности рассматриваемых сочетаний. Во-первых, это наличие синтаксических дублетов типа *себе на плечи / на свои плечи* для фразеологизма *взвалить себе на плечи* с направительным значением предлога. Во-вторых, большая употребительность возвратного и притяжательного местоимения *себе /своей* в данных фразеологизмах по сравнению с близкими им свободными сочетаниями: ср. *Он тащит на своих плечах весь дом* и **Он тащит на своей спине рюкзак* (при правильном *Он тащит на спине*). Правильность первого предложения и неправильность второго объясняется тем, что части тела в норме являются неотчуждаемой собственностью обладателя, и нет необходимости специально указывать на самого обладателя этих частей. А потому в тех случаях, когда употребляется притяжательное или возвратное местоимение, обозначающее владельца плеч, то оно употреблено не случайно: либо владелец по каким-то причинам специально акцентируется, либо, как в нашем случае, сочетание со словом *плечи* воспринимается как переносное, а не как исходное.

Наконец, из рассматриваемых сочетаний только при глаголе *взвалить* допускается несовпадение субъекта действия и посессора плеч, ср. *Он взвалил на плечи матери столько всего, что не всякий мужчина с этим справится* (при неправильном *Он тащит весь дом на плечах матери*). Этот факт является естественным следствием смыслового различия глаголов *взвалить* и глаголов *нести* и *тащить*.

Несмотря на семантическую близость выражений *<взвалить> себе на плечи* и *взвалить на свои плечи*, между ними нет полной синонимии. Первое выражение говорит о большом физическом весе груза, а второе – о психологической тяжести.

Все эти глаголы управляют существительными со значением деятельности, но не произвольной, а обладающей следующими свойствами. Во-первых, она является тяжёлой в физическом или психологическом смысле, а потому в нормальной ситуации ею занимаются несколько человек (ср. *Он взвалил на свои плечи все домашние дела; Режиссёр тащил на своих плечах не только спектакли, но и организацию гастролей*). Во-вторых, люди, которые занимаются этой деятельностью, должны быть связаны с агенсом разного рода социальными связями: это могут быть родные, сотрудники по работе, соседи или просто люди, которые именно этой деятельностью с агенсом и связаны (*Она взвалила на свои плечи организацию экскурсии в Тулу*). Сам агенс не только не обязан ею заниматься, но и обычно не занимается ею один по причине её тяжести. В-третьих, как следствие первых двух свойств, осуществление агенсом этой деятельности говорящий рассматривает как взятую человеком на себя обязанность (ср. правильное *Муся взвалила на свои плечи составление годового финансового отчёта* и странное *?Муся взвалила на свои плечи написание рассказа*).

Таким образом, толкование, например, фразеологизма *взвалить себе на плечи* будет иметь следующий вид:

Х взвалил себе на плечи Р = 'до некоторого момента T_0 человек *Х* не занимался деятельностью *Р* или занимался ею вместе с другими людьми. *Х* не занимался *Р* самостоятельно, потому что не обязан был это делать и потому что деятельность *Р* тяжела для *Х*. Обстоятельства сложились так, что, начиная с момента T_0 , *Х* вынужден заниматься *Р*

самостоятельно. X принимает решение, что он будет далее самостоятельно заниматься Р и начинает заниматься Р. Говорящий сочувствует и сопереживает X-у, который вынужден это делать'.

По похожей схеме толкуются и остальные два фразеологизма рассматриваемой группы.

Отдельно остановимся на фразеологическом сочетании *по плечу*, выступающем в предложениях типа *Нам любое дело по плечу*, *Ему это не по плечу*, *Неужели ей эта работа по плечу?*

Среди разных значений русской языковой конструкции «предлог *по* + существительное в дательном падеже» есть одно прямое – значение соответствия физических характеристик предмета одежды, обуви или какого-то иного предмета части тела человека, для которой этот предмет предназначен, ср. предложения *Эти туфли мне по ноге* (подходят по размеру, форме и т.д.), *Этот кинжал ему по руке* и даже *Этот пиджак ему по плечу*. Другие значения являются производными и фразеологизованными: например, предложение *Тане эта работа по плечу* означает 'работа, которую Таня должна выполнить, соответствует её силам'. Из предложенного описания значения сочетания *по плечу* следует, что говорящий считает эту работу достаточно сложной для неё и оценивает способность Тани с нею справиться.

Таким образом, мы имеем дело тут с регулярным переносом следующего типа: от значения физического соответствия определённого предмета части человеческого тела к значению физического и психологического соответствия некоторой деятельности человеку. Действительно, человек, вообще говоря, способен выполнять самые разные действия, и эта способность не нуждается в оценке. Для того, чтобы оценивать способность человека выполнять какие-то действия, нужны особые причины: мы ведь не оцениваем способность человека выполнять такие несложные действия, как чистить зубы, одеваться и т.п., если он взрослый, здоровый, разумный и т.д. Предпосылки для такой оценки возникают только тогда, когда у говорящего есть основания сомневаться, что данный человек обладает необходимыми качествами для выполнения данного действия. В частности, говорящий может считать, что человеку трудно выполнить некоторое действие, потому что для этого

нужно приложить много сил, каковых у человека может не быть и даже, скорее всего, нет. Тогда обычно говорится нечто вроде *Это ей (ему) не по плечу*. Указание на такую часть тела, как плечи, здесь семантически мотивировано, поскольку одна из основных функций плеч, как мы уже говорили, – носить тяжёлые вещи. Ср. в связи со сказанным также синтаксически и семантически близкие выражения *Это ему не по душе* (нечто не соответствует характеристикам души: её свойствам, способности оценить и воспринять это), *Это ей не по сердцу (по нутру, по нраву)*, а также более общее *Это не по мне*.

Б. Перейдём теперь к описанию устойчивых единиц, в которых подчеркивается функция плеч как природного «поддерживающего устройства» для шеи и головы. Речь идет о выражениях *У тебя голова на плечах есть (У тебя что, головы на плечах нет)?*, *<У него> своя голова на плечах* и *За это голову с плеч снимут*. Поскольку первые два из них описывают данную функцию плеч более непосредственно, речь пойдёт далее только о них.

Выражение *У тебя голова на плечах есть (У тебя что, головы на плечах нет)?* построено по той же модели, что и фразеологизованные выражения с названиями частей тела *У тебя глаза (уши, руки, ноги, язык) есть? или У тебя что (разве), языка нет?*. Все они имеют по два круга употреблений. В первом случае говорящий утверждает, что адресат не выполняет совсем или плохо выполняет некоторые действия, главная роль в которых отведена соответствующим частям тела. Во втором случае подразумевается, что адресат просто не хочет производить такие действия и просит другого человека выполнить их за него, а говорящий даёт ему понять, что не будет выполнять эти действия. Так, раздражённую реплику *У тебя что, глаз нет?* человек может произнести, например, в ответ на несколько раз повторенный в его адрес вопрос *Где же моя чашка?*. Та же реплика может явиться и грубой реакцией одного человека на многократные назойливые просьбы другого пойти посмотреть, например, положила ли секретарь какие-то документы на место.

Все выражения, построенные по данной модели, будь то ответы на вопросы или реакции на просьбы, являются по форме грубыми, и грубость здесь часто бывает прагматически мотивирована многократным

надоедливым повторением одного и того же, что, как известно, противопоказано нормальному общению.

Оценка приведённых вопросов как грубых обусловлена как самой формой, так и буквальным смыслом этих вопросов: говорящий, если понимать его слова буквально, спрашивает о том, имеет ли человек глаза, уши, голову или какую-то иную часть тела, при том, что положительный ответ на этот вопрос ему очевиден. Следовательно, этот вопрос должен получить нестандартную интерпретацию и не рассматриваться как подлинный вопрос. Из сказанного понятно, что, например, к человеку, у которого данная часть тела действительно отсутствует или плохо функционирует, адресовать такие вопросы правилами кооперативного общения просто запрещено. И ещё одно: оценка рассматриваемых высказываний как грубых вызвана ещё и тем, что их употребление ставит под сомнение самоочевидную способность человека производить тривиальные действия, которые должен производить всякий человек, имеющий соответствующие части тела, то есть смотреть, слышать, говорить или думать. Между тем, хотя поведение адресата такого псевдовопроса и не соответствовало желаниям спрашивающего или общепринятым нормам поведения, повёл он себя так случайно, по рассеянности, в силу каких-то привходящих обстоятельств, да и вообще сделал это, быть может, лишь впервые.

Рассматриваемые ими единицы обладают ещё одной содержательной особенностью. Их употребление указывает на то, что у ряда важнейших частей человеческого тела некоторые из функций представлены в русском языке не просто как основные, а как по сути дела единственные функции, которые эти части тела выполняют. Так, нельзя сказать *??У тебя что, языка нет, поесть не можешь?*, но вполне допустимо сказать *У тебя что, языка нет, сказать не можешь?* Иными словами, хотя у такой части тела, как язык, помимо функции служить органом речи, есть ряд других функций (например, активно участвовать в процессе приема пищи и пищеварении), с помощью данной конструкции фиксируется именно эта основная функция и только она.

По той же логике построено и предложение *У тебя голова на плечах есть?*, выделяющее как основное и, что важно, единственное, на-

значение головы – быть органом мышления. При этом важно, что голова вместе с плечами рассматривается как единый комплекс, что позволяет, в частности, не только выделить основную функцию головы, но и подчеркнуть указанную нами выше роль плеч.

Перейдём теперь к анализу выражения <У него> *своя голова на плечах*. Как и предыдущее выражение, в своём буквальном значении оно говорит о том, что у некоего человека есть часть тела, название которой голова, и при этом указывает на расположение головы, а именно, что она – на плечах. Как и предыдущее выражение, оно интерпретируется только в переносном смысле, выделяя функцию головы именно как органа мышления. Однако, в отличие от предыдущего выражения, здесь говорящим подчёркивается не столько способность некоего человека к мыслительной деятельности вообще, сколько способность его мыслить самостоятельно, не прибегая к помощи каких-то других лиц, а кроме того, здесь подчёркивается желание говорящего, чтобы «человек с головой на плечах» реализовал эту свою способность мыслить, причем сделал это в актуальной, разворачивающейся ситуации. Одним из характерных случаев, когда используется именно выражение <У него> *своя голова на плечах*, является ситуация, в которой сын обращается к отцу за советом, как поступить, а присутствующая при разговоре мать говорит: *Пусть он сам решает, у него своя голова на плечах*. Сказав так, мать подчёркивает, что сын сам может принять решение и не надо отцу решать за него.

Отметим, что описываемое выражение широко используется в ситуациях, когда речь идёт о принятии человеком каких-то важных решений или об осуществлении им важных действий. К тому же вопрос, должен это делать человек сам или с помощью каких-то третьих лиц, чаще всего решается в отношении только близких людей, причём людей менее опытных, слабых или младших по возрасту. Это объясняет, почему выражение *У него своя голова на плечах* звучит странно применительно к чужому человеку или, например, к начальнику.

В. У человеческих плеч есть ещё одна функция, о которой до сих пор мы подробно не говорили. А именно, они выступают как разделитель пространства не только вдоль оси «верх – низ» – голова выше плеч,

а остальной корпус ниже плеч, – но и вдоль оси «спереди – сзади». В русском языке, однако, используется только одно сочетание, маркирующее пространство позади человеческого тела, а именно *за плечами*, ср. отсутствие парного ему сочетания *перед плечами* при наличии слова *предплечье*.

Пространство перед телом обычно фиксируется другим органом человеческого тела – глазами (ср. сочетания *перед глазами* или *перед ним*, равносильное ‘перед его глазами’, в противоположность *за плечами*, *за спиной* или *за ним*, где *за ним* может быть равносильно как *за спиной*, так *за плечами*).

Замечание

Отметим, что более широкая, занимающая большее пространство часть человеческого тела, спина, в сочетании *за спиной* подчёркивает топографические свойства, то есть *за ним* – это ‘за его спиной’, тогда как менее широкая часть, плечи, в сочетании *за плечами*, как мы увидим ниже, подчёркивает функциональные свойства.

Предложим сначала толкование сочетания *за плечами*, выступающего в контекстах типа *У него за плечами большой стаж работы*.

У А за плечами₂ Р – ‘человек (или люди) А в некоторый период своей жизни принимал участие в деятельности Р. Говорящий считает, что (а) участие человека А в деятельности Р требовало от человека А усилий, (б) деятельность Р является частью жизненного опыта человека А, и потому (с) деятельность Р важна для человека А’.

Комментарии к толкованию

Сначала несколько слов о входе толкования.

1. Индекс «₂», приписанный сочетанию *за плечами*, обозначает то, что толкуется не исходное, пространственное, значение этого сочетания, а производное.

2. На вход толкования подаётся именно конструкция с предлогом *у*, а не конструкция с родительным падежом, то есть *у <человека> за плечами*, а не *за плечами <человека>*, поскольку в конструкции *у N₁ N₂*, где *N₂* – часть тела человека *N₁*, утверждается нечто об *N₁*, а не об *N₂*, то есть смысловой темой в рассматриваемой нами конструкции явля-

ется 'человек', а не 'его плечи'. В противоположность конструкции с предложно-падежной формой, в конструкции с падежной формой – родительным падежом имени – смысловой темой в общем случае является часть тела, а не её обладатель (см. о соотношении конструкций с падежной и предложно-падежной формой с предлогом *у* в [Крейдлин 1980]). Однако в нашем случае формы *у него за плечами* и *за его плечами*, имеют одну и ту же смысловую тему – 'человек', свойственную в общем случае только предложно-падежной форме. Именно этим обстоятельством и обусловлен выбор предложно-падежной формы в качестве входа толкования.

Теперь о самом тексте толкования.

1. (О переменной *A*). В тексте толкования при переменной *A* стоит классификатор 'человек (люди)', то есть на место переменной могут подставляться обозначения как отдельных людей, так и их совокупностей. При этом имя *A* не может замещаться именами со значением 'организации', то есть описываемая конструкция не допускает самого обычного и свойственного очень многим другим конструкциям метонимического употребления.

2. (О переменной *P*). Хотя в толковании при переменной *P* указан классификатор 'деятельность', реальные употребления показывают, что ситуация выглядит несколько сложнее, а именно, переменная *P* может замещаться не только именами, обозначающими деятельность, но также и именами со значением времени, в течение которого деятельность происходила или происходит (ср. *У неё за плечами тридцать лет партстажа*), именами, обозначающими результаты деятельности (ср. *У него за плечами тысячи успешно прооперированных больных*) или место, где проходила деятельность, в которой человек принимал участие, причём это место должно быть нагружено соответствующими социальными коннотациями – в этом месте людям по каким-то причинам трудно жить, или трудно работать (ср. *У Петра Ивановича за плечами Беломорканал и странное ?У него за плечами Париж*).

3. (О смысловом наполнении текста толкования). Основное в тексте толкования – это указание на жизненный опыт, то есть на существенные моменты деятельности человека в течение его жизни. Отсюда понятно, что

(а) у людей, у которых такого опыта нет, ничего не может быть *за плечами*. В частности, оборот *за плечами* в рассматриваемом значении не используется по отношению к детям; напротив, он чрезвычайно употребителен по отношению к пожилым людям. Этим объясняется также, почему невозможны, даже при ретроспективной точке отсчёта, фразы с будущим временем связочного глагола, то есть такие как **У него за плечами будут сотни успешно проведённых операций*;

(б) деятельность, о которой идёт речь, занимает, по мнению говорящего, важное место в жизни человека, о котором идёт речь, и является, по мнению говорящего, существенной составляющей жизненного опыта этого человека. Отсюда вытекает, что сочетание *за плечами* используется в тех случаях, когда подводятся итоги деятельности человека на определённом этапе его жизни, то есть употребляется в таких речевых актах и видах текстов, как характеристики, биографии, юбилейные поздравления, адреса и под.

Поскольку (в) такая деятельность, как правило, продолжительна во времени, для выражения *за плечами* характерны те контексты, в которых большая продолжительность деятельности либо прямо обозначается, либо вытекает из других элементов контекста. Ср. *У него за плечами пятьдесят лет трудового стажа; У Петра Сергеевича за плечами тысячи построенных домов и ?У него за плечами месяц студенческого трудового лагеря, ?У моей дочери за плечами два успешно прооперированных больных*;

(г) жизненный опыт человека складывается обычно из деятельности, связанной с большими затратами человеческих усилий, а потому типичная метафора жизненного опыта – это метафора тяжести. Это объясняет, почему не говорят *У него за плечами сотни праздников, У него за плечами три года отпуска* или *У него за плечами десятки туристических поездок*, а также то, что опыт, который находится у человека *за плечами*, переживается, запоминается и вспоминается человеком и близкими ему людьми.

Возникающая здесь метафора тяжести является прямым следствием коннотации при исходном, «физиологическом» значении сочетания *за плечами*, ср. *У неё за плечами полный мешок яблок, У него за плеча-*

ми рюкзак (обычно говорится о тяжёлом рюкзаке), которая, в свою очередь, наследуется от значения слова *плечи* (см. толкование слова *плечи* выше).

4. (О компонентах 'пространство' и 'время' в смысловой структуре единиц *плечи* и *за плечами*). Как мы уже говорили, плечи делят пространство, окружающее человеческое тело, на две части – переднюю и заднюю, особым образом выделяя последнюю (см. выше замечание об отсутствии сочетания *перед плечами*). В толкуемом сочетании *за плечами* отражается деление времени на настоящее и прошлое, в очень многих чертах сходное с упомянутым делением пространства: так, в этом сочетании маркируется прошлое (Р происходит в прошлом), между тем как высказывание, реализующее эту конструкцию, произносится в настоящем.

Представление времени как пространства отражено в структуре очень многих языковых единиц, но далеко не во всех из них происходит тождественное или сходное членение пространства и времени. В нашем случае имеет место именно такая ситуация: и в пространстве, и во времени выделяется одна часть (задняя, которая применительно ко времени обозначается словом *прошлое*), никак не отображаемая на поверхности в самом слове *плечи*. Однако идея прошлого выражена при помощи предлога *за* в толкуемом сочетании, что выводится из текста толкования по следующей цепочке: *за плечами* говорит о жизненном опыте, жизненный опыт – это события, имевшие место в прошлом, а идея прошлого передаётся при помощи предлога *за*.

* * *

Итак, мы видим, что многозначное слово *плечи* имеет достаточно сложное семантическое устройство. Наряду с исходным значением, оно, во-первых, имеет ряд производных значений, а во-вторых, имеет ряд словообразовательных дериватов, также различающихся по значению. Кроме того, мы показали, что слово *плечи* допускает нетривиальную фразеологизацию, в основном, в сочетаниях с предлогами. В рассмотренных нами семантических и словообразовательных дериватах, а также во фразеологизмах в качестве центральных выступают функциональ-

ные компоненты значения слова *плечи* — ‘носить грузы’, ‘служить опорой для шеи и головы’ и ‘членить пространство относительно человеческого тела’.

За пределами настоящей работы остались русские жесты, исполняемые с участием плеч и их языковые номинации, а также обозначения незнакомых физиологических движений со словом *плечи* в русском языке и русском языке жестов. Таким жестам и физиологическим движениям мы надеемся посвятить отдельную статью [Крейдлин, Летучий 2004в].

Литература

Аркадьев 2002 – *Аркадьев П.* Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспектах // Московский лингвистический журнал. М.: РГГУ, 2002. т. 6, № 1. С. 53 – 80.

Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2000 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.–Вена: Языки русской культуры; Wiener Slawistischer Almanach, 2001.

Крейдлин 1979 – *Крейдлин Г.Е.* Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения). Автореф. ... дисс. к. филол. н. М.: МГУ, 1979.

Крейдлин, Летучий 2004а – *Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б.* Языковая концептуализация частей тела в русском языке (на примере *плеч*) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 128–136.

Крейдлин, Летучий 2004в – *Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б.* Плечи в русской культуре и русском языке (вербальная и невербальная концептуализация *плеч*). М., 2004, в печати.

Е. Б. Морозова

**О понятии невербального этикета
(к постановке проблемы)**

История изучения этикета

Понятие этикета давно является предметом научного и околонучного рассмотрения. К околонучным работам, посвященным проблемам этикета, относятся многочисленные пособия и популярные энциклопедии по этикету, весьма разнообразные по содержанию, объему и полноте информации. По большей части сведения, предоставляемые в таких пособиях, носят рекомендательный или просто описательный характер. Иногда в пособиях содержится информация об истории этикета и некоторые соображения и замечания о важности этикета и возможных последствиях, к которым может привести несоблюдение этикетных законов и правил.

Как нам кажется, при изучении этикета разумно различать две его составные части – вербальный, или речевой этикет, и невербальный, то есть этикет, областью действия которого являются различные невербальные семиотические коды. В отличие от невербального этикета, речевой этикет – это давний объект научного рассмотрения и анализа ученых, представляющих самые разные области гуманитарного знания. Речевой этикет и его особенности в научном отношении исследовали не только лингвисты, что как бы само собой разумеется, но также культурологи, антропологи, социологи и психологи. Сегодня составлены различного рода словари и пособия по речевому этикету, где описываются речевые формулы, ситуации их употребления и разнообразные условия реализации, изучается история появления этих формул, особенно

сти их перевода на другие языки и т.д. Что же касается невербальных или смешанных вербально-невербальных этикетных единиц, даже наиболее изученных, таких как некоторые этикетные жесты, то они либо плохо описаны, либо не описаны вовсе. Тем более не составлены словари основных невербальных этикетных единиц ни для одной культуры, не построены правила их комбинирования с другими невербальными или вербальными единицами, не определена их сочетаемость друг с другом, не существует и каких-либо компаративных исследований в этой области.

Предметом рассмотрения в настоящей работе является понятие невербального этикета. Нашей целью будет определение того, что такое невербальный этикет, каковы объем и содержание этого понятия, то есть каковы его экстенционал и интенционал. Кроме того, нам хотелось бы рассмотреть, какие преимущества может дать исследователю введение понятия невербального этикета в научный обиход, и обсудить новые лингвистические и семиотические задачи, которые могут здесь возникнуть.¹

Этикет – без деления его на вербальную и невербальную составляющие – изучался и описывался прежде всего с точки зрения его культурно-универсальных и культурно-национальных особенностей. Имеется большое количество работ, посвященных европейскому, в том числе и русскому, этикету, а также японскому, китайскому, малайскому и др. У этих исследований был ярко выраженный описательный, а не объяснительный характер, хотя в них нередко делались теоретически важные и практически полезные выводы об особенностях функционирования этикета в целом и отдельных его фрагментов или правил. Принимаемое в настоящей работе рассмотрение этикета как совокупности отдельных семиотических систем, подчиняющихся всем знаковым законам, впервые встречается в работах Цивьян, Формановской, Топоркова и Байбурина (см. список литературы в конце статьи).

¹ Мне хотелось здесь выразить свою глубокую благодарность моему научному руководителю Г. Е. Крейдлину за исключительно внимательное отношение к моей работе и большую помощь в анализе и изложении представленного здесь материала.

Этикет как семиотическая система. Структура этикета

Вот что говорится по поводу понятия этикета в одной из книг: «В семиотическом аспекте этикет представляет собой определенную систему знаков, имеющую свой словарь (набор символов) и грамматику (правила сочетания знаков и построения текстов)» ([Байбурин, Топорков, 1990, 7]). Но возникают естественные вопросы: из каких же знаковых элементов складывается этикет? Можно ли выделить и формально описать структуру этикета по уровням² по аналогии с языком, уровни которого составляют фонемы, морфемы, слова и предложения?

Как мне кажется, единицами низшего уровня можно считать элементарные невербальные семиотические единицы, например, отдельные **жесты** и простейшие **речевые формулы**, обычно употребляемые в этикетной ситуации³. Единицами более высокого уровня следует назвать комплексное вербально-невербальное сочетание знаков, такое, как например, **манеры** <участников ситуации>. Наконец, единицами самого высшего уровня являются **этикетные ситуации**, которые включают в себя единицы низшего уровня в разных соотношениях. Таким образом, этикет рассматривается нами как имеющий уровневый системный характер. «Наиболее ярким свидетельством системного характера этикета является то, что отсутствие предполагаемого этикетного знака в типовой ситуации воспринимается не менее, а порой и более напряженно, чем его наличие» ([Байбурин, Топорков 1990, 8]). Исполнение же того или иного этикетного знака требует обязательного отклика «хотя бы в степени «замечено» ([Цивьян 1965, 144]).

Определение этикета. Виды этикета

Вначале приведем два, так сказать, «основных» на сегодня, определения этикета. (1) Под *этикетом* «понимаются такие правила ритуализованного поведения человека в обществе, которые отражают существенные для данного общества социальные и биологические критерии

² Далее можно было бы говорить об уровнях представления этикета.

³ О понятии *этикетной ситуации* см. соответствующий раздел данной работы.

и при этом требуют применения специальных приемов» ([Цивьян 1965, 144]). (2) «Этикет воплощает в себе формы общения, являющиеся типичными для каждого общества. В традиционном обществе – это ритуалы, обряды, церемонии. В классовом обществе – манеры обхождения с представителями различных классов и сословий, правила поведения внутри самих социальных групп» ([Гвазава 2000, 21]).

Как мы уже говорили, есть две главные разновидности этикета: *речевой (вербальный)* и *неречевой (невербальный)*.

Речевой этикет – это прежде всего « правила обхождения людей друг с другом, воплощенные в речи... В узком смысле это определенная сумма ситуаций и выражений, употребляемых в каждой ситуации, в широком же смысле обхождение людей друг с другом охватывает все наше общение ([Формановская 2002, 5]).

Если под *невербальным поведением* понимать функционирование невербальных знаков или знаковых форм и моделей, которые человек производит или воспроизводит в процессе коммуникации, то есть жестов, мимики, взглядов, поз, а также таких единиц, как физическое расстояние, которое разделяет людей во время акта коммуникации и многое другое (см. об этом подробно в [Крейдлин 2002]), то тогда под *невербальным этикетом* в целом (невербальным этикетным поведением) уместно понимать множество частных невербальных этикетов – соответственно, жестовый, позовый, визуальный, мимический, проксемный и т.п. то есть закономерностей и правил, которые в норме ориентированы на других людей и которым люди обычно следуют в выделенных этикетных ситуациях. Если обычное, неэтикетное невербальное семиотическое поведение необязательно направлено на партнера и может выражать внутреннее состояние жестикулирующего (симптоматическое поведение), то невербальное этикетное поведение всегда коммуникативно и диалогично, поскольку направлено на партнера и обусловлено целым рядом разнообразных коммуникативно ориентированных признаков.

Этикетные жесты как основные единицы невербального поведения, тем самым, необходимо отличать, как и всякие жесты вообще, не только от физиологических движений (ср., например, **поклониться** – жест и

наклониться – физиологическое движение), но также и от неэтикетных жестов, в том числе омонимичных (ср. **кивнуть** в знак приветствия – этикетный жест и **кивнуть** в значении утвердительного ответа на вопрос – неэтикетный жест).

Этикет в целом тогда естественно представлять себе как сложно организованное взаимодействие вербальных и невербальных этикетных общих закономерностей и правил, работающих на пространстве этикетных речевых формул и этикетных жестов.

В монографии [Крейдлин 2002] выделяются и описываются наиболее крупные разделы науки о невербальном знаковом поведении человека – невербальной семиотики. В соответствии с приведенной в этой монографии классификацией частных наук, составляющих систему невербальной семиотики, мы выделяем следующие виды невербального этикета.

1. Паралингвистический этикет образуют закономерности и правила, описывающие паралингвистические характеристики речи, – семиотическое употребление отдельных звуков, использование отдельных типов речи, голосов, тембров, звучаний, интонаций.

Сразу заметим, что паралингвистический этикет в своей значительной части может быть вполне отнесен и к отдельной области речевого этикета, поскольку паралингвистические этикетные единицы и модели поведения теснейшим образом связаны с речевыми единицами и моделями, а также с лингвистическими науками, их изучающими. Мы имеем здесь в виду прежде всего фонетику, теория звукового символизма, риторику, стилистику и целый ряд других дисциплин, в которых основным объектом изучения является лингвистика речи. В качестве подтверждения правомерности рассмотрения паралингвистического этикета как отдельного приведем следующие соображения. Как кажется, во всякой культуре существуют определенные паралингвистические нормы поведения и правила «приличия», которым необходимо следовать в большинстве устных речевых жанрах. Например, при произнесении тоста не принято делать его тихим, запинаящимся голосом или с угрожающей интонацией. Приветствуя людей, собравшихся в большой компании, или покидая такую компанию, принято здороваться или прощаться не ше-

потом, а достаточно громко и внятно, чтобы все слышали. Если же человек уходит, не сообразуясь с этикетными нормами, то есть не попрощавшись с собравшимися, то в таких ситуациях обычно говорят, что он «ушел по-английски», и подобное поведение гостя трактуется как нарушение принятого этикета. Впрочем, данное нарушение обычно не рассматривается обществом как серьезное, во всяком случае, санкции за пренебрежение этим правилом не слишком строгие. А вот если гость должным голосом и тоном не здоровается с собравшимися гостями и хозяевами, то такое нарушение этикетного паралингвистического правила уже считается вполне серьезным.

2. Кинетический этикет описывает и регулирует жестовое поведение, то есть этикетное использование жестов, поз, знаковых телодвижений, мимики и комплексных жестовых форм – манер поведения. Кинетический этикет можно разделить на несколько самостоятельных подвидов в соответствии с теми знаками, которые доминируют в его правилах, – жестовый этикет, мимический этикет, этикет позы и т.д.

Этикетные правила тут могут быть двоякого рода, так сказать, внутривидовые и межвидовые: например, в одной и той же этикетной ситуации один и тот же человек может исполнить должный и приличествующий данной ситуации жест в сопровождении недопустимой мимики. Если мужчина целует руку даме, то есть исполняет жест правильный с точки зрения законов жестового этикета, с выражением лица, на котором написано отвращение (иначе говоря, на лице мужчины отчетливо видна мимика, недопустимая с точки зрения мимического этикета), то он совершает неэтичный, а стало быть неэтикетный, поступок⁴.

Мы можем формально представить описываемую ситуацию двояким образом: (а) считать, что два невербальных компонента – поцелуй руки и выражение лица – в данной этикетной ситуации регулируются правилами одного только кинетического этикета или (б) выделять отдельно правила для жестового и отдельно для мимического поведения и при этом предусмотреть правила их согласования в актуальном коммуникативном акте. Какому из этих двух решений следует отдать пред-

⁴ О тесной связи этических и этикетных норм и правил поведения мы еще будем говорить ниже.

почтение, сейчас сказать трудно – ведь построение системы невербального этикета еще только начинается. Можно лишь отметить, что у каждого из этих решений есть свои достоинства и недостатки. При первом решении уменьшается количество частных этикетов, то есть становится меньше этикетных правил, однако тут затушевывается, размывается или вообще нивелируется качественное различие между такими семиотически разными классами невербальных единиц, как, скажем, жесты и мимика (выражения лица). Второе решение предусматривает построение и формулировку более мелких и дробных правил, что увеличивает и так большое их количество; зато сами правила, по всей видимости, позволяют фиксировать и отражать более тонкие различия.

3. Визуальный (глазной) этикет описывает и регулирует глазное коммуникативное этикетное поведение человека. Было показано, что глаза играют огромную роль в процессе общения. «Глаза, части глаз и выражения глаз берут на себя особую роль и в невербальном отражении человеческих эмоций, и в передаче самой разнообразной информации..» ([Крейдлин 2000, 376]). Глазному поведению и понятию взгляда посвящено много работ (см. библиографию в [Крейдлин 2000]). Правила же этикетного глазного поведения пока еще не описаны. Приведем пример одного такого правила. Положительная коннотация, всегда сопровождающая комплимент или поздравление, зачеркивается или приобретает саркастический оттенок, если эти речевые акты сопровождаются оскорбляющим, унижающим или злым взглядом. Смущенный взгляд в сочетании с соответствующей улыбкой способны скрасить возникшую неловкость или только что совершенную ошибку.

4. Аудиальный этикет. Эта разновидность этикета описывает и регулирует аудиальное поведение людей (фильтрацию речи, совместное говорение и т.п.). К аудиальному этикету относятся внутри- и межвидовые правила слушания и восприятия на слух речи, такие как правила, запрещающее слушать выступление оратора стоя к нему спиной, выслушивать довольно-таки длинное речевое произведение, не проявляя никаких сигналов восприятия. Сюда же следует отнести и «правило коммуникативного невнимания», запрещающее слушать собеседника и при этом постоянно крутить головой по сторонам и оглядываться вокруг.

5. Тактильный этикет описывает и регулирует тактильное поведение, то есть поведение, связанное с касаниями и прикосновениями. Правила, относящиеся к тактильному интерактивному этикету, определяют очень тонкие моменты телесного поведения и потому являются весьма щепетильными почти в любой ситуации общения. Касаясь, мы можем проникать в интимные зоны человека, то есть в пространство, куда допускаются лишь самые близкие люди. Касаниями мы можем причинять другому беспокойство и вызывать у партнера нервозность и даже стресс. Не случайно, правила русского невербального этикета рекомендуют человеку извиниться, если тот случайно задел или коснулся незнакомого или малознакомого человека. В разных культурах прошлого существовали лица, социальный статус которых был настолько высок, что прикасаться к ним было вовсе запрещено, и разрешение к ним прикоснуться (например, поцеловать руку, край одежды) расценивалось как высочайшая милость.

6. Гастрономический (застольный) этикет описывает и регулирует правила приема пищи, сервировки стола, выбор и подачи блюд. Этот вид этикета уже давно является объектом пристального изучения разных наук, и в пособиях по этикету ему по традиции отводится большая часть. Пожалуй, именно застольный этикет является максимально подробно описанным, разработанным и продуманным до мелочей, начиная от примерного меню и сервировки стола при приеме гостей до плана рассаживания гостей и правил пользования чайной ложкой. Правила поведения за столом столь многочисленны, что нередко вызывают затруднения даже у человека с прекрасными манерами.

7. Этикет запахов описывает и регулирует применение в коммуникации и влияние запахов на поведение людей. Известно, что в правилах этикета рассказывается об использовании духов и гигиенических средств, предотвращающих появление неприятных запахов или, наоборот, придающих телу приятный запах. Влияние запаха на поведение человека и смыслы, выражаемые запахами, не так давно стали объектом серьезного научного изучения (см. [Ароматы 2003]). Вот пример одного тривиального правила этикетного поведения, относящегося к запаху: во многих культурах традиционно считается неприличным, если от че-

ловека пахнет потом, чесноком, луком. Плохо также, если от него исходит запах слишком резких, сильных духов, одеколona. Еще пример: неприлично приглашать человека в помещении с неприятным запахом, а описание красивого помещения или внешне привлекательного человека сразу меняет их положительную оценку едва ли не на противоположную, стоит только упомянуть о неприятном запахе, стоящем в этом помещении или исходящем от этого человека.

8. Проксемный этикет. Правила проксемного невербального этикета описывают то, как в разных ситуациях должно быть организовано само коммуникативное пространство, в пределах которого проходит общение людей. Традиционно, людям с более высоким социальным статусом полагается большее пространство, чем людям с более низким статусом ([Крейдлин 2002]).

Приведем три примера проксемных закономерностей. Первые два примера не связаны непосредственно с вербальным поведением человека, а последний пример имеет к речевому поведению прямое отношение.

А. Часто в разных институтах крупные начальники сидят в отдельных кабинетах, а обычные служащие, «простые смертные», работают, весь рабочий день находясь по несколько человек в тесной комнате. Такова реальная ситуация – а вот подчиняется ли она некоторому негласному этикетному правилу, то есть является ли оно правилом проксемного служебного этикета – еще вопрос.

Б. Находясь в гостях, гость не может заходить в личные помещения хозяев без их разрешения или садиться без их разрешения.

В. Неприлично и с точки зрения существующего в русской культуре проксемного этикета не принято, зайдя в кабинет начальника остановиться на пороге и начать вести с ним разговор прямо у входа. Но таким же нарушением проксемного этикета было бы подойти к нему слишком близко.

9. Временной этикет описывает и регулирует время коммуникации: как долго следует оставаться в гостях, в какое время прилично звонить не очень знакомым людям, за сколько дней прилично отказаться от приглашения, насколько допустимо опаздывать на встречу или мероприя-

тие. Несмотря на всю важность для диалогической коммуникации параметра времени временной этикет на сегодняшний день является и плохо структурированным и слабо изученным.

10. Системологический этикет описывает и регулирует влияние и соотношения между объектами и человеком в процессе коммуникации. К правилам, составляющим системологический этикет, следует отнести, например, правила выбора одежды или правила, касающиеся внешнего облика человека (так называемый dress code и face control), правила выбора подарков на разные случаи, а также этикетные правила, определяющие влияние окружающей обстановки на процесс коммуникации. Системологический этикет, тем самым, можно разделить на несколько отдельных подвидов: этикет внешнего облика человека, этикет окружающей обстановки и этикет отношений человека к сопровождающим коммуникацию предметам. Несоблюдение правил одного из подвидов даже при соблюдении другого или других влечет за собой успех или полный провал в коммуникации. Представим себе хозяина, пригласившего гостей на прекрасный праздничный ужин в убранное и чистое помещение, но встретившего их в грязном застиранном халате. С точки зрения этикета неприличным считается выбор неуместного подарка – слишком дорогого или дешевого, слишком интимного или подарка, неподобающего ситуации (например, подарить кружевные чулки или нижнее белье на день рождения коллеге по работе, с которой вы находитесь исключительно в деловых отношениях).

Помимо приведенной выше классификации, невербальный этикет можно дифференцировать иначе, по другим признакам, например (а) **по сфере употребления**, (б) **по степени ритуализованности и формализованности**, (в) **по культуре**, в которой приняты те или иные правила этикета.

По сфере употребления можно различать *ритуальный (церемониальный)*, *религиозный*, *военный*, *бытовой*, *дипломатический* и *деловой* этикет.

Ритуальный этикет используется в разных ритуалах светского характера, чаще всего связанных с посещением знатных лиц и королевских особ; в свадьбах, похоронах, обрядах и церемониях. В настоящее

время не все культуры характеризуются большим количеством ритуалов и церемоний, в частности, в европейской и североамериканской культурах ритуализованные формы поведения не столь часты, как в странах юго-восточной Азии, что, видимо, связано с большей демократизацией общественного устройства и меньшим следованиям давно сформировавшимся культурным нормам и стереотипам.

Религиозный этикет регулирует отношения людей в сфере религии и связан с ритуалами и традициями отправление культа. Он определяет поведение человека в храме, во время молитвы, во время проведения иных религиозных обрядов.

Военный этикет регулирует взаимоотношения между военнослужащими во время их нахождения на службе и при исполнении своих уставных обязанностей.

Дипломатический этикет регулирует отношения между представителями разных государств на высшем уровне, особенно приемы иностранных делегаций.

Деловой этикет действует в сфере делового общения, то есть, например, во время переговоров, при деловых визитах в учреждение или организацию, и регулирует отношения между членами социальной группы или коллектива.

Область действия *бытового этикета* – это сфера повседневного общения людей, включая сферу обслуживания: магазины, рестораны, химчистки и т.д.; больницы, школы, университеты, транспорт и т.д.

Правила каждого из этих этикетов записаны в специальных книгах. Так, существуют дипломатический протокол, воинский устав, пособия по бытовому этикету и т.д.

Каждый вид невербального этикета ритуализован, или формализован, в разной степени. Под **степенью ритуализованности этикета** и, соответственно, этикетной ситуации мы будем понимать то, в какой мере ритуализованным должно быть поведение человека в данной ситуации, то есть насколько обязательными для выполнения являются правила его поведения и насколько строгими санкциями карается нарушение этих правил.

В соответствии с признаком ритуализованности можно выделить (1) *сильноритуализованные*, (2) *среднеритуализованные* и (3) *слабо-*

ритуализованные невербальные этикетные ситуации (и – как парное понятие – этикеты).

Сильноритуализованные невербальные этикетные ситуации представляют собой ситуации диалогического общения, в которых поведение сторон носит ритуальный характер, то есть представляют собой ритуал, обряд или церемонию, где роли и поведение участников тщательно расписаны и регламентированы. Здесь для каждого из участников прописаны четкие и подробные правила невербального поведения, нарушение которых приводит к коммуникативному провалу и влечет за собой жесткие общественные или личные санкции, такие как, например, немедленное прекращение общения (возможно, даже навсегда), ухудшение отношений между сторонами, требование немедленно покинуть помещение или территорию, наложение штрафа или другого наказания, выражение протеста или недовольства в виде официального заявления и т.д. К сильноритуализованным видам невербального этикета можно отнести ритуальный этикет, дипломатический, религиозный, военный.

К *среднеритуализованным* невербальным этикетным ситуациям относятся ситуации, в которых поведение участников тоже обуславливается целым рядом правил, однако правила эти не столь жесткие, допускают известную вариативность и сохраняют за человеком право на относительно большую свободу в том поведении, которое регламентируется данным правилом. Соответственно, нарушение таких правил не вызывает столь строгих санкций и наказаний, как в сильноситуализованных ситуациях. К среднеритуализованному невербальному этикету можно отнести деловой этикет, а именно некоторые наиболее ритуализованные его формы и правила, например, правила, соблюдаемые при приеме иностранных гостей – деловых партнеров, правила, регламентирующие официальные мероприятия, деловые переговоры или званые официальные обеды.

Слаборитуализованные невербальные этикетные ситуации требуют минимально ритуализованного поведения, допускают относительно широкую вариативность форм поведения и достаточно свободное отклонение от норм. При этом и вариативность и отклонение от норм поведения в этих ситуациях таковы, что нарушения этикета не влекут за

собой строгих наказаний. Особенностью слаборитуализованных невербальных этикетных ситуаций является то, что в них решающую роль играют часто даже не общественные позиции участников и не исполняемые ими социальные роли, а личные отношения между ними. И хотя бытовое этикетное общение не отменяет необходимости следовать существующим культурным и социальным этикетным нормам, оно в каждом конкретном случае обычно предоставляет возможность самим участникам выбрать для себя определенную модель и способы семиотического поведения, определить и согласовать стиль общения, в частности степень его формализованности и официальности. К слаборитуализованному виду невербального этикета относится бытовой этикет, в также ряд ситуаций делового этикета.

Границы между выделенными видами невербального этикета и невербальных этикетных ситуаций довольно размытые. Иногда бывает очень трудно провести различие между сильно-, средне- и даже слаборитуализованными ситуациями: некоторые из них являются пограничными и при определенных условиях могут быть отнесены либо к одному, либо к другому виду.

Еще один признак, по которому разумно делить невербальный этикет, – это **принадлежность его к определенной культуре**. Тот факт, что этот признак является основным в таксономии этикета и этикетных ситуаций, разумеется, очевиден и не нуждается в каком-либо особом обосновании. В разных культурах и странах мы имеем разный невербальный этикет, каждый со своими характерными особенностями. Существуют японский, русский, французский, болгарский и т.д. невербальный этикет. Тут интересно другое: некоторые страны имеют очень похожие правила невербального этикетного поведения – в силу особенностей исторического развития (заимствовали одна у другой те или иные черты этикетного поведения), либо в силу общей культуры (мусульманские или западноевропейские страны) либо из-за географического соседства. Диахронический аспект невербального этикета может быть весьма интересен и нетривиален для анализа.

Близкие невербальные этикеты мы можем объединить в более крупные единицы, отбросив мелкие отличия, и говорить, например, о европей-

ском невербальном этикете (к которому часто присоединяется и североамериканский), о восточном этикете, латиноамериканском и т.д.

Этикетная ситуация, ее составляющие. Классификации этикетных ситуаций

Каждый из выделенных видов невербального этикета проявляет себя в особой этикетной ситуации. Под этикетной ситуацией мы понимаем такую ситуацию общения, во время которой нарушение или неисполнение норм этикетного поведения одним или обоими участниками приведет к полному или частичному коммуникативному провалу, и соответственно, возникает необходимость в этикетном поведении.

Понятие этикетной ситуации разными исследователями этикета трактуется по-разному. Так, В. И. Гвазава понимает под этикетной ситуацией любую ситуацию общения вообще, «в которой участники общения существенно различаются по своим социальным признакам ... и выстраивают свою модель общения в данной ситуации с учетом указанных различий» ([Гвазава 2000, 117]). Это описание, на наш взгляд, неоправданно сужает объем самого понятия этикетной ситуации. Так, множества этикетных ситуаций оказываются коммуникативные ситуации, участники которых совпадают по своим социальным характеристикам (к тому же следует указать каким).

Исследованиям этикета посвящены многие монографии, тем не менее хороших классификаций видов этикета или этикетных ситуаций не существует. Ниже мы расскажем о некоторых попытках классифицировать этикетные ситуации.

В основу классификации обычно кладутся следующие признаки: (а) сфера действия этикетных правил; (б) степень формализованности и ритуализованности поведения (при этом получают несколько разные классификации – в разное время они предлагались, например в работах [Лихачева 1997, Крейдлин, Морозова 2004]); (в) тип ситуации общения ([Акишина, Формановская 1975]).

Л. С. Лихачева предложила разделить все этикетные ситуации и сам этикет на четыре типа: *повседневный, окказиональный, праздничный и*

церемониальный (или *церемониал*). Под *повседневной этикетной ситуацией* она понимает «наиболее строгую разновидность этикетной ситуации, допускающую варианты в выборе стиля поведения» (цит. по [Гвазава 2000, 113]). К повседневным этикетным ситуациям относятся встречи, беседы, общения в транспорте, покупки, телефонные разговоры и другие. *Окказиональная этикетная ситуация* представляет собой «особый тип этикетной ситуации и носит индивидуальный, единичный характер» ([там же, с. 114]). Это такие ситуации, как, например, прием почетного гостя; она требует особой вежливости и благородства манер. *Праздничный этикет* основан на «регламентации порядка и форм поведения человека в обстоятельствах праздника-торжества, установленного в честь/память» ([там же]) кого-нибудь или чего-нибудь. И наконец *церемониал* является «этикетной ситуацией, в которой ритуальный характер действий достигает высшего порядка: наблюдается их строгая однозначность, какой-либо вариантов поведения отсутствует» ([там же, с. 115]).

Эта классификация не кажется нам корректной (если вообще это деление можно считать классификацией в строгом смысле слова), поскольку она основана сразу на двух признаках (а) и (б), плохо связанных друг с другом, и в результате вообще непонятно, на основании чего проводится деление ситуаций.

Другая классификация была предложена в работе [Крейдлин, Морозова 2002]. Там предлагалось разделить этикетные ситуации на три класса: *церемониальные (ритуальные)*, *религиозные* и *бытовые* (или *светские*). *Церемониальные этикетные ситуации* возникают при выполнении каких-либо ритуалов, церемоний, дипломатического протокола. Они отличаются высокой степенью формализованности и ритуализованности, очень редко или вообще не вызывают отклонений от сценария и плана: отступление ведет к коммуникативному провалу и карается строгими санкциями. Под *религиозными этикетными ситуациями* понимаются все этикетные ситуации, связанные с поведением в храме, во время проведения службы, исполнения молитвы. К *бытовым ситуациям* общения относятся повседневные коммуникативные ситуации, требующие минимального этикетного поведения, допускающие

относительно широкую вариативность форм поведения и достаточно свободное отклонение от норм. Однако очевидно, что и эта классификация не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к формальным классификациям.

Классификация, предложенная А. А. Акишиной и Н. И. Формановской, не только наиболее часто встречается в литературе, она является наиболее простой, поскольку основывается на естественном признаке – на типичных ситуациях, возникающих в повседневном общении (или, точнее, основных речевых актах, исполняемых в ситуации). Эта классификация оказалась весьма удобной и полезной при обучении иностранному языку и правилам речевого этикета, так как, моделируя конкретную ситуацию повседневного общения, предлагает и описывает готовые речевые формы, которые следует применять, чтобы ситуация общения протекала легко и была комфортной для всех ее участников. Однако при многоаспектном и многофакторном анализе, который, помимо прочего, должен учитывать то, что в реальной коммуникации людей сложным образом взаимодействуют естественный язык и различные невербальные семиотические коды, таксономия А. А. Акишиной и Н. И. Формановской является упрощенной. В соответствии с ней все ситуации повседневного общения подразделяются на следующие типы: обращения (привлечения внимания), знакомства, просьбы, поздравления, благодарности, приветствия, прощания, советы, приглашения и т.д. Однако это деление остается не вполне ясным и уж во всяком случае открытым.

Получается, что до сих пор хорошей классификации видов этикета и этикетных ситуаций не существует. Однако путь построения ее, как нам кажется, ясен. Мы считаем, что и этикет, и этикетные ситуации следует членить дифференцированно, по отдельно взятому дифференциальному признаку и не смешивать разные классификации в одну. Иными словами, мы можем разграничить виды этикета и ситуации отдельно по степени ритуализованности и формализованности, отдельно по контексту употребления или по определенным подситуациям или речевым актам (признак, который, скорее применим к этикетным ситуациям, чем к видам этикета).

Остановимся подробнее на составляющих (компонентах) этикетной ситуации. Поскольку этикетная ситуация является ситуацией общения, в ней обязательно присутствует как минимум два участника. Структура этикетной ситуации и поведение участников определяются целым рядом признаков, которые разбиваются на несколько групп: (1) *социальные признаки*: социальная роль, статус, профессиональная принадлежность; наличие родственных отношений между участниками коммуникации; степень знакомства коммуникантов и др. (2) *физиологические признаки*: возраст, пол; (3) *коммуникативные признаки*: тип этикетной ситуации (по разным классификациям); число участников, то есть возможное присутствие третьих лиц, и др.

Различные комбинации этих признаков и их значений создают разные типы этикетных ситуаций со своими сценариями, правилами, и именно эти комбинации позволяют описать любую из них.

Этикетные правила

Этикетная ситуация складывается из этикетных знаков и правил, по которым они употребляются. Эти правила носят прескриптивный характер и имеют вид рекомендаций: «при определенных условиях поступай так-то или так-то». Этикетные правила можно классифицировать по нескольким признакам, из которых наиболее значимыми являются: (а) модальность; (б) степень общности; (в) этикетный статус.

«Модальность» является важной характеристикой для этикетных правил, хотя различие между разными типами модальности формально установить трудно, поскольку правила этикета прописаны в рекомендательной форме. Под модальностью мы будем понимать степень обязательности, с которой следует выполнять правило. Очевидно, что степень обязательности при этом связана со степенью ритуализованности ситуации. По модальности правила можно разделить на (1) обязательные для исполнения; (2) рекомендуемые для исполнения; (3) желательные для исполнения; (4) необязательные для исполнения.

Обязательные для исполнения правила чаще всего встречаются в сильно ритуализованных ситуациях, поскольку именно такие ситуации предполагают неуклонное следование ритуалу. Зачастую решение о

том, обязательно следует исполнять правило или им можно пренебречь, принимается человеком исключительно в соответствии со здравым смыслом. Неисполнение обязательных правил влечет за собой строгие санкции, достаточно строгие и приводящие к разрыву отношений или провалу ситуации. Правила, рекомендуемые для исполнения, менее агрессивны, так как не навязываются человеку. Их несоблюдение может повлечь за собой неуспех коммуникативного общения, но не носит, как в первом случае, столь фатальный характер. Желательные правила еще менее обязательны для исполнения, однако их исполнение будет отмечено и замечено участниками ситуации общения как положительный факт.

В связи со сказанным подчеркнем, что для обязательных правил фиксируется скорее их неисполнение, чем исполнение, то есть замечается несоблюдение правила, а соблюдение воспринимается как должное и потому не замечается. Рекомендуемые правила имеют достаточно высокий уровень обязательности, а потому их исполнение ожидается с высокой степенью вероятности, а неисполнение отмечается и вызывает негативные реакции. У желательных правил в равной мере замечается как исполнение, так и неисполнение. При этом исполнение правила оценивается как положительное событие, а неисполнение – как нейтральное. Наконец, у необязательных правил замечается только исполнение и оценивается как положительное событие.

Мы попробовали оценить выражение степени модальности по тому, как оно выражено основным глаголом, употребляемым в этикетном правиле. Наиболее часто употребляются структуры и сочетания следующего рода:

- Х первым делает У
- Обязательно нужно делать Р
- Во время Р следует делать Х
- Не делают или делают Х
- Нельзя делать Х
- Вы должны делать Х
- Необходимо делать Х, следует делать Х
- Допустимо делать Х
- Весьма неприлично делать Х ...

Анализ всех таких модальных высказываний, широко представленных в этикетных правилах, скорее всего не даст четкой классификации и не установит степень модальности, поскольку из каждого правила есть исключения и исполнение/неисполнение правила в самой большой степени зависит от конкретной ситуации и ее параметров. Поэтому для определения степени модальности лучше ориентироваться на те последствия, которые повлечет за собой исполнение или неисполнение этикетного правила и на реакцию участников ситуации, о чем мы и писали выше.

По степени общности этикетные правила можно разделить на 1) универсальные или, может быть точнее сказать, фреквентальные и 2) частные. Универсальные правила исполняются в любых или подавляющем большинстве этикетных ситуаций. Например, правило, по которому нужно здороваться и прощаться, или правило благодарить за услугу применимы к огромному числу разнообразных этикетных ситуаций. Частные правила исполняются только в некоторых выделенных ситуациях. Например, правило предложить гостям чаю исполняется только в ситуации приема гостей.

По <этикетному> статусу правила можно разделить на 1) правила низкого статуса; 2) правила высокого статуса и 3) правила, не связанные с этикетным статусом. Под этикетным статусом мы будем понимать не социальный статус человека, а его статус в этикетных отношениях, независимый от социального статуса человека. В европейском и американском этикете этикетный статус женщины, ребенка и пожилого человека гораздо выше, чем этикетный статус мужчины, поэтому существует гораздо больше правил первого типа. Правила первого типа чаще регулируют поведение мужчины по отношению к женщине и пожилому человеку в этикетных ситуациях, поэтому их можно назвать «мужскими» правилами. Примерами «мужских правил» могут служить правило пропускать женщину вперед при выходе или входе в помещение и открывать перед ней дверь, подвигать ей стул в ресторане и подавать руку при спуске с эскалатора, лестнице. Правила второго типа регулируют поведение женщины, пожилого человека или ребенка по отношению к

мужчине, и их можно назвать «женскими». Примерами «женских правил» является, например, правило не сидеть в шляпе во время спектакля в театре или кино. Правила третьего типа не зависят от статуса участника и носят универсальный характер. Примером такого правила является, в частности, требование извиниться, если вы кого-то задела или толкнули.

Заключение

В данной статье были рассмотрены понятия этикета, его вербальной и невербальной составляющей и этикетной ситуации. Основные результаты работы таковы:

(1) Предлагается трактовка понятия этикета как совокупности семиотических систем каждая из которых характеризуется своими элементарными и сложными знаками, уровнями и правилами сочетания знаков.

(2) Введено понятие невербального этикета; строятся классификации невербального этикета по ряду существенных признаков.

(3) Подробно рассмотрено понятие этикетной ситуации и ее составляющих; перечислены и охарактеризованы некоторые важные виды этикетных ситуаций.

(4) Приводятся примеры невербальных этикетных правил. Указаны возможные пути их таксономии.

За пределами работы остается незатронутым целый ряд вопросов, среди которых наиболее важными и актуальными мы считаем: типологию вербальных способов выражения модальности, которая составляет центральный компонент невербального этикетного правила, рассмотрение проблем, касающихся выполнения и невыполнения этикетного правила и санкций, налагаемых за их нарушение; проблемы формального представления и анализа этикетных статусов.

Литература

Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М: Русский язык, 1975.

Ароматы и запахи в культуре. М: Новое литературное обозрение, 2003 (в двух томах).

Е. Б. Морозова

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л: Наука, 1990.

Гвазава В.И. Русский речевой этикет: Социокультурный аспект. Дисс. к. филол. н., Краснодар, 2000.

Крейдли Г.Е. Невербальная семиотика. М: Новое литературное обозрение, 2002.

Лихачева Л.С. Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург: Уральское издательство, 2000.

Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965.

Ю. В. Николаева

Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение)¹

§1. Введение

Иллюстративные жесты, или иллюстраторы, составляют многочисленный, но недостаточно изученный семиотический класс жестов – невербальных знаков, направленных на передачу информации. Гораздо лучше изучен другой семиотический класс жестов, получивших название эмблематических жестов, или эмблем. Эмблемы отличаются наличием постоянной связи между означаемым и означающим и обычно жестко фиксированными условиями употребления. Кроме того, эмблемы обладают национально-культурной спецификой, что сближает их с единицами естественного языка (см. об этом подробно в книге [Крейдлин 2002]). Напротив, при использовании иллюстраторов связь между означаемым и означающим каждый раз создается заново, то есть иллюстраторы не существуют как единицы некоторого языка или кода, который можно изучить. Их форма практически произвольно определяется жестикулирующим, а смысл бывает сложно понять вне речевого контекста. Поэтому эти жесты образуют открытый класс кинетических знаков. Кроме того, иллюстраторы, как правило, фиксируются лишь на

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Дискурсивные основания грамматических, лексических и невербальных языковых явлений».

периферии сознания². Можно предположить, что все перечисленные выше особенности иллюстраторов и обусловили недостаточную изученность по сравнению с эмблемами – особенно в российской лингвистике и кинесике³.

Последние годы, однако, отмечены существенным ростом внимания к иллюстративным жестам. Это во многом связано с разработкой компьютерных программ, позволяющих имитировать речевое поведение человека, а также с потребностями в общении с техникой на естественном языке. Так, в Массачусетском Технологическом Институте (MIT) в США ведутся работы по созданию программы- виртуального собеседника, которая должна учитывать невербальные сигналы живого собеседника и воспроизводить в ответном послании не только естественную речь, но и паралингвистическое поведение ([Cassel et al. 1996, 1998, 2000]). В Билефельдском университете в Германии создана программа, которая перемещает изображения предметов на экране в соответствии с вербальными и жестовыми командами человека ([Sowa and Wachsmuth 2001]).

² Понятие «периферия сознания» является парным к понятию «фокус сознания», предложенному в работе [Chafe 1994], по-видимому, по аналогии с движением взгляда. В ней говорится, что некоторое понятие(или некоторый референт) находится в «фокусе сознания» говорящего и слушающего, если о нем шла речь в только что прозвучавшем высказывании. В таком случае на периферии сознания будут находиться понятия, имеющие непосредственное отношение к только что названным или названным недавно, но активно не используемые, или, как говорят, в данный момент не активизируемые. В настоящее время понятие «периферия сознания» уже широко используется в англоязычной литературе.

³ Известные нам работы по лингвистике и невербальной семиотике, если и используют практический материал, ориентированы, главным образом, на исследование эмблематических жестов и опираются либо на открытый набор примеров, т.е. список примеров принципиально не замкнут, см. работы [Николаева, Успенский 1966; Николаева 1969; Красильникова 1983; Акишина и др. 1991; Горелов, Енгальчев 1991; Крейдлин 1998; Пахарь 1999; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002 и др., либо примеры жестов берутся исключительно из художественной литературы, см. работы Горелов 1980; Верещагин, Костомаров 1981; Галичев 1986].

Иллюстраторы, сопровождающие речь, даже если они не всегда осознаются собеседниками, имеют большое значение для коммуникации и могут использоваться не только для передачи информации. Так, коммуникативная функция жестов не объясняет факт жестикуляции в ситуациях, когда говорящий не видит адресата, например, при разговоре по телефону. Исследования показывают, что иллюстраторы активно участвуют в когнитивных процессах говорящего ([Alibali et al. 2000]; см. также работы [McNeill 1992/1995, 2000]) и могут регулировать процесс общения (подробнее об этом см. в книге [Крейдли 2002]).

Однако даже информативная функция жестов не всегда бывает заметной для участников коммуникации. Были проведены эксперименты ([Cassel et al. 1998; McNeill 1992/1995, с. 134 и след.]), когда говорящий в рассказе заменял некоторые жесты на противоположные по значению. В результате испытуемые в пересказе сюжета почти в 50% случаев учитывали, не осознавая этого, смысл не слов, а жестов, и более половины таких ошибочных значений были переданы посредством слов. Эти эксперименты показали, что внутреннее ментальное представление, которое говорящий передает адресату в процессе коммуникации, одинаково доступно и для вербального и для кинетического канала передачи информации.

Настоящая работа имеет целью хотя бы частично восполнить недостаток внимания к иллюстративным жестам вообще и к русским в частности. Ниже мы сначала кратко рассмотрим функции таких жестов в американском варианте английского языка (описанные в работах [McNeill 1992/1995] и [Torres 1998]), а затем изложим результаты собственного анализа употребления русских иллюстративных жестов.

§2. Классификация иллюстративных жестов

В литературе представлено много разных классификаций иллюстративных жестов, но практически все они в той или иной степени восходят к классификации Д. Эфрона ([Efron 1941/1972]). Наиболее распространенной сегодня является классификация, предложенная Д. МакНилом ([McNeill 1992/1995]), и потому классификация, которую мы использовали в своей работе, существенно на неё опирается.

Мы выделяем четыре типа жестов, исходя из их функциональных особенностей.

1. Дейктические⁴ жесты (см. рис. 1)

Говорящий указывает пальцем, рукой (или как-то иначе, например, локтем) на некоторый референт, реально присутствующий в его поле зрения или воображаемый. (например, *Ну вот [Майкл Джордан ну метр девяносто шесть-девяносто восемь там]*⁵ – говорящий указывает в сторону, как если бы рядом находился Майкл Джордан⁶).

Рис. 1. Дейктический жест

⁴ Подчеркивание используется для выделения некоторых ключевых слов в соответствующем фрагменте текста. Курсивом выделяются языковые примеры, прямым полужирным шрифтом – жесты.

⁵ Здесь и далее вертикальная черта обозначает основную (пиковую) фазу жеста, квадратные скобки – начало и конец физической реализации жеста (термин «физическая реализация жеста» взят нами из работы [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]) – для жестов, протяженных по времени.

⁶ Поскольку метаязык для передачи значений жестов еще не разработан, смысл каждого жеста будет передаваться описательно, при этом мы будем стремиться к максимальной эксплицитности описания.

Говорящий может указывать и на некоторую точку во времени или пространстве (например, [*Подойди*] – говорящий движением руки показывает перед собой, куда именно подойти).

Дейктические жесты – самый древний класс кинетических знаков в жестовой системе любого языка, и в данной точке кинемы разных народов и культур обнаруживают больше всего сходства ([Крейдлин 2001, 195]). В нашем корпусе дейктические жесты встречались реже других (они составили лишь 8% от общего числа иллюстраторов). Это связано, по всей видимости, с их ограниченными возможностями в плане передаче информации.

2. Изобразительные жесты

Это иллюстраторы, наиболее сложные по форме. Они передают слушающему какую-то смысловую информацию, дублируя или дополняя слова. Ср. *Просто вот [две коробки нагрुжал книг там, кассет всяких]* – говорящий держит ладони перед собой параллельно друг другу на довольно большом расстоянии, показывая, что книг и кассет было очень много; см. также рис. 2).

Рис. 2. Изобразительный жест *Это [обратная сторона] кольца*

Изобразительные жесты составили 37% от общего числа иллюстраторов.

3. Кинетические ударения

Это короткие и простые по форме движения руки, обычно согласованные по времени с ударным слогом в слове, ср. *В какой-то момент человек оста|навливается, |оглядывается вокруг и понимает, что что-то было потеряно важное.* Говоря более простыми словами, к кинетическим ударениям относятся все те случаи, когда рассказчик постукивает или помахивает рукой в такт своим словам. Этот тип жестов – один из самых частых (примерно 39% всех иллюстраторов).

Кинетические ударения можно разделить на два класса в зависимости от формы жеста: 3а) Однократные жестовые ударения и 3б) Многократные жестовые ударения, или ритмические жесты; при этом ритмические жесты могут выделять либо каждый слог, либо только ударный слог каждого слова в выделяемом фрагменте текста (ср. *Может быть, [те|бе |мужа |стоит поме|нять]?*).

4. Иллюстративные регуляторы

Основная функция этих жестов, как следует из самого их названия, – регулировать процесс общения. Иллюстративные регуляторы относятся к сопровождаемой речи так же, как метавысказывания к разворачивающемуся дискурсу⁷, и описывают процесс вербализации и передачи говорящим некоторой информации, структуру дискурса и т.п. Среди иллюстративных регуляторов чаще всего встречаются так называемые кинетические *метафоры передачи* (conduit metaphor – по [Лакофф и Джонсон 1987]), которые репрезентируют речь как материальный объект небольших размеров, который можно держать в руках, демонстрировать и передавать собеседнику. Одна из типичных реализаций метафоры передачи такова: ладонь говорящего раскрыта и развернута

⁷ Под дискурсом в лингвистической литературе обычно понимают речь, вписанную в коммуникативную ситуацию. Как нам кажется, существующие различия между дискурсом и традиционными представлениями о тексте по сути дела сводятся к одному самому главному, а именно к различию в статике – динамике (текст – статическая структура; дискурс – динамическая структура).

Рис. 3. Жест *метафора передачи*

вверх, и рука делает движение вперед, к адресату; тем самым говорящий как бы передает на ладони свою реплику слушающему (см. рис. 3).

Этот тип иллюстраторов, как и предыдущий, выделяется нами впервые: хотя особенности ритмических жестов и иллюстративных регуляторов неоднократно отмечались в работах по лингвистике и кинесике (см., например, [McNeill 1992, Крейдлин 2002]), в отдельные классы они не выделялись.

По нашим наблюдениям, в американской культуре метафоры передачи имеют другую форму (рис. 4). А в ряде культур, например, в китайской, этот вид жестов может отсутствовать вовсе ([McNeill 1992/1995, 151]).

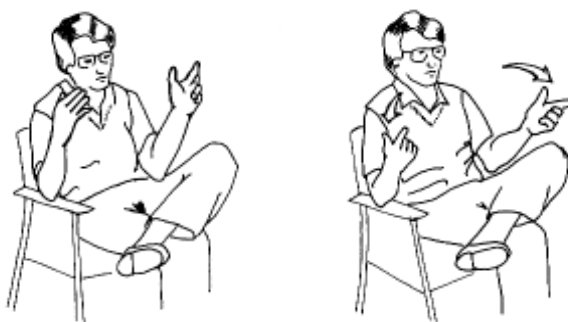

Рис. 4. Американский жест *метафора передачи*

Данные, представленные в [McNeill 1992/1995, 94, 287], позволяют сделать вывод о том, что пропорции различных типов иллюстраторов в американском варианте английского языка и в русском языках практически одинаковые. Различие состоит в том, что в английском языке несколько больше изобразительных жестов (за счет остальных типов, в первую очередь кинетических ударений). Можно сделать вывод, что кинетические сигналы в речи американцев в большей степени направлены на изображение (иллюстрацию) описываемых событий и сущностей, по сравнению с русскими жестами, где больше внимания уделяется, в частности, структуре изложения и отношению высказывания к непосредственному описанию основного сюжета.

§3. Функции иллюстративных жестов в английском языке

Иллюстративные жесты, используемые говорящим, передают слушающему некоторую информацию наряду со словами и интонацией. В книге [McNeill 1992/1995] описаны дискурсивные функции жестов в американском английском (с. 188 и след.), см. схему 1.

Говорящий может выступать в разных ролях, ассоциируя себя с героем рассказа, со сторонним наблюдателем в изображаемом мире (мире дискурса) или с рассказчиком, передающим свои знания слушающим (либо с рассказчиком – участником эксперимента). Таким образом, создается набор «ролей говорящего» (или набор его «внутренних миров»). Во-первых, говорящий выступает в роли свидетеля некоторого события (например, зрителя фильма, о котором он рассказывает слушающему⁸). Во-вторых, говорящий выступает как рассказчик, здесь действующие лица – говорящий и слушающий (адресат). И третий «мир», обычно самый сложный, – это собственно мир описываемых событий (например, женщина достает из сумочки письмо и тайком читает его). Эти три «мира» соответствуют трем уровням, выделяемым в рассказе: нарративному, метанарративному и паранарративному. На уровень изложения могут указывать как вербальные, так и невербальные знаки,

⁸ В исследовании Д. МакНила большое внимание уделено экспериментам, в которых испытуемые пересказывали сюжет мультфильма.

но наиболее явно он проявляется с помощью невербальных средств. Жесты, сопровождающие речь, позволяют выявить структуру дискурса и возможные смены перечисленных ролей говорящего.

**Схема 1. Дискурсивные функции жестов
(в американском варианте английского языка).**

(Жестовые ударения показывают переход к другому уровню)

Отношение высказывания, сопровождаемого жестом, к миру дискурса

В соответствии со схемой 1, **изобразительные жесты** появляются при описании непосредственно сюжета и показывают описываемые события. Форма жеста может сообщать дополнительные сведения (например, о способе, которым осуществлялось действие) или уточнять позицию рассказчика по отношению к описываемым событиям. Вот пример жеста, когда рассказчик выступает как сторонний наблюдатель: одновременно со словами [*Машина врезалась*] в стену говорящий, выпрямив пальцы правой руки и держа левую руку неподвижно, ударил правой рукой левую. Если бы говорящий выступал от лица героя (сидящего в тот момент времени в машине), можно было бы ожидать движения вперед обеих рук или всего корпуса. Таким образом, возможны две позиции говорящего по отношению к описываемым событиям: участник (герой рассказа) или наблюдатель. В первом случае движения рук и тела

говорящего соответствуют движениям рук и тела героя; во втором движении и действия героя будут изображаться только движениями рук говорящего. Доля участия говорящего в описываемых событиях и та степень подробности, с которой жест передает детали описываемых событий, соответствуют важности соответствующей информации в рассказе.

Иллюстративные регуляторы представляют рассказ в виде объекта или механизма и чаще всего появляются в высказываниях, описывающих особенности или структуру рассказа. Например, говорящий одновременно со словами *Дальнейшее [развити]е сюжета такое* передает воображаемый объект («развитие сюжета») слушающему. Иллюстративные регуляторы часто встречаются на границах эпизодов (чаще всего соотносимых с абзацами в письменной речи).

Дейктические жесты могут появиться на любом уровне дискурса. Условием их употребления является важность положения некоторого референта в пространстве, однако их прежде всего отличает частое сочетание с такими высказываниями, в которых говорящий сообщает что-то о себе или обращается к собеседнику. На нарративном уровне (при описании мира дискурса) дейктические жесты указывают на появление нового героя, на метанарративном уровне – на новые события, на паранарративном уровне дейктические жесты описывают отношения между говорящим и слушающим. Все три функции связаны с построением дискурсивного пространства и уточняют место рассказчика относительно участников разных сюжетных линий и уровней изложения.

Кинетические ударения обычно появляются в дискурсе, когда говорящий отвлекается от изложения сюжета (т. е. переходит на другой нарративный уровень). Такое понимание функций кинетических ударений подтверждается их частым появлением (40% случаев) на границе эпизодов. Кроме того, кинетические ударения встречаются тогда, когда говорящий сам себя поправляет, когда впервые упоминается новое действующее лицо, если имеет место обобщение ранее сказанного. Кинетические ударения указывают на то, что имеет место отклонение от ранее соблюдаемой последовательности изложения событий. Вот пример того, как кинетические ударения указывают на переход от одного нарративного уровня к другому: *Это был мультфильм про птичку Твити*

и Сильветстра [Ну, вы знаете]⁹ И вот первая сцена, которую вы видите...([McNeill 1995, 194]).

Помимо уровней изложения, жесты тесно связаны с коммуникативным динамизмом соответствующих высказываний: от степени коммуникативного динамизма зависит место появления жеста и его простота/сложность. Ян Фирбас ([Firbas 1964]) определяет коммуникативный динамизм как то, насколько данное высказывание «продвигает вперед коммуникацию» относительно некоторой темы. По мере того, как говорящий переходит от одного нарративного уровня к другому, в фокусе могут оказываться разные темы. Так, описание некоторого события в рамках излагаемого сюжета выдвигает на первый план нарративный уровень (описание мира дискурса); замечание о структуре повествования высвечивает метанарративную линию.

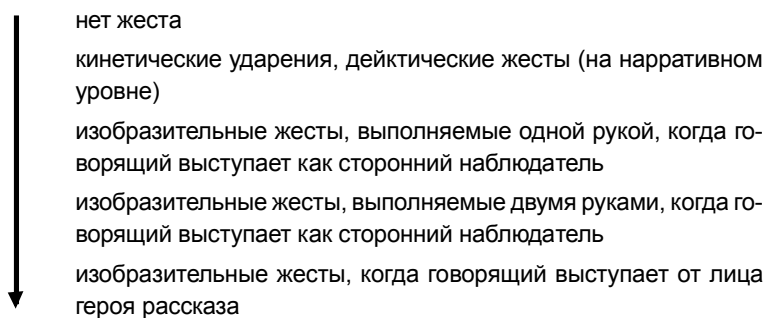
Жесты появляются там, где коммуникативного динамизма достигает пика на соответствующем уровне изложения. Было обнаружено, что в английском языке иллюстраторы редко встречаются с элементами, обладающими низким коммуникативным динамизмом, и если в высказывании нет никаких жестов, то у него низкий коммуникативный динамизм. Если же иллюстратор есть, то он выделяет те элементы в высказывании, которые обладают наибольшим коммуникативным динамизмом. Кроме того, отметим, что более сложные жесты показывают более высокие пики коммуникативного динамизма, причем некоторые компоненты жеста могут уточнять, что именно из мысли рассказчика продвигает сюжет вперед.

Самые простые иллюстративные жесты – это кинетические ударения и, так сказать, абстрактный дейксис, то есть дейктические жесты, указывающие на референт, не присутствующий при разговоре. То, насколько говорящий ассоциирует себя с описываемыми персонажами (т.е. говорит и, главное, жестикулирует от лица героя или стороннего наблюдателя) также оказывается связано с коммуникативным динамизмом. В [McNeill 1992/1995, 208–209] описывается смена одного типа

⁹ По-видимому, здесь был использован ритмический жест. – Д. МакНил не проводит различия между однократными и многократными жестовыми ударениями.

жеста на другой при повышении коммуникативного динамизма высказывания:

(высокая степень предсказуемости информации, наиболее «тематические» элементы)

(наиболее «рематические» элементы, когда сообщается что-то новое относительно темы)

При уменьшении коммуникативного динамизма каждого последующего высказывания, например, когда говорящий не в состоянии вспомнить, что представлял собой следующий эпизод, о котором он хочет рассказать, можно наблюдать движение в обратную сторону: от изобразительных жестов к кинетическим ударениям и далее к отсутствию жестов (пока говорящий вспоминает, и пока на вербальном уровне присутствуют, главным образом, маркеры hesitation). Вот пример, иллюстрирующий это явление:

- *[И прыгает в окно]* – изобразительный жест: рука показывает, как герой прыгает в окно
- *[Так] он может оставить в [дураках] [Гфенни]* – кинетические ударения
- *Который опекает [Твити]* – кинетические ударения
- *Ээ и... вот что происходит потом: он... пытается ...*

Помимо линии развития сюжета, существует другая линия повествования, в которой описывается структура дискурса – это метанарративный уровень. Так, границы эпизодов часто маркируются вербально,

такими, например, словами, как «А потом мы видим...» или «Следующая сцена такая...». Здесь тоже возможны свои пики коммуникативного динамизма, однако на метанарративном уровне для выделения наиболее важных фрагментов используются уже не изобразительные, а дейктические жесты, иллюстративные регуляторы и кинетические ударения.

§4. Функции и особенности употребления иллюстративных жестов в русском устном дискурсе

Методика исследования

Целью данной работы была проверка гипотезы, согласно которой на основании заранее заданного вербального ряда можно предсказать (с некоторой долей вероятности) место появления иллюстративных жестов и их особенности, предопределяемые контекстом. Для этого нами был создан корпус устных текстов общей временной продолжительностью около получаса. Корпус представляет собой записанные на видеопленку фрагменты телепередач (интервью, ток-шоу и пр.) достаточно неформального (естественного) стиля общения. Особенности их съемок позволяли практически без помех следить за жестикуляцией говорящего. Таким образом была записана речь 14 различных дикторов, отличавшихся друг от друга по возрасту, профессиональному и социальному статусу; предполагается, что различия между дикторами позволили избежать стереотипов кинетического поведения, присущих только какой-то одной социальной группе. Полученный корпус был затранскрибирован и разбит на отдельные предикации. Вслед за Чейфом ([Chafe 1994]) мы считаем дискурс состоящим из предикаций, в большинстве случаев соответствующих простым предложениям. Каждая из таких предикаций была далее описана как совокупность синтаксических составляющих с указанием их морфологических, синтаксических и дискурсивных особенностей (например, для именных групп указывалась степень активированности референта в сознании собеседников, для глаголов – грамматическая форма и семантический класс и т.п.).

Следует отметить, что оживленность жестикуляции в разговоре зависит от многих факторов. Помимо социокультурных факторов (подробнее об этом см. [Крейдлин 2002]), на особенности жестового поведения влияют личностные особенности, а также ситуация общения ([Ekman, Friesen 1990]). Например, если говорящий устал или находится в подчиненном положении по отношению к адресату, жестов будет меньше; если говорящий не очень заботится о том впечатлении, которое он производит на слушающего, количество жестов возрастает. В полученном корпусе сопровождение в виде кинетических иллюстраторов получили 60% предикаций. Поскольку при транскрибировании записанных нами телепередач предпочтение отдавалось фрагментам с более оживленной жестикуляцией говорящего, можно предположить, что в целом число предикаций с жестами будет несколько меньше, однако в неформальной речи это число составит не менее 30% (по данным Д. Макнилла в американском английском жесты сопровождают порядка 67% предикаций ([McNeill 1992/1995, 286]).

Иллюстраторы обычно маркируют в тексте наиболее семантически нагруженные составляющие. Так, «слова-паразиты» получают жестовое сопровождение примерно втрое реже, чем именные и глагольные группы (далее, соответственно, ИГ и ГГ) или наречные группы (НГ) и наречия. Дискурсивные и синтаксические особенности ИГ указывают на то, что иллюстративные жесты тяготеют к новым и релативным элементам. Семантические и грамматические особенности ГГ по-разному связаны с каждым типом жестов. Общим является только то, что кинетические иллюстраторы в нашем материале практически не встречались с глаголами речи. Это можно объяснить низкой смысловой нагрузкой таких глаголов или, иначе, их низким коммуникативным динамизмом: часто в разговорной речи такие слова пропускаются или редуцируются до клитик, например, когда вместо «говорит» человек произносит *grit* или даже *rit*.

Дейктические жесты

Дейктические жесты по смыслу могут соответствовать только ИГ или НГ – они никогда не соответствуют глагольным сказуемым или целым предикациям. В нашем корпусе есть лишь один пример, когда дей-

ктический жест сопровождал вводные слова (мне кажется), но в этом случае обычное значение оборота – оценка возможной неточности высказываемых положений – было выражено полнозначным предложением: *МНЕ кажется* с сильным ударением на местоимении. С другой стороны, узость выражаемых значений дает дейктическим жестам большую свободу в сочетании с речью, так что кинетическое указание на некоторое лицо или референт, присутствующие при разговоре, может появиться не одновременно с называнием или обращением (так случается, например, когда говорящий опережает свою мысль и заранее показывает слушающему, про кого или про что он намерен сказать, или когда говорящий, желая подчеркнуть свою мысль, задерживает исполнение дейктического жеста до начала следующей предикации).

Еще одной отличительной особенностью дейктических жестов является их предпочтительное использование с известными референтами (то есть <коммуникативно> старыми – такими, о которых шла или идет речь в дискурсе, или доступными – упомянутыми в нем недавно или имеющими непосредственное отношение к тому, о чем говорит-ся¹⁰) – таковыми были 87% употреблений этих жестов с ИГ.

Возможны три типа контекстов дейктических жестов в зависимости от синтаксической роли ИГ и степени их активированности в сознании (новизны/доступности соответствующего референта). Со старыми подлежащими дейктические жесты появляются в тех случаях, когда происходит смена главного героя, и в центре внимания оказывается другое лицо – уже знакомое, но действовавшее на второстепенных ролях. Возможно использование таких жестов в контексте контрастного или сопоставительного выделения (например, *Я не про вас говорю, Да про соседку*) – с доступными и новыми подлежащими и со старыми и доступными дополнениями и обстоятельствами. Наконец, с новыми дополнениями и обстоятельствами (называемыми впервые) жесты могут использоваться просто для выделения (когда говорящий указывает рядом с собой, на не присутствующее при разговоре новое лицо, как будто представляя его слушающему) – см. схему 2.

¹⁰ Деление референтов, называемых в дискурсе, на старые, доступные и новые используется в соответствии с работой [Chafe 1994].

Схема 2.

Подлежащее	старое	доступное	новое	
Дополнения и обстоятельства		старое	доступное	новое
Значения дейктических жестов	Смена протагониста	Контраст и сопоставление		Выделение

Следует отметить, что нам ни разу не встретилось такое использование кинетических указаний (которое было описано на материале английского языка), когда говорящий, называя новое действующее лицо, «помещает» его в пространстве рядом с собой и при повторных названиях этого референта указывает на него. Такое совместное использование кинетических и вербальных средств удобно тем, что позволяет в дальнейшем избежать потенциальной неоднозначности. А при описании сцены с несколькими действующими лицами говорящий может обойтись местоимениями, если будет сопровождать свои слова указаниями на место, где он «разместил» соответствующее лицо ([Cassel 1996, McNeill 1992]).

Тем не менее паранарративная функция у русских дейктических жестов тоже имеется, (как и в английском). Она обычно проявляется во вступлении, когда говорящий сообщает что-то о себе, о присутствующих рядом или о своих намерениях относительно других лиц. Дейктические жесты, однако, могут сопровождать и непосредственное изложение сюжета. Особенно часто дейктические жесты используются в цитатах (вставленной прямой речи), когда говорящий действует от лица описываемого им персонажа, перенося таким способом слушающего в мир дискурса.

Изобразительные жесты

Изобразительные жесты, с одной стороны, обязательно передают какое-то новое знание о мире, дублируя или дополняя языковое послание, а с другой стороны, больше других жестов нуждаются в вербальном подкреплении, чтобы их смысл стал понятен адресату, поскольку диапазон их возможных значений практически неограничен.

Важно подчеркнуть, что в плане передачи информации иллюстративные жесты (и не исключено, что и другие невербальные знаки) располагают дополнительными возможностями по сравнению с речью, поскольку образуют гораздо менее кодифицированную систему, чем язык и речь или даже эмблемы, кроме того, жесты недискретны и нелинейны. Например, с помощью жестов можно одновременно передать информацию о взаимном расположении двух предметов, что гораздо труднее сделать средствами языка. Пространственные характеристики объекта – его форму, объем, местоположение и ориентацию в пространстве и пр. тоже часто легче выразить при помощи кинетических средств.

Как и английские, русские изобразительные жесты чаще других иллюстрируют высказывания, относящиеся к описанию мира дискурса (в противоположность разного рода лирическим отступлениям или каким-то иным вставкам, например, тем, которые описывают обстоятельства состоявшейся беседы). Особенно это относится к высказываниям, которые соответствуют главной линии изложения¹¹. Например, *Я такой положил |цв- цветок на барную стойку – говорящий, до этого державший в руке воображаемый цветок, теперь «кладет» его; Она |хоп! И в обморок* – говорящий поднял вертикально правую руку от локтя и делает резкое движение влево и вниз, иллюстрируя падение навзничь.

Важность соответствующих предикаций и высказываний в рассказе подтверждается грамматическими особенностями глагольных сказуемых: с причастными и деепричастными оборотами, которые описывают фон или дополнительные условия для разворачивающихся событий, русские изобразительные жесты не появились ни разу.

Та же самая тенденция к выделению элементов, обладающих максимально высоким коммуникативным динамизмом, наблюдается и внутри предикации. Среди ИГ коррелятами изобразительных жестов обыч-

¹¹ Деление предикаций и, соответственно, высказываний на те, которые относятся к главной линии изложения, и на те, которые относятся к фону, было предложено в работе [Labov 1972]. К первым принадлежат высказывания, которые описывают развитие последовательности событий, непосредственно разворачивают тему дискурса; ко вторым – любые замечания, дополнения, экскурсы и т.п., не продвигающие изложение сюжета вперед.

но оказываются такие, которые относятся к рематической части высказывания, то есть чаще всего это новые и, в меньшей степени, нереперентные употребления (которые в основном относятся к именной части сказуемого). Такие случаи составили соответственно 43% и 24% от всех ИГ с изобразительными жестами.

Изобразительные жесты могут также появляться в тематической части, однако не со старой темой. Они призваны облегчить слушающему переход к новой теме или к такой, которая, хотя и связана с предыдущей частью дискурса, но названа впервые. Например, [*и [в кулуарах] еще многие, знаете, поговаривают, соберет – не соберет* – рука говорящего в это время рисует сложную кривую, передавая непрямой, неоткровенный характер таких разговоров, и одновременно фонетические особенности этого слова; *Да, вот сольник – это вт- это то, к чему он долго шел, к чему вот он пробирался, и вот теперь он [это |дело все] организует* – говорящий обводит руками большой круг, показывая масштабность «этого дела»). Так же, как с ГГ, изобразительные жесты с ИГ дублируют и дополняют какую-то новую информацию в речевом послании, достаточно важную в высказывании и во всем дискурсе.

При всем этом изобразительные жесты часто появляются с различными речевыми переформулировками, когда говорящий повторяет свою мысль, но другими словами. В таком контексте функция иллюстраторов представляется двойкой: во-первых, они выделяют правильный вариант высказывания и привлекают к нему внимание слушающего, и во-вторых, они используются говорящим как альтернативное средство для обработки и передачи информации, поскольку одни лишь языковые средства оказались или неудобными или недостаточными.

По своей семантике изобразительные жесты чаще всего связаны с ГГ, причем их смысл часто отражает значение глагола или содержание целой предикации: форма этих жестов допускает передачу динамических (глагольных) значений наравне со статическими. В проанализированном нами корпусе в половине случаев жесты относились ко всей ситуации (предикации или ГГ – см. примеры выше) и в половине случаев отражали значения ИГ или отдельных слов, как правило, наречий или дискурсивных маркеров: частиц, союзов (произнося *в принципе*, гово-

рящий развернул вниз ладонь с полусогнутыми пальцами, образующими полусферу, показывая процесс обобщения, а говоря или – или, сделал движение рукой сначала направо, затем налево что отражает наличие двух альтернативных вариантов). Данная особенность резко отличает изобразительные жесты от дейктических: последние могут соответствовать только НГ или ИГ.

Что же касается семантики соответствующих предикатов, то ситуация тут вполне предсказуема: изобразительные жесты часто сочетаются с глаголами движения или ГГ с такими глаголами, поскольку кинетические средства располагают дополнительными возможностями по сравнению с речью для передачи разных характеристик движения, таких как скорость, траектория, направление относительно наблюдателя или говорящего и т.п.). Еще чаще жесты встречаются с глаголами, обозначающими конкретные физические действия и состояния (*бросить, положить* что-то, *оглянуться*). Таким образом, наиболее подходящим контекстом для таких жестов оказывается описание действий или состояний с конкретной пространственной реализацией (54% от всех глаголов с изобразительными жестами).

При этом возможно сочетание жестов и с глаголами других семантических классов; условием для этого, скорее всего, является возможность использования говорящим подходящей метафоры или изменения сферы значения жеста. Здесь могут быть разные пути, в частности, (а) расширение до границ целого высказывания, так что в форме жеста отражаются, например, актанты глагола, ср. *У меня были какие планы, [я уже |строил там что-то]* – говорящий рисует в воздухе замысловатую кривую, которая ассоциируется с воздушными замками), и (б) сужение значения до какого-то одного его аспекта (*Риск|ну и начну жизнь с начала* – резкое движение руки вниз здесь демонстрирует решимость говорящего). Изменение сферы значения обеспечивает самый широкий потенциальный контекст для изобразительных жестов, но их использование в речи все равно остается ограниченным необходимостью передавать какую-то пространственную информацию (этим они отличаются и от кинетических ударений и от иллюстративных регуляторов).

В отличие от других типов иллюстраторов, изобразительные жесты свободно сочетаются с междометиями, например, в речи ситуация репрезентируется звукоподражательными словами (*ох, хол!*), а происходящие при этом мануальные движения показывают, что именно происходит. Таким образом, полную картину о происходящем можно получить только с учетом информации, полученной сразу по двум каналам. Больше того, понимание речи без жестового сопровождения в этих случаях весьма затруднено. Жест при этом передает основную часть общего смысла, а в речи, в словах содержатся эмоционально-экспрессивные оттенки (*|ох, у меня ребро* – сообщает водитель сотруднику автоинспекции и со страдальческим лицом держится за бок). В таких сочетаниях проявляется большая информационная нагрузка, отличающая именно изобразительные жесты.

Еще одной характерной особенностью изобразительных жестов является то, что они могут сочетаться с предикативными синтаксическими составляющими любой природы (с союзами, дискурсивными маркерами, целыми предикациями), в отличие от дейктических иллюстраторов, которые могут сопровождать только ИГ или НГ). При этом в значениях изобразительных жестов отображается сам мир дискурса (а не условия беседы, соображения говорящего и пр.).

Интересно сравнить незавершенные высказывания с изобразительными и дейктическими жестами. В первом случае после жеста имеет место не самокоррекция, а повторение прерванной фразы уже в ее полном варианте. Такие прерванные высказывания вполне соответствовали первоначальному речевому замыслу говорящего (ср. *И поэтому она достаточно- | мм не хочется как бы контекст программы превращать в некое такое- [она достаточно |грустна] просто как бы, вот* – ладонь с полусогнутыми пальцами развернута вниз, и короткие движения руки вниз передают давящее впечатление от истории, о которой идет речь).

Дейктические жесты, напротив, совпадали по времени с незавершенным «неправильным» высказыванием, после которого последовала самокоррекция, и по смыслу они соответствовали правильному варианту (ср. *Я отношусь вот [к... Я хоте|тела бы у |Павла] спросить* –

произносятся эти слова, женщина с самого начала показала на Павла; *Знаете, |я- Вы Мышкина играет, да?* – произносятся я, говорящий показал на собеседника).

Малое количество примеров (два – в случае с дейктическими жестами и десять – в случае с изобразительными, или, соответственно, 4% и 6%) не позволяет считать статистически значимой закономерностью отмеченные особенности сочетания разных типов жестов с незавершенными высказываниями. На этом основании можно лишь предположить, что путь от первоначального замысла к слову оказывается длиннее или сложнее, чем от первоначального замысла к жесту. Некоторые исследователи уже предлагают модели, описывающие синхронное производство речи и кинетических сигналов (см. [Krauss et al. 2000] и [De Ruiter 2000]), однако на данном этапе развития науки верификация таких моделей представляется весьма затруднительной.

Иллюстративные регуляторы

В отличие от описанных выше дейктических и изобразительных жестов, информация, передаваемая иллюстративными регуляторами, не является иллюстрацией вербального сообщения, а относится к процессам создания дискурса и передачи информации адресату, то есть их функция аналогична функции метатекстовых высказываний в речи.

Как уже отмечалось, в изученном нами корпусе подавляющее большинство (90%) жестов-регуляторов составили **метафоры передачи**. Последние могут сопровождать вопрос, просьбу, восклицание или обращение (например, *А, в общем-то, |что же |я сделаю-то?* или *Александра, пожалуйста, <расскажите о том, как вы изменили свою жизнь>!*).

Также встречались жесты, названные – по аналогии – **метафорой потока** (когда говорящий округлыми движениями руки как бы подгоняет себя и помогает себе говорить. В книге [McNeill 1992/1995] такие жесты были названы **метафорой процесса**, **метафорой возврата** (говорящий как бы стер с воображаемой доски перед собой неудачную шутку) и **метафорой «беру слово»** («аплавверды»: подняв кружку, один из участников застолья таким способом передал остальным, что дальше рассказывать анекдоты будет он).

Закономерно, что внутри предикации иллюстративные регуляторы чаще других типов иллюстраторов встречаются с более статичными элементами – ИГ и дискурсивными маркерами – в противоположность более динамичным ГГ, то есть сопровождают такие составляющие, которые легче представить себе в виде некоего объекта неопределенной формы, который помещается на ладони и может быть отдан слушающему.

Иллюстративные регуляторы отличает также часто встречающееся сочетание с метавысказываниями (например: *У тебя есть у самого какие-нибудь истории, одну из которых ты |нам обязательно сейчас расскажешь*). Кроме того, среди их функций можно выделить маркирование логических связей между смысловыми абзацами (*Моя подружка, |которая делала мне эту прическу, посмотрела на меня и сказала – до этого речь шла о прическе, потом о других переменах во внешности, подружка же упоминается только один раз*). При этом жестам-регуляторам часто предшествовали паузы hesitation. Это можно считать демонстрацией того, что соответствующая мысль была достаточно сложной для говорящего, и в результате он передает ее адресату как нечто ценное и заслуживающее особого внимания.

Глаголы, появляющиеся в сопровождении иллюстративных регуляторов, часто описывают физическое или эмоциональное состояние героя: треть глаголов в сопровождении иллюстративных регуляторов относится к группе чувства и восприятия, ср. [*Что ты не при|емлешь*] в отношениях с противоположным полом?). То есть с такими жестами часто сочетаются глаголы, во-первых, значение которых, не предполагает пространственной иллюстрации, а во-вторых, открывающие что-то о состоянии говорящего или героя рассказа. Можно предположить, что именно «личный» характер соответствующих слов заставляет говорящего особенно бережно передавать высказывание адресату, чтобы оно дошло до него без потерь и искажений. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что иллюстративные регуляторы часто сопровождают модальные высказывания со словами «должен» и «надо», выражающие глубокие личные убеждения говорящего, достаточно ценные для него.

Характерно, что на иллюстративные регуляторы пришлось три из четырех дативных дополнений в корпусе, выделенных жестами. В этих случаях значение кинетического знака ('передать кому-то что-то') и слов совпадало.

Относительно большая доля иллюстративных регуляторов пришлась на разного рода дискурсивные маркеры. В таком контексте особенно ярко проявляются особенности этих единиц как жестов, направленных, в частности, на процесс оформления замысла говорящего на уровне выбора слов и на уровне изложения последовательности событий. Поэтому на сочетании этих жестов с дискурсивными маркерами нужно остановиться подробнее.

Отметим, что только эти жесты сопровождали речевые дискурсивные маркеры, отражающие процесс выбора слов говорящим, например *если можно так выразиться, грубо говоря* и *как бы* с аналогичным значением («если можно так сказать»). Из этого можно сделать вывод об их направленности на формальную сторону общения, а именно на процесс превращения мыслей в слова. У иллюстративных регуляторов, сопровождавших слова – маркеры эвиденциальности (*на самом деле, естественно*), проявляется другая функция, но связанная с первой: обращение к слушающему, когда ему предлагается принять следующие слова – говорящий как бы предупреждает возможную реакцию слушающего (например, осуждение, непонимание) и просит принять его слова просто так, на веру, без обсуждения. Например, после слов *на самом деле* следовало признание что постоянно задают одни и те же вопросы, и сейчас всё то же самое; *естественно*, что мужчины в бане сначала сели чуть-чуть выпить.

Нарушает общую тенденцию то обстоятельство, что эти жесты не встречались с текстовыми дискурсивными маркерами и маркерами интеракции, то есть с теми вербальными показателями, которые относятся к последовательности событий в дискурсе и с теми, которые относятся к сфере взаимодействия между собеседниками (*кстати, в результате, в общем; знаешь, понимаешь, смотри, слушай*). Возможно, в этих случаях вербальная информация не нуждалась в визуальном дублировании, поскольку не была важным фактом или фрагментом, сложным для синтеза говорящим или для анализа слушающим.

В целом же контекст этих жестов представляется скорее рациональным: речь идет не о чувствах или эмоциях (ср. с иллюстративными регуляторами и жестовыми ударениями), а о когнитивной сфере – о сложных мыслях, установках, личных убеждениях. Одновременно, с точки зрения структуры дискурса, речь тут идет о фрагментах, важных для сохранения связности изложения, то есть отвечающих за логику и упорядоченность речи говорящего (как примере: *Моя подружка, |которая делала мне эту прическу, посмотрела на меня и сказала*).

Жестовые ударения

Жестовые ударения гораздо чаще, чем предыдущие типы, оказываются скоординированы со словесным или фразовым ударением. Функции жестовых ударений представляются достаточно разнообразными, возможно, в связи с их простой и лаконичной формой, допускающей самые разные интерпретации.

Можно выделить две основных группы употреблений жестовых ударений. Это маркирование речевых сбоев, повторов и явно второстепенных по значимости фрагментов речи (например, *Потому что я приняла себя... как бы | в новом качестве*; или *Да я приветствую в них... естественность. Вот. Да, е|стественность – самое главное*), выделение слов, достойных внимания, функция, общая с остальными типами иллюстраторов и некоторыми другими лингвистическими и паралингвистическими средствами (ср. *Но ведь это [о-очень интересная вещь]*, здесь, желая подчеркнуть важность своего наблюдения, говорящий задержал пиковую фазу жеста, а именно приложив к руку груди, он сохранил ее положение до конца высказывания).

Из всех типов иллюстраторов только жестовые ударения чаще, чем все жесты в среднем, сопровождали речевые сбои (повторы, паузы хезитации, незавершенные высказывания) и дискурсивные маркеры. Некоторые исследователи среди функций иллюстративных жестов называют снятие напряжения у говорящего, возникающего при речевых сбоях ([Dittmann and Llewelyn 1969], по [Krauss et al. 2000]). В изученном корпусе доля речевых сбоев, сопровождаемых иллюстраторами, была такая же, как и без них, однако если смотреть по отдельным типам жестов, то окажется, что жестовые ударения появляются с повторами и не-

завершенными высказываниями гораздо чаще, а все остальные – гораздо реже среднего статистического.

Эти факты позволяют предположить, что появление жестовых ударений обусловлено в большей степени не сложностями в выражении некоторой мысли, а нарушением ритма речи говорящего. Использование здесь этих кинетических единиц, по всей видимости, призвано помочь говорящему восстановить ритм речи и продолжить говорить.

Еще одна функция жестовых ударений при речевых сбоях – это удержать внимание слушающего: говорящий таким образом сообщает партнеру, что не закончил свою реплику и не дает ему слова.

В семантических и синтаксических особенностях глаголов с жестовыми ударениями тоже проявляются оба главных фактора, обуславливающих использование этого типа кинетических знаков. Жестовые ударения часто сопровождают глаголы мысли и чувства. Можно предположить, учитывая вытекающие из предыдущих замечаний особенности семантики таких жестов, что свои личные соображения, подобно словам автора в пьесе, говорящий маркирует как примечания по отношению к описываемым событиям (например, *Она говорит: Ты |знаешь, вот, может быть, вы не |знаете, там, |сидя у себя в России, но...*). Грамматические формы предикатов с жестовыми ударениями указывают на удаленность соответствующих высказываний от главной линии: очень часто это были причастия и деепричастия, инфинитивы или безличные высказывания, относящиеся к фону дискурса.

Ритмические жесты

Ритмические жесты по определению являются протяженными по времени, поэтому среди их вербальных коррелятов на первом месте стоят целые высказывания (таковы две трети встреченных употреблений). Ритмические жесты достаточно редко по сравнению с другими иллюстраторами сопровождают ИГ и ГГ, и ни разу они не встретились с НГ, междометиями, дискурсивными словами и незавершенными высказываниями. На основании таких свойств их речевого контекста можно сказать, что вербальные корреляты этих жестов должны быть достаточно длинными, то есть состоять из нескольких слов, или это может быть одно, но длинное слово, и озвучиваемая мысль должна быть продуманной и хорошо сформулированной.

Высказывания в сопровождении ритмических жестов занимают важное место в дискурсе, обычно выражая главную мысль в своем смысловом абзаце (в отличие от жестовых ударений). Это позволяет сделать вывод о часто намеренном риторическом использовании ритмических жестов, что особенно выразительно проявляется в сравнении с похожими по форме жестовыми ударениями. Последние, наоборот, сопровождают самые «неаккуратные» фрагменты речи (сбои и «слова-паразиты») и, по-видимому, часто бывают спонтанными.

Как и жестовые ударения, ритмические жесты чаще, чем все остальные, сопровождают цитаты, однако с последним типом жестов обычно появляются фрагменты, играющие важную роль в рассказе. Вот продолжение примера с жестовыми ударениями: *Она говорит: Ты |знаешь, вот, может быть, вы не |знаете, там, |сидя у себя в России, но...[|есть |та|ки|е |у|ко|лы, |ко|то|рые |ме|ня|ют |цвет |ко|жи].* При всем этом у глаголов в высказываниях, получивших сопровождение в виде ритмических жестов, форма более типична для высказываний фона (безличные и модальные высказывания – например, в рамках лирических отступлений, – инфинитивные обороты и т.п.).

Из других семантических типов глагольных предикатов эти жесты часто встречаются с такими, к которым сложно подобрать визуальную иллюстрацию и которые описывают скорее объективную реальность (действия героев и события, происходящие с ними), с такими, которые выражают чувства (эти жесты чаще сопровождаются жестовыми ударениями) или мысли (которые с большей вероятностью появляются с жестами-регуляторами).

Заключение

Как неоднократно отмечали разные исследователи (см., например, [Крейдлин 2002; McNeill 1992/1995]), особенности невербального, в частности жестового, поведения могут сильно варьироваться от культуры к культуре. Это подтверждается и при сравнении русских и американских иллюстративных жестов, описанных в данной работе. В русском языке частота появления кинетических иллюстраторов заметно меньше, чем

в американском английском (30% и 67%), однако соотношение между различными типами примерно такое же (впрочем, американцы несколько чаще, чем русские, используют изобразительные жесты).

Также отличаются и функции жестов. В русской жестовой культуре дейктические жесты не используются для снятия возможной неоднозначности местоимений; они применяются только для выделения сопровождаемого референта. Кинетические ударения в русской устной речи не всегда выделяют фрагменты с высоким коммуникативным динамизмом, как это описано в [McNeill 1992/1995]: однократные жестовые ударения часто используются при повторах и речевых сбоях и к тому же обычно сопровождают непосредственное описание мира дискурса. Однако жестовые ударения, повторенные несколько раз подряд, – ритмические жесты – не встречаются с речевыми сбоями и незавершенными предикациями и часто маркируют метавысказывания (помимо наиболее значимых фрагментов речи, как это делают и американцы).

Кроме того, существуют другие функции иллюстративных жестов, не описанные в цитированной выше работе Д. МакНила. Например, русские дейктические иллюстраторы, помимо выделения паранарративного уровня в дискурсе, могут сопровождать цитаты – для усиления достоверности описываемых событий. А изобразительные мануальные иллюстраторы, для которых наблюдается стойкая тенденция выделять высказывания с наибольшим коммуникативным динамизмом, встречаются и при переформулировках – повторах предыдущего или нескольких предшествующих высказываний другими словами. Этот контекст свойственен русским изобразительным иллюстраторам, как и жестовым ударениям, которые часто отмечают даже маловажные и плохо произносимые фрагменты в речи.

Наше исследование подтверждает разнообразие функций, которые исполняют иллюстративные жесты в человеческой коммуникации, и их важность их роли в интерактивном поведении человека. Дальнейшие исследования в данном направлении должны быть связаны с более точным определением всех условий, которые обуславливают момент наложения того или иного иллюстратора на речь, выявлением факторов более высокого уровня (в пределах диалога и далее вплоть до всего дис-

курса), которые влияют на использование иллюстративных жестов и строгим описанием правил употребления русских иллюстраторов каждого из описанных типов.

Литература

Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка // Вопросы языкознания. 1981. №1. С. 36 – 47.

Галичев А.И. Сопоставительное описание некоторых элементов кинесики и проксемики носителей немецкого и русского языков // Перевод и проблемы сопоставительного изучения языков / Под ред. В.М.Нечаева. М., 1986. С. 18–24.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

Горелов И.Н., Енгальчев В. Ф. Безмолвный мысли знак. М., 1991.

Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.–Вена, 2001.

Красильникова Е.В. Жест и структура высказывания в разговорной речи // Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1983. С. 214–235

Крейдлин Г.Е. Семантические типы жестов // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской / Под ред. М.Я. Гловинской и др.). М., 1998. С. 174–184.

Крейдлин, Г.Е. Кинесика // *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.–Вена. 2001.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Николаева Т.М. Структура речевого высказывания и национальная специфика жеста // Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. М., 1969.

Пахарь А.В. Семантика и коммуникативные функции кинесических средств общения. Автореф. дисс. к.филол.н. М., 1990.

Alibali, M. W., Kita S., Young, A.J. Gesture and the Process of Speech Production: We Think, therefore We Gesture. *Language and Cognitive Processes*, 15 (6), 2000, P. 593 – 613.

Cassell, J. McNeill, D., McCullogh, K.E. Speech-Gesture Mismatches: Evidence for One Underlying Representation of Linguistic and Non-Linguistic Information. *Pragmatics and Cognition*. 1998. v. 6, №2.

Cassell, J., Prevost S. Distribution of Semantic Features Across Speech and Gesture by Humans and Computers. *Proceedings of the Workshop on the Integration of Gesture in Language and Speech*, 1998.

Cassell, J., Stone, M. Coordination and Context-Dependence in the Generation of Embodied Conversation. *International Natural Language Generation Conference*. June 12-16, Mitzpe Ramon, Israel, 2000.

Chafe, W. *Discourse, Consciousness and Time*. Chicago, 1994.

De Ruiter, J.P. The Production of Gesture and Speech // *Language and Gesture* / Ed. D. McNeill. Cambridge, 2000. P. 284–311.

Dittmann, A.T., Llewelyn, L.G. Body Movement and Speech Rhythm in Social Conversation // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1969, № 23, P. 283–292.

Efron, D. *Gesture and environment*. N.Y. 1941. (2nd edition 1972: *Gesture, Race and Culture*).

Ekman, P., Friesen W. Hand movements // *The Nonverbal Communication Reader*. Illinois, 1999.

Firbas, J. On Defining the Theme in Functional Sentence Perspective // *Travaux Linguistiques de Prague*. 1. 1964. S. 267–280.

Krauss, R., Chen Y, Gottesmann R. Lexical Gestures and Lexical Access: a Process Model // *Language and Gesture* / Ed. D. McNeill. Cambridge, 2000.

Labov, W. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia, 1972.

McNeill 1992/1995 – *McNeill, D.* *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago, 1995.

Sowa T. and Wachsmuth I. Interpretation of Shape-Related Iconic Gestures in Virtual Environments. // *Gesture and Sign Language in Human-Computer Interaction*. *International Gesture Workshop, GW2001*, London, UK, April 18-20, 2001 / I. Wachsmuth and T. Sowa (eds.). *Revised Papers*, Springer-Verlag (LNAI 2298), Berlin, 2001.

Torres O. *Producing Semantically Appropriate Gestures in Embodied Language Generation*. Thesis for the degree of Master of Science. MIT. 1998.

Ф. Рико-Кассар

**Сопоставительный анализ
невербального знакового поведения
французских и русских лекторов во время лекций:
эксперимент и условия его проведения**

§1. Вводные замечания

Большая часть работ в области невербальной семиотики посвящена эмблематическим жестам, или эмблемам, под которыми понимаются жесты, автономные от речи и имеющие определённый смысл, известный данному языковому сообществу. Мое же исследование посвящено жестам другого семиотического класса – иллюстративным жестам, или иллюстраторам (о семиотических классах жестов см. подробно в монографии [Крейдлин 2002a]). Более конкретно, речь пойдет об иллюстративных жестах русских и французских лекторов, исполняемых во время проведения лекций.

Особенность представляемой здесь работы по сравнению со многими другими невербальными исследованиями состоит в том, что она не посвящена описанию иллюстративных жестов одного какого-то языка, а является компаративной, и сопоставлять я буду жесты двух языков – французские и русские. Я ограничусь одной общественной группой и одним контекстом, а именно, я хочу провести сравнительный анализ невербального поведения лекторов (преподавателей), принадлежащих к французской и русской культурам.

Выбор материала для исследования требует определенных пояснений и ответов на некоторые вопросы. Почему были взяты именно русские и французские жесты? Ответить на этот вопрос несложно. Во-первых, сама я француженка, а во вторых, я на протяжении семи лет изучала русский язык. Мне хотелось проверить некоторые теоретические гипотезы, которые я сформулировала и выдвинула еще до того, как приступить к описанию конкретных иллюстративных жестов.

Почему меня интересуют жесты именно лекторов? Дело всё в том, что с социальными группами французских и русских лекторов я достаточно хорошо знакома. Я училась во французском университете, куда часто приезжали и приезжают русские лектора, а позже и сама приехала на некоторое время в Россию, чтобы специально изучать поведение русских лекторов в их родной языковой и культурной среде. Мне были интересны именно те ситуации, в которых эти люди выступают именно как лектора, то есть, когда они читают в аудитории свои лекции – ведь больше всего иллюстративных жестов лектора делают во время лекций. Что же интересного с точки зрения жестового поведения можно наблюдать у преподавателей во время лекций? Прежде всего, лектор объясняет некоторый материал, а следовательно, мы можем увидеть, как реально протекает речевой жанр объяснения и каким образом взаимодействуют в его рамках разноплановые семиотические единицы. Это означает, в частности, что за пределами моей работы остаются те иллюстраторы, которые обычно исполняются во время беседы преподавателя со студентами, например, если преподаватель просит кого-то выйти или даёт разрешение кому-то уйти. Я, таким образом, сознательно выбрала для изучения узко-объяснительный жанр. Помимо указанной, была еще одна причина, по которой я выбрала для исследования социальные группы лекторов. Я считала, что, поскольку люди, читающие лекции в университетах, сами являются учеными-исследователями, они хорошо поймут цели и задачи моего проекта и согласятся в нем участвовать.

Основное, что мне хотелось проверить в настоящем исследовании, это следующие рабочие гипотезы. Гипотеза первая – это влияние языка и культуры на иллюстративные жесты. Попробую пояснить сказанное. Я считаю, что родной язык и культура влияют не только на эмблемати-

ческие жесты, как это было неоднократно показано, но и на жесты иллюстративные. А потому русские и французские иллюстративные жесты, даже близкие по форме и структурной организации, различаются. Далее, мне хотелось понять, есть ли и, если есть, то в чем разница между иллюстративными жестами французских и русских лекторов. Можно считать, что объяснительный материал, который преподаватели излагают на своих лекциях, более или менее схожий. А тогда, возможно ли понять, только глядя на лектора и не слыша его голоса, на каком языке он говорит? Моя вторая гипотеза была такова: если французские и русские лекторские иллюстративные жесты различаются, причем контрастно, то сделать это можно, а если нет, то нет. В рамках настоящей статьи у меня нет возможности ответить на эти поставленные вопросы. Для этого нужна еще по меньшей мере одна отдельная статья.

Здесь я вижу в качестве своей задачи (а) представить читателю анализируемый материал; (б) охарактеризовать те условия, в которых находился экспериментатор, когда проводил параллельно французский и русский эксперимент, и (в) объяснить существо подхода к намеченному сравнительному исследованию русских и французских иллюстративных жестов.

В следующей статье, о которой говорилось чуть выше, я предполагаю изложить и проанализировать окончательные результаты эксперимента, наметить перспективы для будущей работы и указать на возможные оставшиеся «белые пятна», то есть на участки, которые еще предстоит изучить.

§2. Внешние контексты

В этом параграфе я расскажу о тех условиях, в которых проходил наш эксперимент. Речь пойдет об инструментарии, с помощью которого эксперимент совершался, о содержании эксперимента, его участниках, месте и времени его проведения, людях, которые помогали мне в работе, и некоторых других вещах.

Мне кажется, что иллюстративные жесты нельзя вообще изучать без видеозаписи. Если эмблемы можно реконструировать по их языко-

Сопоставительный анализ ... поведения французских и русских лекторов...

вым или текстовым номинациям (хотя, разумеется, не полностью), то, поскольку иллюстративные жесты в большинстве случаев не имеют стандартных языковых обозначений, а для жестов, которые их имеют, они значительно расходятся по разным языкам, для описания иллюстративных жестов видеосъемки не просто желательны, а необходимы. Поэтому сначала я опишу то, как мной использовалась видеокамера.

Сразу замечу, что использование видеокамеры имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны.

Начну с положительных. Во-первых, видеофильм дает объективную картину того, как употребляется жест в данной ситуации. Во-вторых, возможность манипулировать видеокамерой позволяет останавливать ее в нужный момент, фокусировать на определенной точке жеста или, например, на фигуре лектора, а позже при необходимости повторно просматривать сделанную запись. В-третьих, видеотехника дает также возможность скрупулезно анализировать отдельные, даже самые мелкие фазы жеста: фиксировать его экскурсию, рекурсию и кульминацию, выделить пик жеста, а потом работать с видеоматериалом на компьютере.

Теперь об отрицательных сторонах. Здесь основные проблемы связаны не столько с техникой работы с видеокамерой, сколько с этикой поведения экспериментатора. Можно было с самого начала пойти двумя путями. Первый – это откровенно рассказать людям о целях эксперимента и попросить у них разрешения их снимать. Этот путь, однако, нарушил бы естественный ход эксперимента. Ведь не секрет, что далеко не все люди любят сниматься. Кроме того, даже те, кто не возражает против того, чтобы их снимали, могут в присутствии видеокамеры вести себя необычным или непривычным для них образом, быть скованными в движениях, испытывать затруднения в общении со студентами и, вместо того, чтобы объяснять материал, думать о том, что на него/нее сейчас смотрит объектив камеры. В этом случае мы совсем не можем быть уверены в том, что сняли подлинные иллюстративные жесты. Поэтому решено было пойти по другому пути, и, откровенно признаваясь, слегка нарушить этические нормы (впрочем, после того, как эксперимент будет завершен, я убеждена, что лекторы в русских и французс-

ких университетов, а также других высших учебных заведениях не будут возражать против публикации статей и результатов эксперимента). А именно, мне пришлось скрыть подлинную цель видеосъемок – ведь я не могла спрятать большую видеокамеру, а снимать скрытой камерой у меня не было никакой возможности. Поэтому мне пришлось сказать лекторам, которых я намеревалась снять, что производимые мною съемки делаются с целью получить видеозаписи лекций по различным видам гуманитарного знания. После того, как я объяснила таким вот способом назначение проводимых съемок, я предприняла тем не менее все усилия для того, чтобы моя видеокамера не мешала людям проведению лекций.

Было бы, вообще говоря, интересно провести сравнительный анализ иллюстративных жестов (оставаясь даже в рамках одной культуры и одного языка), осуществляемых в ситуации, когда снимаемый знает об истинной цели эксперимента, и в ситуации, когда он ее не знает. По всей видимости, я в будущем проведу такой анализ; очевидно, что он позволит более точно и строго оценить влияние видеокамеры на жестикулирующего (хотя подобные исследования проводились в разных странах для разных социальных групп населения, все они дали разные результаты).

Теперь несколько слов об условиях использования во время эксперимента самой видеокамеры. Она включалась с первых минут лекций, и каждая лекция записывалась от начала до конца. Одной из моих гипотез было то, что преподаватель в первые минуты своей лекции явно ощущает присутствие видеокамеры, а кроме того, он много времени тратит на объяснение целей и задач своей лекции и потому первые 10-15 минут читает лекцию не в режиме объяснения основного материала (напомню, что нас интересуют иллюстративные жесты как раз в речевом жанре объяснения). Итак, неестественность поведения лектора перед видеокамерой с одной стороны, и отсутствие объяснения в первые 10 минут, с другой, заставили нас ограничить экспериментальный материал по времени. Кстати, последние 10-15 минут лекции, даже если преподаватель привык к съемке, тоже проходят, как правило, не в режиме объяснения. В это время обычно (исключения очень редки) под-

водится итог, намечается или сообщается план будущей лекции и дается домашнее задание.

Хотя объяснение нового материала занимает по времени больше половины лекции, я решила выбрать ровно по 10 минут каждой лекции, а именно те 10 минут, которые являются наиболее специфичными в кинетическом плане. Их я отбирала интуитивно, основываясь на своем понимании того, что такое объяснение и что оно представляет собой как жанр и как текст. Кроме того, более продолжительная по времени выборка существенно затруднила бы обработку полученной видеозаписи. Таким образом, анализу подвергаются 10 минут объяснения в течение каждой из записанных нами лекций.

Теперь, после того, как я рассказала о том, как я пользовалась видеокамерой и о причинах, побудивших меня сократить полученный мной видеоматериал, перейду к описанию самих жестикулирующих – французских и русских преподавателей.

Наиболее важными параметрами описания жестикулирующих я считаю возраст, пол, опыт преподавания и степень знакомства с аудиторией.

1. Возраст. Известно, что более молодые преподаватели в среднем более активные, помимо того, у них еще свежи воспоминания о том, как они сами были студентами, то есть сами составляли молодую аудиторию. Сказанное, однако, не означает, что молодые лектора держат себя в аудитории, как студенты; напротив, их поведение на лекциях часто гораздо более строгое, чем поведение их более пожилых коллег. Это позволяет им сохранять необходимую дистанцию между собой и слушающими. Аналогичным образом ведет себя обычно и более старший по возрасту преподаватель. В своем исследовании я попыталась учесть и отразить различие в возрасте между пожилыми и молодыми лекторами.

2. Опыт преподавания. Этот признак, разумеется, коррелирует с предыдущим, да и с последующими тоже. Более опытный лектор, пожилой или молодой, держится более свободно, меньше внимания обращает на камеру, и ему нет необходимости подчеркивать социальные и возрастные расстояния между ним и студентами. Жесты его, как пра-

вило, более естественные, поскольку не ограничены указанными возмущающими факторами и обстоятельствами. Особенно это заметно в телодвижениях, позах и мануальных жестах (жестах рук).

3. Пол (гендер). Принадлежность к тому или иному полу влияет на поведение лектора. Более точно, важным является здесь не собственно параметр пола, а признак «стиль поведения» (см. об этом [Крейдлин 2002а, б]). Есть мужской стиль поведения, или маскулинный, а есть женский, или фемининный. Различия между ними внутри одной культуры были описаны в литературе, и они должны быть учтены и при описании иллюстративных жестов. Укажу здесь некоторые характеристики стиля поведения в отношении к иллюстраторам..

Хорошо известна такая разновидность иллюстративных жестов, как кинетическое ударение. В тех случаях, когда человек с мужским стилем поведения (чаще, конечно, это мужчина), выполняет данный жест, он обычно делает резкое движение руки сверху вниз или слева направо (для правой). А женщины ударение совершают более плавно, чуть замедленно ([Крейдлин 2002б]). Существует мнение, что это связано с большей склонностью к окончательности суждения и к отбрасыванию сомнений у людей с мужским стилем поведения, тогда как плавное движение у вторых указывает на наличие альтернативы и некоторых сомнений в завершенности сказанного. Обратив внимание на важность признака «гендер», мы решили снимать ровно столько же лекторов-мужчин, сколько и женщин. Были сняты лекции 10 французских и 10 русских лекторов. Из них, в каждой группе было по 5 мужчин и по 5 женщин.

4. Язык. Теперь о языке испытуемых. Основная гипотеза – и это была главная гипотеза всего нашего исследования – состоит в том, что особенности родного языка во многом определяют тип и характер жестикюляции. Речь идет о фонетической и интонационных структурах высказывания в их соотношении с жестовой. Возможно, что некоторые из записанных мной лекторов были билингвы, и не исключено, что второй язык оказывает влияние на первый. Но от этого обстоятельство решено было отвлечься, и я изучаю только родные языки людей. Таким об-

Сопоставительный анализ ... поведения французских и русских лекторов...

разом, французские лекторы, читающие лекции на французском языке, считаются обладающими исключительно французским языком, а для лекторов из России родным и единственным языком считается русским.

5. Личность. Очень важным является следующий фактор – психотип личности. Необходимо каким-то образом учитывать индивидуальные особенности каждого лектора и его отличительные психические черты. Я постаралась объединить в одну группу вместе французских и русских лекторов, обладающих более или менее одинаковыми свойственными темпераментами. Так, я получила группу холериков, группу сангвиников и др.

Мне кажется, что имеет смысл сопоставлять лекторов в рамках одного психотипа и только потом уже проводить сопоставление между классами.

§3. Внутренние факторы

В этом разделе статьи я опишу основные единицы анализа и те параметры, которые влияют на появление конкретных иллюстративных жестов, и тем самым дам характеристику внутренним факторам эксперимента.

Прежде всего из 10 отобранных минут было решено зафиксировать ровно 1 минуту. Основным пространством, на котором я буду изучать жестовое поведение людей, является поведение лекторов в течение этой минуты. Существенно, что в эту минуту в каждой из лекций имело место объяснение нового материала.

Я буду принимать во внимание семь факторов, обуславливающих коммуникативное поведение жестикулирующих: (1) речь; (2) паузы; (3) интонационная структура выбранного речевого фрагмента; (4) жесты рук; (5) жесты головы; (6) движение бровей и (7) движение корпуса.

Чтобы представить связь этих категорий и единиц друг с другом, я решила поступить следующим образом. Я начертила семь горизонтальных линий, напоминающие нотные линейки, на каждой из которых отражен вклад в коммуникацию именно данной конкретной категории. Первая строка (сверху вниз) – это строка, где отмечается звуковая пос-

ледовательность, вторая строка служит для представления разбивающих данную последовательность пауз, а на третьей строке отражена интонация каждого речевого фрагмента между двумя паузами. Четвертая, пятая и шестая строки служат для записи соответствующих жестов, сделанных на протяжении данного фрагмента. Наконец, седьмая строка отводится описанию движений тела и описанию поз на данном сегменте речи. Такой комбинированный способ представления информации, на мой взгляд, не только нагляден: он дает также удобную практическую возможность сопоставлять происходящее на разных каналах коммуникации одновременно.

Охарактеризуем теперь каждую из строк нашей записи и отметим тем самым вклад каждого из сенсорных каналов в поведение лектора.

1. Речь. Речевая последовательность записывается со всеми ее особенностями, без каких-либо сокращений. В частности, в записи отражаются не только фонетические особенности произношения данным человеком, но и возможные хезитации (мычания), остановки, ошибки и запинки. Я пользуюсь здесь международной системой записи устной речи.

При отображении речевого сегмента учитываются особенности длительности звучания (когда звук длится, я пишу что-то вроде: «Я не сказал стул, я сказал сто:л»), отсутствие звука в тех местах, где он должен быть (я отмечаю в скобках звук, который должен быть на данном месте). Когда фрагмент речи не понятен, употребляются квадратные скобки, в которых пишется то, что нам кажется правильным. Последний знак, liaison (^), обозначающий фонетическую связь конечного согласного одного слова с начальным гласным другого, я использую только при записи французских текстов. На самом деле, во французском языке существуют разные типы такой связи, в частности, обязательные и необязательные. Пример обязательной связи: Les^enfants йсoutent; пример, необязательной связи: Ils йtaient^arrivйs. Отражения соединений типа liaison в речи французских людей очень важно. Было показано, что люди, испытывающие стресс, от которых ждут правильную речь, чаще употребляют такого рода связи, но они употребляют ее и там, где этого делать нельзя. Я полагаю, что для лекторов, которые не очень опытни

или испытывают волнение перед аудиторией, существует тенденция к росту числа подобных соединений.

Кроме таких специальных знаков, мы употребляем в записи также вопросительный и восклицательный знаки. Дело в том, что структура речи и тип произносимого предложения влияют на жестикуляцию. Например, очевидно, что быстрое сечение руки плохо соединяется с вопросом, а плавный и спокойный жест руки, напротив, плохо комбинируется с восклицанием.

2. Паузы. Имеется много работ, в частности [Duez 1987; Guantella 1981], в которых анализируются паузы и в которых описана семантика отдельных видов пауз, функции и назначение пауз, а также их роль в интонационной структуре предложений. Из указанных работ мы заимствовали систему записи пауз.

3. Интонация. В интонационной строке отмечаются следующие особенности интонации: движение тона, длительность, метрика, фонетические ударения, скорость речи. Кроме того, на этой линии указывается самое общее интонационное свойство сегмента речи, а именно его интонационный контур. Все эти интонационные характеристики, как мы покажем в отдельной работе, тесно связаны с кинетическими признаками.

4. Об остальных, «жестовых», строчках мы тоже подробно расскажем в следующей статье.

Заключение

В данной статье был представлен один из возможных подходов к сравнительному описанию иллюстративных жестов. Акцент был сделан на условиях экспериментального исследования, на обосновании корректности выбранного подхода и на конкретной методике проводимого эксперимента. Описаны факторы, влияющие на жестикуляцию, и показан способ, каким образом их следует учитывать при анализе. В следующей работе мы надеемся подробно описать сам эксперимент, его формальное представление, рассказать о полученных результатах и наметить пути и способы решения общей задачи построения межкультурной типологии иллюстраторов.

Выражаю огромную благодарность профессору кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва) Г.Е. Крейдлину, оказавшему мне весьма существенную помощь в работе над данной статьей, а также всем тем русским профессорам, доцентам и преподавателям РГГУ и французским профессорам из университета г. Экса (Франция), которые проявили большое внимание к моей работе и позволили мне провести видеосъемки их лекций.

Литература

Бувэ 2001 – *Bouvet, D.* La dimension corporelle de la parole, Paris: «Peeters», 2001.

Веман 1981 – *Wiemann, J.M.* Effect of laboratory videotaping procedures on selected conversation behaviors. Human communication research, 1981, 7, P. 302-311.

Ди Кристо 2003 – *Di Cristo A.* De la métrique et de la rythmique de la parole ordinaire: l'exemple du français, laboratoire «parole et langage», Paris, 2003, en presse.

Дузэ 1981 – *Duez D.* Pauses silencieuses et pauses non silencieuses dans trois types de messages oraux. Travaux de l'institut de phonétique d'Aix. Vol 8, 1981, P. 85–114.

Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.–Вена: Языки русской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.

Кендон 2001 – *Kendon A.* Gesture as communication strategy // *Semiotica*, 135, 1/4, 2001, P. 117–145.

Косне 1982 – *Cosnier J.* Communication et langage gestuels, Les voies du langage. Paris: «Dunod», 1982.

Крейдлин 1999 – *Крейдлин Г.Е.* Вербальная коммуникация в её соотношении с невербальной // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. Сб. научных работ /Под ред. Е.В. Рахилиной и Я.Г. Тестельца. М.: «Языки русской культуры», 1999, С. 580–590.

Крейдлин 2002а – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Сопоставительный анализ ... поведения французских и русских лекторов...

Крейдли́н 2002б – *Крейдли́н Г.Е.* Просодика, семантика и прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин // Доклады Второй международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация» (Москва, 22 – 23 ноября 2001). М.: «Рудомино», 2002, С. 14–25.

МакНил 1992 – *Mc Neill D.* Hand and mind, What gesture reveal about thought. Chicago: «Chicago University Press», 1992.

Экман, Фризен 1969 – *Ekman P., Friesen W.V.* The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding // *Semiotica*, 1969. №1.

П. С. Тумаркин

Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку

Ниже предлагаются для обсуждения некоторые вопросы обучения иностранцев невербальной коммуникации, в основном средствами кинесики, при массовом изучении русского языка. Автор опирается здесь, в частности, на собственный опыт преподавания в ряде учебных заведений в Японии.

1. Некоторые общие соображения

Современное обучение русскому языку иностранцев предполагает в качестве обязательной составной части знакомство с невербальной коммуникацией русских/русскоязычных людей, то есть тех, кто считает своим русским язык и русскую культуру общения. Задачи при этом зависят от целей изучения языка. Так, школьный курс может включать знакомство с характерными национальными чертами невербального поведения и основными правилами этикета; в то же время языковой вуз должен, видимо, давать навыки общения в основных сферах общественно-коммуникативной практики.

Попытаемся очертить самые общие границы материала, подлежащего изучению. Невербальная коммуникация японцев, как, видимо, и любого другого народа, обладает не только универсальными (общечеловеческими), но и национально-культурными чертами, которые особенно проявляются в определенных сферах. Национальная специфика обнаруживается прежде всего в области этикета, выражении личного

Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку

плана, передаче различных обиходно-бытовых понятий, явлений и пр. Наряду с общенациональными чертами имеются специфические территориальные (региональные), этнические и прочие различия. Так, общая для японцев тенденция непрямого, завуалированного выражения мнений, оценок и т.п. особенно характеризует жителей района Кансай; на их фоне поведение, скажем, жителей Токио выглядит более открытым.

Универсальные компоненты общения наблюдаются чаще в области выражения интенций, психо-эмоционального и ментального планов; многие из них носят рефлекторный или близкий к нему характер. Примеры универсальных средств: стоя в дверях при кратком посещении, держать руку на двери – подчеркивание временной краткости визита; играть каким-либо предметом – демонстрация непринужденности; тереть в руках какой-либо предмет – действие выдаёт смущение; нахмурить брови или поджать губы – недовольство; посмотреть, расширив глаза и слегка приподняв брови, обозначает вопрос; посмотреть вверх – стремление вспомнить что-л.; слегка отстраниться от партнера – неприязнь; податься к партнеру всем телом к партнеру – по меньшей мере, заинтересованность, и т.д.

Исходя из сказанного выше, при отборе учебного материала рекомендуется обращать внимание прежде всего на национальные (общенациональные) средства. Что же касается универсальных средств, то изучению, очевидно, подлежат главным образом те из них, которые либо носят сознательный характер и играют важную роль в общении, либо связаны с национальными средствами коммуникации и с языковыми выражениями данного естественного языка. Так, универсальные указательные жесты пальцем и рукой можно приводить как противопоставленные специфически японскому почтительному жесту указания рукой ладонью вверх. При этом следует отметить, что указательный жест пальцем у японцев сочетается обычно только со стилистически нейтральными и разговорными местоимениями (типа *коко/котти* “здесь”).

С учетом целей обучения, в составе отбираемого материала следует выделить основную (ядерную) и периферийную части. Для вузовского курса японского языка ядерный материал – это в первую очередь средства и навыки, позволяющие адекватно, в соответствии с норма-

тивными ожиданиями, общаться в основных сферах общественно-коммуникативной практики, где предстоит действовать выпускнику, а именно в нейтрально-вежливой, публично-официальной и деловой, частично обиходно-бытовой сферах (см. далее). Эти средства рассматриваются как активные; ими желательно уметь хорошо пользоваться при общении. Периферийную часть составляют средства, употребляемые главным образом в неформальном, обиходно-бытовом общении. Их мы условно относим к пассивным, то есть к таким, которые достаточно понимать. (Вопрос активности/ пассивности во многом зависит от того, где ведется обучение. К примеру, в Японии подобные средства можно, видимо, рекомендовать для активного освоения на средне-продвинутом этапе обучения).

Обучение в целом строится последовательно (поэтапно). Так, в стандартном вузовском курсе, в соответствии с порядком освоения языка, можно выделить начальный (базовый), средний и продвинутый этапы. Остановимся на каждом из них в отдельности.

1) Начальный этап. Здесь предусматривается краткий вводно-ознакомительный курс (первые несколько занятий). Это освещение общих вопросов: специфика иноязычной/межкультурной коммуникации; природа невербальной коммуникации и ее роль в общении; национально-типичные черты коммуникации русских (желательно в сопоставлении с обучаемыми).

На начальном этапе преимущественно изучается нейтрально-вежливое общение (не слишком формальное, но без установки на неприужденность). Сюда относятся прежде всего основные, наиболее общие средства этикетного общения: обращения и приветствия, выражения благодарности, извинения, просьбы, согласия и отказа и т.д., а также общение в типовых ситуациях городской жизни (на улице, в транспорте, в сфере обслуживания и пр.).

2) Средний этап: публично-официальное и деловое общение. Изучаются соответствующие средства коммуникации (официальные приветствия, поздравления, соболезнования и пр.), типовые ситуации данных сфер (общение на работе, деловая встреча, прием и пр.).

Начиная со среднего этапа, рекомендуется активно привлекать японские материалы, вначале учебные, например, адаптированные тексты на темы этикета, видеосюжеты и пр., а затем и оригинальные. Здесь следует также приступить к изучению языковых обозначений актуальных невербальных действий, номинаций жестов и поз и пр. (например: *маю о хисомэру* “хмуриться”, *кути о мусубу* “поджимать губы”, *аго дэ сякуру* “кивать на кого/что-л.”, *ката о сукумэру* “втягивать голову в плечи”, *карада о норидасу* “подаваться вперед” и др.).

3) Продвинутый этап. На этом этапе продолжается изучение средств и способов официального и делового общения (например, общение с начальством и подчиненными, ведение переговоров и пр.). Одновременно с углубленным изучением разговорной речи учащиеся знакомятся с невербальными средствами повседневного, в особенности непринужденного, обиходно-бытового общения. Здесь рассматриваются прежде всего основные средства обиходно-бытового и непринужденного общения со знакомыми и друзьями, в семье и т.д., анализируются характеристики людей, их бытовое поведение и ситуации обиходной жизни (мужчина, женщина, праздность, потеря работы и пр.), обозначения обиходных предметов и понятий (деньги, пища, спиртное) и т.п.

На данном этапе рекомендуется также уделять внимание специфике выражения эмоций и акцентирования речи. Так, типично японские жесты-акцентуаторы, или ритможесты, – это короткие нисходящие движения руки (или обеих рук одновременно) ладонью/ребром ладони вниз перед собой. Освоение таких средств, зачастую рефлекторных, в целом не входит в задачи массового обучения. Однако обучаемые должны знать, что по мере совершенствования в языковой подготовке становится всё заметнее неадекватность коммуникативного поведения, связанная с ошибками в употреблении подобных средств или с интерференцией – неуместным использованием собственных национальных средств в иноязычном общении. Рассмотрим такой случай: в непринужденно-дружеском общении с японским партнером русскоязычный говорящий при реплике *Са: сиранай нэ* “Не знаю” использует характерные русские жесты и мимику: пожимание плечами, легкое склонение головы, поднятие бровей и поджимание губ. Они, однако, вызывают чувства

неловкости и дискомфорта у непривычного к таким манерам японца. По его мнению, здесь было бы уместнее легкое склонение головы.

На продвинутом этапе изученный материал по мере возможности объединяется с тем, чтобы, например, у изучающего японский язык человека составила общая картина невербальной коммуникации японцев.

На протяжении всего цикла обучения важно активно применять в аудиторном общении невербальные средства, прежде всего жесты и мимику, отбираемые заранее и тесно связанные с процессом ведения занятий (см. далее).

2. Об учебных минимумах невербальных средств

Массовое обучение иноязычной коммуникации предполагает наличие соответствующей учебной литературы: учебников языка с расширенным коммуникативным компонентом, пособий по коммуникации, специальных упражнений и методик их проведения и пр. (см., например, список литературы, в особенности работы М. Голомидова, О. Фролова). Помощь в написании таких пособий и создании библиотеки литературы по невербальной коммуникации могут оказать учебные минимумы – комментированные списки и словари невербальных средств. Остановимся на некоторых общих вопросах разработки минимума жестов и мимики для вузовского курса японского языка.

Источниками материала для создания минимума служат прежде всего словари и справочники языка жестов японцев. Одним из наиболее представительных является справочник С. Уильямса, включающий более 700 статей универсальных и национально-специфических единиц. Упомянем также наш словарь-справочник (в него входят около 130 жестов, главным образом собственно японских). Имеется и другая, достаточно многочисленная литература по предмету, которую можно использовать при отборе материала (см. список литературы).

Ведущим принципом при отборе материала является его коммуникативная актуальность: отбираются прежде всего сознательно употребляемые средства, несущие важную нагрузку в общении. В таких концептуальных и методических рамках производится отбор наиболее упот-

Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку

ребительных средств. По мере необходимости указываются также связанные с невербальными языковые средства.

В качестве способа организации материала мы предлагаем его тематико-семантическое расположение (так, выделяются группы средств привлечения внимания, знакомства, приветствий, просьбы, согласия, отказа и пр.). Минимум снабжается алфавитным указателем единиц по их значению. Здесь необходимо коснуться вопроса о единицах жестово-мимических средств, связанного прежде всего с наличием многозначных (полифункциональных) средств. Каждое значение подобных средств, как правило, рассматривается в качестве отдельной единицы. Например, такие важные полифункциональные средства, как поклоны, получают самостоятельное описание и одновременно вводятся при каждом выражаемом ими значении (приветствие, благодарность, извинение и пр.)

В составе минимума выделяются активные и пассивные средств (первыми следует уметь пользоваться, вторые надо распознавать и понимать). По нашим оценкам, общее количество рекомендуемых для минимума жестово-мимических средств достигает порядка 100–120 единиц. Такой объем вполне можно освоить при 3–4-х летнем обучении.

Ядро активного минимума состоит главным образом из средств этикета и типовых ситуаций упомянутых выше сфер иноязычного общения выпускников вузов. (Для сравнения заметим, что изучающим язык как второй иностранный, на краткосрочных курсах и пр. достаточно, видимо, владеть соответствующими средствами в рамках нейтрально-вежливого общения.)

В пассивный минимум входят средства, обслуживающие преимущественно непринужденное и фамильярное общение (дружеское, семейно-бытовое и пр.). Здесь выделяются прежде всего средства этикета и типовых ситуаций обиходно-бытового и фамильярного общения, а также обозначения актуальных в быту понятий, бытовых характеристик людей, выражения эмоций, оценок и т.п.

Остановимся теперь на жестово-мимических средствах для аудиторного общения преподавателя и студентов, в целом отбираемых на основе минимума жестов и мимики. Ниже дается примерный набор рекомендуемых средств.

1) Средства этикета и типовых ситуаций общения. Как правило, отбираются нейтрально-вежливые или общеупотребительные средства, подлежащие активному усвоению (их можно использовать с кратким комментарием и до планового введения). Сюда относятся: приветствие при встрече/входе в аудиторию (вежливый кивок с вежливой формулой приветствия- приветствие старшего по положению по отношению к младшим) и ответ студентов - стандартный или облегченный поклон стоя; прощание и ответ студентов (то же); жесты указания: нейтрально-вежливое указание рукой (ладонью вниз), указание на себя (обиходный жест рукой или указательным пальцем к верхней части груди/ к носу); приглашение, например, к доске (нейтрально-вежливый приглашающий жест рукой ребром ладони вниз), подзывание (обиходный жест, обычный по отношению к младшим: 2-3 коротких маха ладонью вниз к себе); призыв к тишине (поднесение указательного пальца к губам, первой фалангой на уровне носа или касаясь его, со звуком: *Тс-с, Ссь* «Ш-ш-ш»); благодарность преподавателя, например, в ответ на услугу студента – вежливый кивок с речевой формулой) и ответ студента (полупоклон с речевой формулой); благодарность студента – вежливый поклон с речевой формулой и ответ преподавателя – кивок с формулой; извинение студента (например, при опоздании – легкий поклон с формулой: просьба студента (вежливый поклон с формулой); согласие, подтверждение (кивок); отказ, отрицание (качание головой или рукой, ребром ладони на адресата /обиходно-бытовой жест/); одобрение, поощрение, похвала (кивок головой с соответствующими выражениями); упрек, порицание (обиходно-бытовой жест: указание указательным пальцем на адресата с выражениями типа: *Сорэ гораннасай* «Вот видишь!»).

2) *Прочие жесты*. Так, используются жесты-обозначения различных действий, связанных с учебной деятельностью и пр. При введении они стилистически комментируются. Среди них могут быть национальные и универсальные жесты; последние, в частности, помогают лучше усвоить связанный с ними языковой материал и способствуют созданию общей картины жестово-мимического общения японцев. Например, возможны следующие жесты: «писать» (жест письма пальцем слева направо или сверху вниз – справа налево, как при письме по-япон-

Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку

ски) «считать» (загибание пальцев от большого к мизинцу, как при счете по-японски), «говорить» (поднеся ко рту руку со сложенными щепотью пальцами ладонью от себя, 2 раза раскрыть пальцы, имитируя движение губ при говорении), Эти средства можно употреблять во фразах типа: «Сейчас надо писать/считать, говорить» и пр.

Об организации учебного процесса

Подытожим содержание основных этапов обучения, имея в виду усвоение минимума невербальных средств. Начальный этап – изучение ядра активного минимума (средств нейтрально-вежливой коммуникации). Средний этап - продолжается изучение активного минимума (средств публично-официальной и деловой сфер); вводится часть пассивного минимума (основные средства этикета обиходно-бытового общения). Продвинутый этап – завершение изучения активного и пассивного минимума.

Учебный процесс предлагается в целом организовать циклически; такой организации наиболее естественно поддается ядерная часть материала. По возможности материал группируется по тематико-смысловому принципу в учебные циклы, каждый из которых предназначен для овладения определенным количеством связанных между собой средств. Так, выделяются циклы указания, выражения согласия и отказа, приветствий при встрече и прощании, и пр. По мере введения материала, циклы сводятся в группы (например, группы средств этикета нейтрально-вежливой и других стилевых сфер); в конечном итоге обучаемые должны получить целостное представление о предмете.

Невербальные средства, тесно связанные с языковым материалом, обычно изучаются одновременно с ним либо после него. (Так, жесты кивания головой /подтверждения/ и качания головой /отрицания/ естественно вводить со словами хай «да» / ииэ «нет»). В то же время основные типы поклонов – универсальных жестов этикета вежливого общения – можно вначале осваивать отдельно, без речевого сопровождения.

Методика работы над материалом зависит от его характера (активный/пассивный). Рассмотрим некоторые моменты.

Как показывает опыт, оптимальные темпы освоения невербальных средств – это 1-2 единицы в неделю. Вводя новую единицу, преподаватель показывает ее и кратко объясняет особенности (стилистическую окраску, основные языковые связи, сходство/отличие от средств обучаемых и пр.). Дальнейшая работа над материалом, прежде всего активным, включает самоподготовку и закрепление в аудитории (см. далее). Затем производится контроль усвоения: разыгрывание микросцен с заранее данными невербальными средствами или предполагающих употребление изученных средств, и пр.).

При освоении активного материала важно обеспечить коммуникативность (выполнение упражнений в микросценах/микродиалогах) и повторяемость, по возможности в сочетании с типичными языковыми средствами. При изучении пассивного материала акцент делается на рецептивный аспект. Обучаемые должны уметь следующее: вычленять (распознавать) и правильно понимать средства в коммуникативном акте (так, русскоязычному не всегда может быть понятен злобный взгляд японца – слегка поджав губы, несколько исподлобья и без улыбки); определять формируемую с помощью этих средств стилистическую тональность коммуникативного акта, отношения между общающимися/ отношение партнера к себе, социальный статус и уровень культуры партнера/общающихся и пр. (Это, в частности, важно для адекватного понимания кинофильмов, пьес и пр., а в условиях непосредственного общения – для определения линии собственного поведения.)

Общие показатели уровня владения рассматриваемыми средствами – это прежде всего автоматизм совершения действий в соответствующей ситуации, отсутствие быстрой утомляемости и дискомфорта в результате действий партнера.

Об упражнениях для освоения жестовых средств

Специальные упражнения необходимы главным образом при изучении активного материала. Они выполняются в аудитории и самостоятельно.

Основной способ аудиторных занятий – это отработка выполнения и парные упражнения: разыгрывание предлагаемых преподавателем

Невербальная коммуникация в обучении иностранцев русскому языку

микросцен/микродиалогов (например: знакомство, прощание, просьба и т.п.). Такой способ вполне эффективен и не требует много времени.

На средне-продвинутом этапе, а также при организации спецкурсов и семинаров по невербальной коммуникации, желательно привлекать оригинальные материалы, в т.ч. следующие: 1) художественная литература, пьесы и сценарии кинофильмов (аналитическое чтение и чтение по ролям с воспроизведением невербальных элементов); 2) видеоматериалы, учебные и оригинальные. Последние включают фильмы и телепередачи различных жанров, с анализом поведения персонажей и воспроизведением его отдельных элементов, и пр.

Самостоятельные упражнения выполняются в общении студентов между собой и в одиночку (дома). Так, в целях закрепления активного материала желательно побуждать студентов пользоваться им во внеаудиторном общении (здесь, естественно, должен присутствовать элемент игры). Для домашней работы можно предложить следующее.

1) Упражнения с небольшими куклами (типа Барби). Например, с одной-двумя куклами можно отрабатывать жесты этикета вежливого общения (закрепление навыка совершения действия в конкретных речевых ситуациях), коммуникативные зоны (например, соблюдение дистанции вежливого общения – 3 шага) и пр. Для этого полезно подготовить печатные материалы (короткие диалоги) в разных стилистических жанрах: нейтрально-вежливый, официальный, обиходный и пр. Материалы заранее прочитываются по ролям в аудитории, на дом же задается их повторение с куклами. С одной куклой можно также отрабатывать направление взгляда при диалоге (отсутствие/наличие визуального контакта) и пр.

2) Упражнения в одиночку на закрепление навыков употребления активных средств, прежде всего жестов этикета и типовых ситуаций вежливого общения: повторное проговаривание речевых формул с одновременным выполнением жестов и пр., добиваясь рефлексивной связи. Желательно заранее выделить актуальные речевые формулы, тесно связанные с невербальными средствами (образующие с ними жестово-фразовые единства). Например, следующие фразы обычно совер-

шаются с поклоном (нарушение этого обычая расценивается как отступление от правил этикета): *До:мо аригато: годзаимасу, До:мо сицурэй симасита, Еросику онэгаисимасу, Одзяма симасу, До:мо осэва ни на-римасита.*

Пфиложение

Важные жесты этикета и типовых ситуаций вежливого общения

Ниже в алфавитном порядке с краткими объяснениями помещены некоторые жесты вежливого общения; для сопоставления частично приводятся обиходно-бытовые жесты.

Благодарность

В вежливом общении выражается стандартным или легким поклоном со словами благодарности (*до:мо аригато:годзаи-масу*); глубокая/церемонная благодарность может выражаться стандартным или церемонным поклоном с соответствующими словами. Легкая благодарность (в обиходе и пр.) выражается обычно облегченным поклоном или вежливым кивком с соответствующими словами.

В обиходно-бытовом, непринужденном общении (чаще мужском) благодарность может выражаться подниманием руки с коротким махом вперед-назад, возможно со словами типа: *До:мо «Спасибо»* (см. *Просьба, Извинение*)

Знакомство

Обычно сопровождается стандартными поклонами (см.) со словами типа: *Хадзимэмаситэ. Н дэсу. До:дзо еросику.* Выражение лица вежливо-доброжелательное, но открытая улыбка не требуется; при поклоне следует глядеть вниз перед собой.

При деловом знакомстве совершается обмен визитными карточками (см.) Представляя человека при знакомстве, в его сторону делают общевежливый указательный жест рукой ребром ладони вниз

Извинение

В целом выражается так же, как благодарность (см.), с соответствующими фразами.

Комплимент

Вежливый комплимент может сопровождаться легким поклоном; таким же образом обычно выражается и ответная благодарность.

Обиходный скромный отказ от комплимента: полусогнутой рукой, ребром ладони от себя, делают 2-3 коротких маха в стороны. Обычно со словами типа: *Ииэ, вииз* «Что вы, что вы».

Обиходное выражение смущения при комплименте (мужское): при-ложение ладони к темени/затылку (возможно с почесыванием) и легкая смущенная улыбка. Возможно со словами типа: *Ия, сорэ ходо дэмо най дэсу* «Ну что вы, это вовсе не так».

Обмен визитными карточками

Обычно сопровождает деловое знакомство. Карточку вручают и принимают с легким поклоном, правой рукой; особую учтивость выражают использованием обеих рук. Одновременно с передачей карточки называют себя, чаще всего с указанием места работы: *М-ся но N дэсу* «N, из компании M». После этого могут вновь совершать поклон со словами: *До:дзо еросику. Еросику онэгаи симасу.* ~ «Рад познакомиться».

Обращение и ответ

При вежливом обращении обычно совершают легкий поклон со словами типа *Сумимасэн* «Простите». Адресат, не кланяясь, может ответить: *Хай, нан дэсе* «Да, я слушаю».

Несогласие, отказ, отрицание

Общепотребительный жест – качание головой в стороны. Может сопровождаться соответствующими фразами (см. *Согласие*).

Обиходные жесты: 1) полусогнутой рукой, ребром ладони от себя, делают 2-3 коротких маха в стороны. Обиходно-бытовой жест отрицания, отказа, возможен в неофициальном вежливом общении; 2) скрещивание рук/указательных пальцев перед грудью в виде буквы X. Обиходно-бытовой, возможно фамильярный жест отрицания, запрета.

Подарки

В вежливом и официальном общении подарки вручаются и принимаются обеими руками, с легким поклоном. При деловых контактах этикет требует вначале отказаться от подарка и принять его лишь после повторного предложения дарящего.

Примечание. В официальном и деловом общении обычно так же вручают и передают различные документы и пр.

Поздравления и пожелания

В вежливом общении поздравления и ответы на них выражаются стандартными или облегченными поклонами с соответствующими формулами. При поздравлении низшего/младшего обычно лишь кивают головой.

Пожелания часто сопровождаются вежливыми кивками; при ответе могут также кивнуть или слегка поклониться (см. *Поклоны и кивки*).

Поклоны и кивки

Поклоны являются универсальными жестами этикета вежливого общения; они сопровождают приветствия, поздравления, просьбы, выражения благодарности, извинения и пр. (см. соответствующие разделы). Делятся на стандартно-вежливые, обиходные (легкие) и церемонные; обычно поклоны имеют мужские и женские варианты.

Кивки как жесты этикета близки по функциям к поклонам. Они характерны, главным образом, для обиходного, непринужденного общения и могут сопровождать приветствия, поздравления, выражения благодарности, извинения и пр. Кивки бывают более вежливыми – глубокими и более фамильярными – краткими.

Приветствия

В вежливом и официальном общении приветствия при встрече и прощании обычно сопровождаются или выражаются поклонами, от церемонных до легких. Учтливое мужское приветствие может сопровождаться снятием головного убора.

В непринужденном, особенно дружески-фамильярном общении при встрече и прощании мужчины могут поднимать руку, а женщины (чаще молодые) – махать рукой из стороны в стороны, с соответствующими речевыми формулами.

Приглашение

Нейтрально-вежливое приглашение (например, пройти куда-либо, сесть, при уступке дороги и пр.) – приглашающее движение рукой ребром ладони вниз, часто с легким поклоном. Учтливое приглашение – так

же, но ладонью вверх, с легким поклоном. Выполняются с соответствующими фразами.

Просьбы

Вежливые просьбы сопровождаются поклонами, от легкого до церемонного.

Некоторые выражения просьбы в публичных местах: 1) просьба дать пройти – рука с легким поклоном выставляется перед собой, ребром ладони вниз, возможно с коротким движением вниз (обычно молча); 2) просьба подвинуться и дать сесть (в транспорте и пр.) – легкий поклон перед сидящими, возможно со словами: *Сумимасэн* «Извините»; 3) просьба подождать – выставление полусогнутой руки перед собой ладонью на адресата, с легким поклоном и соответствующими словами.

В обиходном, непринужденном общении просьбы часто сопровождаются кивками. Кроме того, здесь имеются следующие выражения просьбы: 1) складывание рук перед лицом, с легким склонением головы – обиходная или фамиллярная настоятельная просьба, возможно с выражениями типа: *Коно то:ри! Таному!* «Очень прошу!»; 2) поднятие руки ребром ладони вперед с двумя-тремя короткими махами вперед-назад, возможно с легким поклоном. Это чаще мужской обиходно-бытовой жест.

Соболезнования

Публично-официальные соболезнования по случаю смерти (на панихидах) выражаются стандартным или церемонным поклоном перед родными покойного, молча либо с соответствующими формулами (*Коно таби во тайхэн гося:се:сама дэ годзаимасуа* «Примите мои глубокие соболезнования» и пр.); в ответ молча кланяются тем же поклоном. В частном порядке соболезнования выражаются и принимаются так же, однако формулы соболезнования могут быть менее официальными (*Садзо отикараотоси дэсе:* «Какой тяжелый удар!» и др.).

Согласие, разрешение, подтверждение

Общепотребительное жестовое выражение – кивок, возможно, сопровождающийся соответствующими фразами (см. *Несогласие*).

Примечание. Во время разговора кивок со словом *хай* «да» может выражать лишь понимание, а не согласие, на что следует обращать особое внимание обучаемых.

Обиходное выражение согласия, разрешения – это соединение рук в кольцо над головой (обычно на удалении от адресата или вне пределов его слышимости).

Литература

I. На русском языке

Акишина А., Камогава К. Сопоставительный анализ русского и японского речевого этикета и методика преподавания русского языка // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М., 1974,

Голомидова М. Японский язык для школьников. Учебное пособие. Екатеринбург, 2001. (При участии Тумаркина П.)

Раздорский А. Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге. Автореф. дисс. к.филол. н. М., 1981.

Тумаркин П. Русские и японцы: актуальные проблемы межкультурной коммуникации // Вестник МГУ, серия 13. 1997. № 1. С.13–24.

Тумаркин П. Лексические и фразеологические свойства японской разговорной речи. Автореф. дисс. к.филол.н. М., 1999.

Тумаркин П. Жесты и мимика в общении японцев. Словарь-справочник. М.: «Русский язык», 2001.

Тумаркин П. Клише разговорной речи: японо-русские соответствия. М.: изд-во ИСАА при МГУ, 2001.

Фаенова М. Обучение культуре общения на английском языке. М., 1991.

Фролова О. Японский речевой этикет (лингвистический аспект). Новосибирск, 1997.

II. На японском языке

Канаяма Н. Сэкаи нидзю:ккакоку нонба:бару дзитэн. Токио, 1983.

Кобаяси Ю. Мибуригэнго но нитиэй хикаку. Токио, 1975.

Накано М., Киркап Дж. Нитиэй хикаку боди: рангэ:дзи дзитэн. Токио, 1985.

Уильямс С. Нитибэй дзэсутя: дзитэн. Токио, 1998.

И. А. Шаронов

**Коммуникативы и жесты:
связи и взаимодействие**

Эмоции человека находят свое выражение в речи, интонации, мимике и в жестах. Все они органично связаны между собой, и поэтому представляется, что полноценное описание одного способа выражения невозможно без описания других. Ф. Шаляпин говорил, что жест есть не движение тела, а движение души, Ш. Балли называл интонацию «звучащей мимикой», Л.П. Якубинский говорил о мимическом и жестикуляционном «интонировании», а современные лингвисты любят называть междометия «звуковым жестом».

Слабая разработанность в описании жестово-мимической системы напрямую связана с периферийностью ее в качестве средства коммуникации. Поведение в обществе, при котором человек активно жестикулирует, «корчит рожи», при котором у человека «на лице все написано» и т.п., с точки зрения этикета считается предосудительным. Кроме того, в русской культуре не было устойчивой риторической традиции с ее особым вниманием к оформлению устного выступления. В результате люди часто бывают невнимательными к своим жестам и мимике, недоумевают, когда им говорят об их типичном жестово-мимическом поведении и могут приходиться в шок, впервые увидев себя заснятыми на видео.

В последнее время в науке усилился интерес к различным аспектам коммуникации и социального взаимодействия. Появился целый ряд исследований, позволяющих применять формальные лингвистические

методы по отношению к таким областям, как интонация и паралингвистика. Результаты этих исследований способны дать новый импульс для дальнейшего развития традиционных наук, включая лингвистику. В своих работах в области паралингвистики Г. Е. Крейдлин рассматривает вербальные и невербальные знаки как неразделимые части общей коммуникативной системы и ставит задачу выявления принципов взаимодействия этих видов знаков в коммуникации (см. [Крейдлин 2001]).

Наиболее близкими паралингвистическим средствам являются экспрессивные языковые средства, в которых выражаются субъективные оценки говорящих. Ш. Балли (см. [Балли 2001]) отмечал, что любой языковой знак, любое высказывание имеет и логический и эмоциональный компонент и рассматривал языковые факты с точки зрения логических и эмоциональных доминант. К языковым средствам с ярко выраженной эмоциональной доминантой относятся экспрессивная интонация, экспрессивная лексика, нестандартно построенные и грамматически неформализованные высказывания, междометия и некоторые другие средства. Нам в данной работе будут интересовать главным образом междометные и близкие им высказывания в их связи с паралингвистическими средствами.

Статус междометий как части речи в языкознании определен не до конца. Разные лингвистические школы каждая по-своему выявляют объем языковых единиц, которые относятся к междометиям. Проблема в том, что в речи представлено достаточно много типов грамматически аморфных высказываний, которые имеют несовпадающие наборы формальных и функциональных признаков, и это обстоятельство не позволяет построить логическую классификацию междометий аналогично другим частям речи. Для нас актуальны только те типы грамматически аморфных высказываний, которые могут быть объединены по признаку непосредственной реактивности и номинативной опустошенности. Мы называем такие единицы коммуникативами. Коммуникатив – это синтаксически автономная реактивная реплика говорящего лица, используемая исключительно для выражения речевой интенции или эмоции говорящего. Простой формальный метод позволяет отличить коммуникатив от других реактивных реплик. Если при переводе в косвен-

ную речь реплика передается без остатка глаголом или каким-то иным предикатным словом – это коммуникатив. Например, коммуникативами следует считать такие реплики как *Ну и ну!*, *Ни за какие коврижки!*, так как их значения целиком передаются в косвенной речи глаголами *удивиться* и *отказаться от предложения*. А реплика *Ну и чудак же он!* коммуникативом не является, так как не способна «уместиться» в глагол и сохраняет часть информации в придаточном: *поразиться тому, какой он чудак*.

Рассматривая и описывая три основные функции языкового знака, К. Бюлер ([Бюлер 1993]) противопоставляет первые две функции – экспрессивную (связанную с говорящим) и апеллятивную (связанную со слушающим) третьей функции – репрезентативной (связанной с предметом речи). Обычные высказывания выполняют все три функции одновременно. Коммуникативы – это единицы, реализующие только первые две функции. Они не предназначены для того, чтобы выполнять репрезентативную функцию. О том, что междометия не принадлежат концептуальному плану, писал, в частности, С. Карцевский ([Карцевский 1984, 129])¹.

И единицы жестово-мимической системы, и коммуникативы можно с некоторым огрублением разделить на два разных типа семиотических знаков: симптоматические знаки (далее **симптомы**) и сигнальные знаки (далее **сигналы**).

К симптомам можно отнести, например, выражение припоминания / осознания чего-либо важного, небезразличного для субъекта: коммуникатив *О!* и жестовый знак – *поднятый вертикально указательный палец*; выражение испуга: коммуникатив *Ах!* и жестовый знак – *одна или обе ладони прижаты к груди чуть ниже горла, широко раскрытые глаза и приоткрытый рот* и т.п.

¹ Жесты и коммуникативы можно объединить также на основании того, что и те, и другие принадлежат, с точки зрения «двупольной» теории Бюлера (см. об этом в [ОЯ 1970]), не полю слов (знаков-наименований, служащих для описания мира, выполняющих номинативную функцию), а полю предложений. Жесты и коммуникативы являются знаками-сообщениями, нерасчлененно передающими субъективную информацию, что сближает их с коммуникативными системами животных.

К сигналам относятся, например, речевые акты подтверждения: коммуникатив *Да* и жестовый аналог – *кивок головой*, речевые акты решительного отказа: коммуникатив *Ни за что!* и жестовый аналог – *покачивание указательным пальцем из стороны в сторону на уровне лица при прямом взгляде в глаза собеседнику*².

Противопоставление между этими двумя семиотическими типами знаков достаточно отчетливое.

1. Симптомы демонстрируют собой наличие скрытых свойств или процессов, с которыми они связаны. Это прежде всего эмоции человека. Так, *скашивание глаз* и *почесывание рукой затылка*, либо же произнесение *хм, м-да, однако...* указывает на состояние недоумения, в котором пребывает человек. Сигналы же конвенционально связаны ассоциацией с тем, что они обозначают ([Пирс 1931]). Они служат для целенаправленной, осознанной передачи информации – прежде всего коммуникативных интенций говорящего. *Покачать головой вверх-вниз* или сказать *Да* (*конечно, как пить дать*) равнозначно сообщению о согласии с кем / с чем-либо, подтверждению истинности чего-либо, за что говорящий может нести ответственность (например, в суде, на присяге и т.п.).

2. Симптомы, выполняющие экспрессивную (по классификации К. Бюлера) функцию, не имеют адресата. Такие «сообщения» не направлены на получателя. А. Вежбицкая утверждает, что эмоциональные междометия не имеют компонента «послушай!» ([Вежбицкая 1991]), а Г. Е. Крейдлин пишет, что для выражения симптоматического жеста не обязательно присутствие зрителей ([Крейдлин 2002]). Отсюда, однако, не следует, что симптоматические проявления не могут и не должны учитываться собеседниками и зрителями. Как и любые естественные симптоматические знаки (нет дыма без огня), они передают важную и актуальную информацию об источнике. Ср.:

(1) Выпороть бы, как прежде... Ее около поставить и смотреть, как **у ней на лице**: – Ну что, матушка? **Ааа... то-то!**» (А. П. Чехов. Трифон).

² Примеры более детального и формализованного описания жестов даются в Словаре жестов ([Григорьев, Григорьева, Крейдлин 2002]).

(2) (Директор:) «На будущей неделе письмоводитель у нас в приюте уходит в отставку. Если хотите, поступайте на его место!...» Временский, не ожидавший такой милости, тоже **просиял**. – «**И отлично**, – сказал директор. – Сегодня же напишите прошение». (А. П. Чехов. Дамы).

В обоих примерах нами выделены симптомы одного собеседника и вербальные реакции на них другого. Особенно нагляден второй пример, где симптоматика, выражающее радость, удовольствие приравнивается сигналу подтверждения. Однако такие примеры встречаются нечасто и служат скорее исключением. Более того, попытка воспринять симптоматический знак как целенаправленный, осознанный и адресованный, может привести к коммуникативной неудаче:

(3) «**А!**» – промолвила Анна Васильевна. – «А! Что: а? – подхватил Николай Артемьевич. – Ужель и вы заражены предрассудками?» – «Да я ничего не сказала...» (И.С. Тургенев. Накануне).

Сигналы же, напротив, являются адресованными высказываниями. Они выполняют аппелятивную, то есть воздействующую на собеседника функцию. Их ожидают и на них реагируют. К коммуникативной деятельности с доминантой аппелятивности относится этикет – как вербальный, так и невербальный. Люди говорят друг другу «*Здравствуйте!*», раскланиваются друг с другом или просто кивают при встрече. Хороший индикатор для определения типа жеста – это возможность или невозможность синтаксической позиции адресата при глаголе, данный жест описывающем. Так, можно *подмигнуть друг другу*, и значит, этот жест – сигнал, но нельзя **пожать друг другу плечами* – из чего следует, что этот жест – симптом.

То, что симптомы не являются по своей природе адресованными, диалогическими, то, что они связаны с в большей степени с природой человека, чем с культурой, приводило многих исследователей к мысли, что симптоматические знаки не должны быть объектом семиотических и лингвистических исследований. М. Мюллер передал эту идею очень афористично: «Язык начинается там, где кончаются междометия» ([Мюллер 1871: 27]). Альтернативой такому подходу является представление о частичной конвенциализации симптомов. Культура и язык об-

работали человеческую симптоматику таким образом, что она заняла свою нишу в коммуникации. Можно говорить о культурной и о языковой конвенциализации симптомов.

Культурная адаптация симптоматики проводится с нескольких сторон³.

1. Со стороны уменьшения степени проявления симптоматики. Воспитанный человек в присутствии посторонних обязан уметь подавлять в себе сильные эмоции, сдерживать проявление чувств, держать их под контролем⁴. Поведенческая сдержанность в проявлениях эмоций естественно гармонирует со сдержанностью речевой.

2. Со стороны учета ситуации для проявления эмоции. Разгневанный чем-либо человек в кругу близких или без свидетелей может позволить себе «рвать и метать», но в формальной или официальной обстановке такое поведение вряд ли допустимо – формальный тип социального взаимодействия элиминирует проявление сильных эмоций. Однако и в обстановке официального общения есть определенные, обусловленные культурными практиками, исключения из правил. Э. Гоффман ([Goffman 1978]) приводит пример поведения родственников в больнице при известии о кончине больного (рыдания, горестные объятия, восклицания: *Боже мой, Боже мой, как же так, нет, этого не может быть*) в присутствии врача и персонала, почтительно молчащих в такую трагическую и торжественную минуту. Г. Е. Крейдлин замечает, что в определенных, этикетно и ритуально маркированных, ситуациях проявление эмоций обязательно, и человек должен достаточно явно продемонстрировать ее, независимо от того, испытывает ли он в данный момент эту эмоцию или нет ([Крейдлин 2002]).

3. Со стороны эстетизации проявления симптоматики и ее стилистической дифференциации. Способы выражения чувств, как и другие

³ Мы отдаем себе отчет, что культура не универсальна, и для ряда конкретных культур наши выводы окажутся неверными или неточными. То, о чем мы говорим, относится прежде всего к англо-саксонской и, возможно, шире – к европейской культуре в целом.

⁴ О культурной и социальной специфике контроля над лицом см. в книге [Крейдлин 2002: 170].

формы социального поведения, являются объектом воспитания. «Картинные» позы, в которые встают порой люди при встрече или при получении важной для них информации, часто вольно или невольно повторяют живописные, скульптурные образцы, кадры из популярных фильмов и т.д. Существуют неписанные правила о том, **как** можно смеяться, выражать восхищение, раздражение и другие эмоции в зависимости от того, с кем человек в это время общается. То же касается и речевых симптомов, междометий. Так, Вилкинз, анализируя употребление в присутствии посторонних эмоциональных междометий, пишет: «Никто не будет отрицать тот факт, что *ооох* ('мне больно') не требует адресата, но вопрос заключается в том, почему индивид предпочитает использовать общепринятое *ооох*, а не что-нибудь непристойное» ([Wilkins 1991]).

4. Со стороны учета фактора адресата. Само возникновение и проявление эмоций часто обусловлено присутствием конкретного человека (ср. *Я плачу не тебе, а маме*). Учет фактора адресата позволяет активно использовать симптоматику в тех случаях, когда вербальная коммуникация оказывается менее предпочтительной. Э. Гоффман приводит в той же статье несколько характерных примеров. Например, муж, читающий газету, может начать издавать проклятия, смеяться или выражать удивление, исподволь побуждая жену вступать в разговор расспросами. Еще пример: Хозяин квартиры беседует с мастером о ремонте ванны. Узнав о цене за ремонт, хозяин может спросить: «Не слишком ли дорого?», а может лишь громко ахнуть и широко раскрыть глаза. Конкретный ответ должен быть получен лишь в первом случае, хотя обе формы – диалогическая и симптоматическая (недиалогическая) – передадут мастеру примерно одну и ту же информацию.

Языковая конвенциализация связана в первую очередь с письменной фиксацией вокальных (звуковых) симптомов. Воздействие социальных фильтров привело к передаче таких симптомов в качестве междометий из поколения в поколение, о чем еще в XIX веке в период полемики о языковом статусе междометий писал Пауль ([Пауль 1960]). Имея относительно устойчивую фиксацию в письменной форме языка, междометие автоматически вводится в ранг языковых единиц. Однако процесс этот сопряжен с рядом сложностей, на которые указывают та-

кие факты: 1) не все симптоматические вокализации, способные передавать эмоции, получили статус слова и на основе этого вошли в национальные словари; 2) некоторые вокальные знаки в результате письменной фиксации претерпели серьезные изменения. Остановимся на обоих случаях подробнее.

1) Некоторые вокализации не попали в ранг междометий. К ним относятся, например, звук, описательно передаваемый глаголом цокать, то есть «издавать короткие, прищелкивающие звуки языком, выражая досаду, недоумение, удовольствие и т.п.» ([СТСРЯ 2001: 917]): «Здорово!» – директор даже прицокнул. (В. Набоков. Приглашение на казнь). Ряд вокализации не получил окончательной кодификации в языке. Хотя они встречаются в художественной литературе, в списках междометий в грамматиках, однако их нет в словниках даже самых полных и современных словарей. Сюда относятся, например, такие единицы, как *фррч*, *фрр*, *эхм*, *и-и-и*, из списка междометий в Русской грамматике ([РГ 1980, т. 1]), междометия *mmm*, *mn-da(-c)* и целый ряд других, встречающихся в современной и в классической русской литературе.

(4) – «Ммм...» – проговорила барышня разочарованно опуская руки. – Начало хорошо, а кончили бог знает как... (Л. П. Чехов. То еёбыла она).

(5) «Мн-да-с. Так-с...» – значительно протянул Луховичин и, подняв брови, тотчас же опустил их (А. И. Куприн. В цирке).

2) Некоторые вокализации в результате их письменной фиксации изменяются настолько, что связь между произнесением и написанием носит скорее условный характер. Воспроизведение письменного варианта привело к появлению вторичной вокализации, своеобразного фонетического дуплета. В качестве примера можно рассмотреть междометия *Угу*, *Тьфу* и *Ах*.

Вокализация, передаваемая междометием *Угу* – это двусложный носовой звук с ударением на втором слоге:

(6) «Книжку читаете? – заметил Родион, светясь добротой. – Дело хорошее». Цинциннат, не поднимая глаз со страницы, издал мычание, утвердительный ямб. (В. Набоков. Приглашение на казнь).

Междометие *тьфу* имитирует плевков, однако меняет его артикуляцию достаточно сильно. Уже в своей новой произносительной форме «символический плевков» используется и в речи, и в определенных ритуальных актах (ср. *сплюнуть через плечо*).

Прототипическая вокализация (по крайней мере одна из них), передаваемая междометием *Ах* – относится к числу импловзивных звуков. Это резкий короткий вдох при испуге. Конвенциональное закрепление этой вокализации в качестве междометия приводит к иному ее произнесению. Сравните: *Татьяна «ах!»*, *а он – реветь* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин), где очевидным образом импловзивный вскрик Татьяна при виде медведя заменяется в тексте на стандартное междометие⁵.

Конвенциализация разных форм симптоматики, их связь и взаимодействие при выражении эмоции позволяет ставить вопрос о возможности интегрального описания системы «эмоция – ее симптоматические проявления» в рамках определенного культурного ареала. Такое описание позволит, например, достраивать недостающие компоненты при визуализации письменных текстов. Когда автор пьесы или романа указывает в определенной ситуации на жест, междометие, ту или иную фонетическую характеристику при реплике персонажа, он тем самым более или менее однозначно указывает на эмоциональное состояние говорящего. И наоборот, когда автор пьесы или романа указывает в определенной ситуации на эмоцию, ее прототипические проявления в симптоматике можно описать, хотя это не всегда может получиться однозначно. Приведем несколько примеров авторских характеристик, из которых в связке ЭМОЦИЯ – СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ присутствует только один компонент, более или менее достаточный для того, чтобы попытаться вывести остальные.

1. Указание на фоннику фразы, выражающую эмоцию.

(7) «Нет! Нет!» – **закричал** я. – «Только не это! И вообще, пожалуйста, нельзя ли эти кадры как-нибудь уничтожить?» (В. Войнович, Москва 2042).

⁵ Другие аспекты конвенциональности междометий, разных их групп рассматриваются в [Крик 1992].

(Испуг. Возможная жестикация: раскрытые ладони выставляются вперед, как бы защищая грудь от нападения)

(8) «Всего четыре часа в неделю? Смилуйся! Сама же изведешься», – все еще весело взмолился он. Но она вполне серьезно сокрушенно **вздыхнула**. – «Нельзя». (А. Рогов. Ванька Каин).

(Сожаление. Возможная жестикация: голова опускается на грудь)

2. Указание на жесты и мимику.

(9) [Заречная] Вы один из миллиона, кому выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... вы счастливы...

[Тригорин.] Я? (**Пожимая плечами.**) Гм... Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно, что мармелад, которого я никогда не ем (А. П. Чехов. Чайка).

(Непонимание, недоумение. Возможная мимика: губы поджаты, глаза отведены в сторону)⁶.

3. Указание на эмоцию.

(10) «Мое имя на самом деле Клепка, но, если вам доставит удовольствие, можете называть меня Заклепкой». – «Еще чего не хватало!» – **возмутилась** Кнопочка. (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе).

(Возможная мимика: широко раскрытые глаза, прямой взгляд. Жестикация: голова откидывается назад. Тон высокий, громко).

(11) [Сорин.] И в шестьдесят лет жить хочется.

[Дорн.] (**досадливо**). Э! Ну, принимайте валериановые капли. (А. П. Чехов. Чайка).

(Возможная жестикация: отмахивающее движение руки. Мимика: снисходительная гримаса. Тон междометия высокий).

Описание коммуникативов с необходимостью требует жестово-мимической характеристики⁷. Любой носитель языка, не задумываясь, назовет несколько прототипических жестов, сопровождающих коммуникативы – жесты подтверждения, отрицания, отказа, угрозы и т.п. Однако

⁶ Ср. также описание жеста ПОЖАТЬ ПЛЕЧАМИ 2 в Словаре языка русских жестов ([Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 94-95]).

наряду с наиболее типичными при коммуникативах встречаются и другие жесты, достаточно сильно от них отличающиеся.

Мы остановимся на типах жестово-мимическим сопровождения одного конкретного речевого акта (далее РА) и на способах их взаимодействия с коммуникативами, этот РА передающими. В приведенной ниже таблице в левой колонке дается паралингвистическое, а в правой – лингвистическое описание поведения говорящего при **подтверждении** или **согласии с мнением** собеседника.

1. Говорящий делает однократный глубокий кивок сверху вниз	Да; безусловно; естественно; верно.
2. Говорящий кивает головой сверху вниз два и более раз.	Да, да, Да-да-да.
3. Говорящий «кивает наоборот», откинув голову назад и вернув ее в исходное положение.	Как же!
4. Говорящий широко раскрывает глаза и может поднять указательный палец в знак ценности сказанного.	(Совершенно) верно!
5. Говорящий, приподняв подбородок, покачивает головой слева направо; пожимает плечами или разводит руками; принимает «надменную» позу.	Безусловно!; Естественно!

Г. Е. Крейдлин в книге [Крейдлин 2002] предлагает классификацию жестов, построенную на основании их отношений с речевыми высказываниями. В соответствии с этой классификацией среди перечисленных выше жестов можно выделить так называемые **эмблемы**, то есть жесты, которые используются самостоятельно или одновременно с высказыванием, дублируя его смысл, и **иллюстраторы**, то есть жесты, которые не способны выступать в коммуникации самостоятельно без высказывания.

К эмблемам относятся два первых типа жестов. Они выступают при прототипическом выражении подтверждения – коммуникативе да и его

⁷ Проблема описания взаимодействия коммуникативов и жестов была поставлена в процессе работы над словарем коммуникативов ([Крейдлин, Шаронов 1998, Шаронов 1998]).

вариантах, несут то же значение подтверждения, что и коммуникатив (то есть не добавляют никакой новой информации), и способны заметить реплику в коммуникации. Это – сигналы.

Остальные приводимые типы жестов – иллюстраторы. Они принадлежат к симптоматическим знакам, выступают при экспрессивном выражении подтверждения и указывают на одномоментное внутреннее состояние говорящего. Симпатические жесты приносят в высказывание дополнительную информацию, в результате чего эффект от речевого акта может сильно модифицироваться. Известно, что одну и ту же фразу можно произнести так, что человек расплывется в польщенной улыбке, начнет извиняться, будет успокаивать, уйдет, хлопнув дверью и т.д. Отличие коммуникативов как стандартизованных, клишированных реплик от обычных высказываний заключается, кроме прочего, в ограниченности и обусловленности сопровождающих их симптоматических проявлений. Однако последнее утверждение не жестко: одни коммуникативы имеют фиксированные сопроводительные жесты, другие оказываются богаче, имея в запасе определенный «жестово-мимический репертуар». Рассмотрим те субъективные смыслы, которые стоят за симптомами, перечисленными в таблице.

Коммуникатив *Как же!* – экспрессивная реплика с фиксированным иллюстратором. Использование данного коммуникатива в качестве подтверждения обусловлено припоминанием необходимой информации. *Как же* обычно является реакцией на вопрос или на сообщение собеседника, истинность которого говорящий поддерживает на основе личного опыта. Произнося коммуникатив, говорящий как бы «кивает наоборот», то есть слегка откидывает голову назад и затем возвращает ее в исходное положение.

(12) «Ты моих тапок случайно не видела?» – «Тапок?» - переспросила она и стала думать, как будто я заказал ей теорему Пифагора. – «А, **как же!**» – сообразила она наконец. <...> «**Как же, как же**, видела». (В. Войнович. Москва 2042).

(13) – «У тетки моей, Пороховниковой, на Пречистенке...» – «<...> Маленький особнячок? Напротив еще палисадничек? **Как же**, знаю, знаю!». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Этот иллюстратор не является прототипическим для акта подтверждения, но встраивается в него, привнося свой смысл в общую интерпретацию данного РА. Прототипическим этот жест является для высказываний припоминания или понимания: «А, вспомнил!; Помню, помню!; Эврика!; Ах вот оно как!» и т.п.

Подтверждающий жест коммуникатива (*Совершенно верно*₁ в его неэкспрессивном употреблении, совпадая со стандартным кивком, может быть также осложнен легкой снисходительной улыбкой, поскольку часто используется в общении в более юным или неопытным (относительно предмета речи) человеком.

(14) «Значит, в Москорепе вообще нет сердечников, гипертоников, инвалидов и стариков?» – спросил я. – «**Совершенно верно**», – подтвердила она. – «А еще у нас нет собак, кошек, хомяков, черепах и всяких других непродуктивных животных». (Войнович. Москва 2042).

Мы легко можем представить себе как непроницаемо-официальное выражение лица героини, так и ее снисходительно-благожелательную улыбку.

Эмоциональное *Верно*₂ сопровождается мимически выраженным «озарением» лица. Говорящий не думал раньше о предмете речи или имел о нем противоположное мнение, неожиданно переменив которое он широко раскрывает (округляет) глаза, и может поднять указательный палец в знак ценности нового знания.

(15) «А почему у огурцов усы?» – «Усы почему? Наверно, потому, что усы мужского рода». – «У тыквы тоже усы, а она женского рода!» – «**Верно!** Как же я про тыкву забыл?». (В. Белов. Гудят провода).

Набор экспрессивных симптоматических иллюстраторов при коммуникативах РА подтверждения *безусловно* и *естественно*⁸, богаче, чем у рассмотренных выше жестов, и каждый из иллюстраторов несет определенный субъективный смысл.

Первый из них (говорящий, приподняв подбородок, слегка покачивает головой слева направо) напоминает жест отрицания, несогласия. Однако, как кажется, точнее будет определить такой иллюстратор как жест недоумения. Рассматриваемые коммуникативы часто используют-

ся в ответ на просьбу собеседника подтвердить или опровергнуть его неуверенное предположение, в которой угадывается недоверие собеседника, его неготовность считать что-либо истинным. Говорящий, используя в качестве подтверждения коммуникативы со значением невозможности других интерпретаций, симптоматическим жестом добавляет свое непонимание, растерянность от того, что можно думать об этом как-то иначе. Такая симптоматика прототипически соответствует высказыванию «Я ничего не понимаю, Что за ерунда!». и т.п., однако она хорошо согласуется с РА подтверждения.

(16) «Он послан из-за границы?» – спросила Елена Станиславовна, чуть не задохнувшись. – «**Безусловно**», – ответил гениальный слесарь. (Ильф и Петров. 12 стульев).

Такое непонимание может усилиться, модифицироваться в недоуменное удивление, при котором у говорящего обычно округляются глаза, а покачивание головой заменяется на пожимание плечами (или разведение руками).

(17) «А любовники у тебя были?» – «**Естественно**», – удивилась Люля. – «Почему «естественно»? Совсем не естественно. Вот у моей жены нет других интересов, кроме меня и детей». (В. Токарева. Лавина).

Как кажется, в последнем примере большую роль при переходе характера разговора с нейтрального на конфликтный играет не столько использование коммуникатива *естественно*, сколько симптоматика, которая неожиданно разрушает взаимопонимание собеседников. Если мы заменим в данном контексте симптоматику удивления на симптоматику сожаления: 'Мне это не нравится, но я бессилен' (см. описание жеста РАЗВЕСТИ РУКАМИ в [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 129–130]), то последующая агрессивная реплика не покажется оправданной. Симптоматика сожаления отделила бы «*неправедные*» объективные законы жизни от субъективного мироощущения слабой женщины, не способной им противостоять.

⁸ Мы не останавливаемся здесь на толкованиях рассматриваемых лексем, которым посвящено много лингвистических исследований. Для нас здесь достаточно, что с их помощью реализуется РА подтверждения.

Наконец, последний из рассматриваемых нами иллюстраторов (говорящий принимает «надменную» позу) используется в особой ситуации. Если человек чувствует в высказывании собеседника открытое или завуалированное недоброжелательство, недоверие или пренебрежение, он может расправить плечи и чуть запрокинуть голову, чтобы посмотреть на собеседника холодным взглядом сверху вниз. Такая поза обычно считается надменной, вызывающей, однако в ситуациях «ущемления достоинства» она оказывается уместной и с РА подтверждения вполне согласуется.

(18) «Приношу вам тысячу извинений, какие удостоверения?» – спросил Коровьев удивляясь. – «Вы писатели?» – в свою очередь, спросила гражданка. – «Безусловно», – с достоинством ответил Коровьев. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В заключение мы хотели бы сказать, что наши описания симптоматики могут показаться несколько субъективными, не во всем и не для всех убедительными. Для более обоснованного описания необходима аудио-визуальная база данных симптомов в момент произнесения коммуникатива. Одним из способов сбора такого материала может стать выборка эпизодов из художественных фильмов, записей спектаклей, интервью и т.п. Представительная база данных могла бы позволить делать более убедительные утверждения и продвинуть вперед описание культурно обработанной симптоматики человека в разных сферах его социального взаимодействия.

Литература

- Амека 1992 – Амека Felix. Interjections: The universal yet neglected part of speech // *Journal of Pragmatics*, North-Holland.1992. 18. P. 101–118.
Балли 2001 – Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001.
Бюлер 1993 – Бюлер К. Теория языка. М., 1993.
Винкинз 1992 – Wilkins D.P. Interjections as deictics // *Journal of Pragmatics*, North-Holland.1992. 18. P. 119-157.
Гоффман 1978 – Goffman E. Response Cries // *Language*, 1978. vol. 54, № 4.

Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.–Вена, 2001.

Карцевский 1984 – *Карцевский С.О.* Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. № 6.

Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Крейдлин, Шаронов 1998 – *Крейдлин Г.Е., Шаронов И.А.* К проблеме толкования эмоциональных помет в Словаре коммуникативов // Экспрессия в языке и в речи. Сб. тезисов. М., 1998, С. 39-42.

Крик 1992 – *Крык В.* The pragmatics of interjections: The case of Polish // Journal of Pragmatics IS (1992), v. 93, P. 193-207.

Мюллер 1871 – *Muller M.* Lectures on the Science of Language. London, 1871.

ОЯ 1970 – Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Пауль 1960 – *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.

Пирс 1931 – *Peirce Ch.* Collected papers. Harvard Univ Press, 1931.

СТСРЯ 2001 – Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2001.

Шаронов 1996 – *Шаронов И.А.* Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. №2. С. 89-112.

Шаронов 1998 – *Шаронов И.А.* Интонационные пометы в словаре коммуникативов (содержание и способ представления) // Экспрессия в языке и в речи. Сб. тезисов. М., 1998. С. 43-46.

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
АРХИВОВ

**А. А. Дорогов о встречах с М. М. Бахтиным
и о его месте в истории
лингвистических идей**

Вступление С. Г. Бочарова.

**Публикация, подготовка текста, биографическая справка
и примечания П. Б. Переверзевой**

Михаил Михайлович Бахтин был «открыт» следующими поколениями в 60-е годы. Тогда Москва потянулась в Саранск — летом 1961 на поезде В.В.Кожин, Г.Д.Гачев и я, осенью того же года на машине В.Н.Турбин и Л.С.Мелихова, летом 1965 на самолете (!) Алексей Александрович Дорогов. Действовали, что замечательно, все независимо друг от друга, и в дальнейшем тоже контакт с Бахтиным у каждого был свой. В публикуемом мемуаре А.А.Дорогов рассказывает о своем общении с мыслителем. Алексей Александрович в московской гуманитарной среде тех лет был личностью совершенно оригинально-особой. Он почти не печатался и страдал, как сам говорил, «аграфией». Он был устный человек (многолетний преподаватель в таких разных местах, как Институт технической эстетики и Полиграфический, таких разных предметов, как история техники и эстетика) и скрупулезный систематик культуры в самом широком ее объеме, от истории мировоззрений до бале-

А. А. Дорогов о встречах с М. М. Бахтиным

та и джаза. И общение с Бахтиным было у А.А. иное, чем у нас остальных — более теоретически-систематическое. Содержание своих бесед он включал в свою таблицу отечественной культурной истории XX века и в свою «теорию поколений» в культуре; о Бахтине в таком широком контексте он сделал несколько докладов в разных аудиториях еще при жизни Михаила Михайловича.

«Люди не нашего времени» – так назвала покойная Ю.М.Каган свою статью – воспоминание о Бахтине и людях его круга. Для нас тогда была жизненно важной встреча с людьми не нашего времени, она приобщала к иной традиции, от которой мы нашим временем были оторваны. А.А.Дорогов столь же подробно встречался и с другим человеком из еще более глубокого времени, учившимся у В.О.Ключевского и разговаривавшим с ним, с историком Р.Ю.Виппером (1859-1954), и также оставил о нем воспоминание, еще не опубликованное. Вообще Алексей Александрович был человек глубокой, тихой, непубличной культуры – сейчас это, кажется, вымирающий человеческий тип. Оригинален он был и в общих своих установках, например, в неожиданном сочетании основных имен, определивших, как он рассказывал, его мировоззрение, – Толстой, Маркс, Н.Ф.Федоров, в последнее время и Пушкин. Читатель настоящего мемуара отметит странное к нему приложение – именной указатель с датами к каждому имени; можно этому удивиться как почти что чудачеству, но знавшие автора не удивятся – таков был его скурпулезный научно-систематический почерк.

С. Г. Бочаров

Об авторе публикуемых мемуаров и его наследии

Алексей Александрович Дорогов родился 12 марта 1923 года в с. Кудеихе, Алатырского уезда, Симбирской губернии. Отец его, Александр Иванович Дорогов (1879-1963), был педагог, агроном, ученый-почвовед и изобретатель, окончил Учительскую семинарию, Учительский

институт и Московский Сельскохозяйственный институт. Мать, Антонина Владимировна Дорогова (1887-1940), также имела высшее образование (Петроградские Высшие женские курсы («Бестужевские») и Петроградский Университет) и работала преподавателем литературы и французского языка.

А.Д. с раннего детства увлекался историей, поэзией, изобразительным искусством, кино. В 13 лет он написал письмо академику Е.В.Тарле с просьбой дать ему совет по дальнейшему изучению истории. Окончив школу в Пензе, А.Д. переехал в Москву. Аттестат с отличием давал право поступать в любой вуз без экзаменов. Исторический факультет А.Д. не выбрал, решив, что историей он заниматься будет в любом случае. Сначала А.Д. послал запрос во ВГИК, на сценарное отделение, но в 1940 г. туда не было набора. Также привлекали А.Д. занятия точными науками – способностью «дисциплинировать ум». На мехмат в МГУ А.Д. не мог попасть, так как не было мест в общежитии, и поступил в Московский энергетический институт (МЭИ), один из лучших технических вузов того времени. Через год началась война. От службы в армии А.Д. был освобожден по близорукости и вернулся в Пензу, где прожил следующие 11 лет. Он учился в Пензенском индустриальном институте (факультет точной механики), работал на заводе, а с 1948 г. – в Пензенском краеведческом музее, в Отделе истории дореволюционного прошлого. Параллельно А.Д. преподавал историю техники в Пензенском индустриальном институте, историю материальной культуры и историю театра – в Пензенском художественном училище.

В 1951 г. А.Д. познакомился с историком А.И.Немировским, тогда преподававшим в Пензенском педагогическом институте. А.И.Немировский предложил А.Д. «оформить» его знания истории, поступив на заочное отделение пединститута. А.Д. экстерном сдал все положенные экзамены и осенью 1952 г. получил диплом истфака. Тогда же его пригласили в аспирантуру в Москву в Институт истории естествознания и техники АН СССР. В 1956 г. А.Д. защитил кандидатскую диссертацию по теме «История машин в России». В этом институте он работал несколько лет в качестве младшего научного сотрудника.

В годы аспирантуры А.Д. вёл очень активную жизнь, – у него появилось много знакомых, друзей, он стремился встретиться с интересными людьми — учёными, писателями, художниками. Ещё до аспирантуры бывал у историка, академика Р.Ю.Виппера. Позднее А.Д. встречался с Р.Якобсоном, Д.Д.Бурлюком, И.Г.Эренбургом, В.Б.Шкловским, Н.И.Харджиевым, философами Э.Кольманом, Э.В.Ильенковым, Г.С.Померанцем, филологами С.С.Аверинцевым, Г.Д.Гачевым, В.В.Кожинковым, кинорежиссерами С.И.Юткевичем, Г.М.Козинцевым, Ю.Б.Норштейном и многими другими.

В 1964 г. А.Д. начал читать спецкурсы в МГУ в качестве внештатного преподавателя сначала на философском, историческом и факультете журналистики, а позже и на факультете психологии (курс «История визуального мышления»).

В 1965 г. А.Д. пригласили во Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ) на должность старшего научного сотрудника отдела теории и методов художественного конструирования. Среди его коллег были искусствоведы Г.Л.Демосфенова, Н.В.Воронов, Е.В.Черневич, Л.А.Жадова, Л.В.Марц, И.Н.Голомшток и др., философы-социологи (Г.П.Щедровицкий, О.И.Генисаретский), известный знаток джаза Л.Б.Переверзев, философ и кибернетик М.М.Субботин. Отдел возглавляла искусствовед Е.П.Зенкевич (мужем ее в то время был младший брат О.Э.Мандельштама Евгений Эмильевич). Во ВНИИТЭ А.Д. организовал творческий семинар, на который приглашали в качестве участников работников из разных научных институтов – этнографии, человека, философии, языкознания и др., и на котором выступали такие известные ученые, как Вяч.Вс.Иванов, Е.Б.Рашковский, Д.М.Сегал, С.А.Токарев, С.А.Арутюнов.

В 1972 г. А.Д. перешел в Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт автоматизированных систем в строительстве (ЦНИПИАСС).

С 1975 г. А.Д. читал историю искусств в Полиграфическом институте.

Выйдя на пенсию в 1983 г., А.Д. не оставил преподавательской работы и организовал на дому кружок школьной молодежи. Весной 1990 г.

он читал лекции для желающих (бывших студентов, сослуживцев) в выставочном зале «Арбат» в Староконюшенном переулке.

Умер А.Д. 8 мая 2003 г.

В последние годы А.Д. был очень озабочен судьбой своего архива. А.Д., как уже отмечено С.Г.Бочаровым, был человеком устной культуры, и в связи с этим архив его необычен. Большая его часть — стопки листочков, часто библиотечных требований, на обороте которых бисерным почерком написаны различные суждения, мысли, стихи, черновики писем, библиография или списки имен с датами жизни — сотни списков (о своей «теории поколений» А.Д. говорит в «Воспоминаниях...»); списки посвящены самым разным темам: от «Русских писателей романистов и новеллистов» до «Кто пошел за Лениным»). Некоторые тексты, — он называл их «фрагментами» или «сентенциями», — были переведены в электронно-цифровой формат. Их он надеялся когда-нибудь объединить в книгу, озаглавленную «Философские фрагменты», наподобие «Мыслей» Б.Паскаля или «Опавших листьев» В.В.Розанова. Эта работа не была завершена, и мы не знаем точно, какие еще тексты он планировал туда включить.

Многие из идей А.Д. не получили письменного воплощения, и большой интерес представляют случаи их записи в изложении других лиц. Это побудило нас присоединить к воспоминаниям фрагмент хроники О. Г. Ревзиной. Содержащийся в ней подробный реферат своего доклада А.Д. подарил Бахтину и, видимо, был удовлетворен им.

Воспоминания о М.М.Бахтине А.Д. писал по просьбе Н.А.Панькова для журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Однако требование А.Д. непременно напечатать составленный им именной указатель не было выполнено, и публикация не состоялась.

П. Б. Переверзева

А.А.Дорогов

Вспоминая Михаила Михайловича Бахтина

Впервые о Михаиле Михайловиче Бахтине я узнал в конце 50-х годов из статьи А.В.Луначарского «О «многоголосности» Достоевского (По поводу книги М.М.Бахтина «Проблемы творчества Достоевского»), написанной и впервые напечатанной в 1929 году. Я прочитал эту статью в книге Луначарского «Статьи о литературе» (М., 1957). Мысли Бахтина меня весьма заинтересовали, и вскоре я прочел его книгу. Она произвела на меня сильное впечатление.

Тогда, уже в течение многих лет, меня интересовали личности многих и разных мыслителей и ученых, более всего русских, и я составлял для себя списки их с хронологическими данными, с особым интересом выискивая личности неизвестные, или мало известные, или забытые. Я создал свою «теорию поколений» и разработал ее применительно к истории русской культуры. «Поколения» выявляются тут путем конкретно-исторического анализа (перекрестного допроса мемуаров и других источников) и определяются по датам рождения лиц, их составляющих.

В то время в гуманитарном (и не только в гуманитарном) знании господствовали идеи неопозитивизма (логицизма), — третьей стадии в развитии позитивистской философии, — и прагматизма. Имена Бертрана Рассела, Людвиг Витгенштейна, Рудольфа Карнапа, Чарльза Морриса не сходили с уст. А у советских ученых особую популярность получили идеи ОПОЯЗ'а и «формальной школы» 20-х годов.

Это было время «кибернетического» бума (особенно в нашей стране) — хотя великий отец кибернетики Норберт Винер не был ни позитивистом, ни прагматистом. Идеи кибернетики и семиотики сыграли большую роль и в моем мировоззрении, но философия неопозитивизма, равно как и философия прагматизма, мне были чужды. А у Бахтина, как я увидел, открывался «иной путь». Но о нем, как о личности, я еще ничего не знал.

Однако вскоре (в 1963 году) была напечатана вторым изданием его книга о Достоевском (с измененным заглавием и переработанная)¹. Я достал эту книгу и сравнивал ее с первым изданием, отмечая изменения и дополнения. На нее появились рецензии, и о Бахтине стали говорить. Стало известно, что Бахтин жив; живет и работает в Саранске и преподает в Саранском университете. Стало также известно, что он является фактическим автором (полностью или частично) еще нескольких книг, изданных в конце 20-х годов под фамилиями других авторов: В.Н.Волошинов. Фрейдизм. Критический очерк (Л., 1927); П.Н.Медведев. Формальный метод в литературоведении (Л., 1928); В.Н.Волошинов. Марксизм и философия языка (Л., 1929; 2-е издание — Л., 1930). Я прочитал эти книги, и у меня, естественно, возник интерес к их номинальным авторам и к их отношениям с М.М.Бахтиным.

Короче, у меня появилось много вопросов, на которые хотелось получить ответы от самого Бахтина. Мне захотелось подробнее узнать о фактах его биографии, о его учителях, о генезисе его идей, о его мировоззрении, о других его работах. Кроме того, мне захотелось узнать его мнения о многих идеях и фактах, меня интересовавших, а также поделиться с ним своими мыслями, узнать его мнение о них, рассказать о своем мировоззрении. И я решил с ним встретиться.

Лето 1965 года я проводил в Пензе. Саранск от Пензы совсем недалеко. Я решил посетить Михаила Михайловича. Прилетел на местном самолете утром 20 августа в Саранск, остановился в гостинице и пришел к нему. Он принял меня с величайшим радушием, познакомил с женой — Еленой Александровной, и я пользовался их гостеприимством в течение полных двух дней, приходя в гостиницу только на ночь. Утром 22 августа я улетел из Саранска. Два незабываемых дня я провел в разговорах с Михаилом Михайловичем.

О чем мы говорили?

¹ О характере переработки текста книги 1929 г. при подготовке второго издания см.: *Бочаров С.Г.* Примечания к тексту книги «Проблемы творчества Достоевского» // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 2000. С. 517-543.

Я кратко рассказал о себе. Сказал, что прочитал его работу о Достоевском (в первом и во втором изданиях), что у меня возник большой интерес к его концепции и, в связи с этим, возникло много вопросов, которые хотелось бы с ним выяснить. Сказал, что прочитал затем и другие книги, авторство которых ему приписывают, спросил, так ли это? Он подтвердил, что это так; его друзья помогли ему написать эти книги и издать их. Дальше произошел долгий разговор по вопросам, которые у меня возникли при чтении его книг.

Затем я стал расспрашивать о фактах его биографии. Он сказал, что родился в Орле 4 (16) ноября 1895 года, потом жил в Вильне и Одессе. Большое влияние на него оказал старший брат — Николай Михайлович Бахтин (в будущем профессор Бирмингемского университета).

Михаил Михайлович учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Этот университет оставил у него самые лучшие воспоминания². Кого из университетских преподавателей он считает своим главным учителем? Несомненно, Фаддея Францевича Зелинского!

Здесь я хочу сделать отступление о Ф.Ф.Зелинском.

«Сила Ф.Ф.Зелинского не в том, что он в своих курсах, лекциях и книгах дает конкретные факты и схемы из истории древнего мира, но, что несравненно важнее и интереснее, создает особое настроение, вводит в какой-то новый неведомый мир, в одно и то же время и древний и новый, эстетически облагораживает и просвещает. И все-таки, как ни велико литературное мастерство Зелинского, его книги не производят и сотой доли того впечатления, которое создают его лекции. Так велика сила и обаяние живого слова сравнительно с какой угодно искусной письменной речью. В письменной речи не хватает того, что Цицерон так остроумно назвал «красноречием тела»» (В.С.Сергеев, История древнего Рима. Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении. М., 1922, с.204)³.

² Воспоминания о годах учебы см. также: *Бахтин М.М.* Беседы с В.Д.Дувакиным. М., 2002. С. 63-66.

³ О Ф. Ф. Зелинском как педагоге см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С.157-161.

Большое значение для философского развития Михаила Михайловича имела Марбургская школа неокантианцев. Главным образом Герман Коген, значительно меньше Эрнст Кассирер, всех меньше Пауль Наторп. Конечно, и другие философы начала XX века (главным образом, немецкие — Эдмунд Гуссерль, Макс Шелер, Николаус Гартман...).

Главная область собственных размышлений и исследований Михаила Михайловича — философская антропология. Об этом, в сущности, и главный труд его жизни, над которым он работает всю жизнь⁴. На мой вопрос, кто из известных современных мыслителей работал или работает над сходной проблематикой, Михаил Михайлович ответил: «Пожалуй, только Мартин Бубер... но, конечно, он решает эти вопросы по-своему».

Конечно, об издании этого труда Михаила Михайловича тогда не могло быть и речи...

Михаил Михайлович рассказал о жизни в Невеле и Витебске в первые годы после революции, а затем в Ленинграде. Рассказал и о своих друзьях и единомышленниках. Елена Александровна вспоминала о дружеских встречах с Марком Шагалом в Витебске и о том, как уже в Ленинграде, она писала под диктовку Михаила Михайловича книгу о «формальной школе» в литературоведении, задуманную вместе с П.Н.Медведевым. Я расспрашивал о «кружке Бахтина» в Ленинграде 20-х годов. Михаил Михайлович упоминал Л.В.Пумпянского, П.Н.Медведева, И.И.Канаева, Б.М.Зубакина, В.Н.Волошинова, К.К.Вагинова, И.И.Соллертинского (о них я и раньше кое-что знал) и М.И.Тубянского (о котором я раньше ничего не слышал). Михаил Михайлович сказал, что Михаил Израилевич Тубянский — замечательный ученый-индолог — был ему очень близок, и им стоит заинтересоваться.

Далее Михаил Михайлович говорил о взаимоотношениях — своих и своих единомышленников — с «формалистами» 20-х годов и о своих невольных встречах с их вождем Виктором Борисовичем Шкловским, когда тот приезжал из Москвы в Ленинград.

⁴ О том, существовал ли подобный единый труд, см.: *Гоготишвили Л.А. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов [Комментарий] // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.6. М., 2002. С. 563-564.*

Говорили о «диалогах» в истории мировой литературы как об особом жанре и, в частности, о «диалогах в царстве мертвых» (Платон, Лукиан, Галилей, Лендор, Леопарди...). Говорили и о прямых обращениях к зрителям в истории мирового театра и о непосредственном общении актеров со зрителями (Калидаса, Гете, Пираделло, Евреинов, Третьяков, Маяковский...). Говорили о «неаристотелевом» («эпическом», «диалектическом») театре Бертольда Брехта и его предшественников (начиная с Пушкина). Говорили вообще о различиях и об особенностях «монологического» и «диалогического» мышления, которые затем закрепляются в письменной речи.

Говоря о «многоголосности» или «полифонии» в литературе, я сказал: «А ведь Луначарский Вас совсем не понял в своей статье по поводу Вашей книги о Достоевском, когда говорит о «полифонии» у Шекспира и Бальзака». «Конечно, не понял», – ответил Михаил Михайлович. (Я думаю, что если уж применять музыкальную терминологию, то произведения Шекспира и Бальзака не «полифоничны», как думает Луначарский, а «гомифоничны», в которых одновременно звучащие голоса связаны между собой единой гармонией, создаваемой автором посредством мелодий-доминантов).

Говорили о Ленине. Об особенностях его мышления. В частности, Михаил Михайлович остановился на том, что когда в России в 70-е – 80-е годы в гимназиях — министром Народного Просвещения Д.А. Толстым — усиленно насаждался «классицизм», и большинство гимназистов изнывали под гнетом этого «классицизма», ученик Владимир Ульянов с наслаждением изучал классические языки, и они стали на время его самыми любимыми предметами. Далее Михаил Михайлович обратил внимание на мысль Ленина, высказанную им в рецензии на труд Н.А.Рубакина «Среди книг», том 2 (М., 1911)⁵: «Если бы г. Рубакин те 80 с лишним тысяч букв (т.е. целую брошюру), которые он написал как введение в литературу политической экономии, разделил на четыре части и поручил написать их, скажем, черносотенцу, либералу, народнику и марксисту, то открытой полемики было бы больше, и 999 читателей из

⁵ Второе издание указателя Н.А.Рубакина было выпущено в трех томах в 1911—1915 гг. Второй том вышел в 1913 г.

1000 в тысячу раз легче и быстрее нашли бы истину» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 25. С. 113).

Говорили об экзистенциализме Достоевского и, в связи с этим, об экзистенциализме вообще (как своего рода «анти-философии» или, точнее, явлении, лежащего в другой — перпендикулярной — плоскости по отношению к философии во всем разнообразии ее течений). Упоминали экзистенциалистов в истории человеческой мысли: Иов Многострадальный, Святой (Блаженный) Августин, Дж. Бруно, Я. Беме, Б. Паскаль, Ф. Шеллинг, И. Киреевский, С. Кьеркегор, Ф. Достоевский, Ф. Ницше, В. Розанов, М. Унамуно, Л. Шестов, Н. Бердяев, М. Бубер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Г. Марсель, Ж. Сартр, Э. Мунье, А. Камю.

Говорили и о том, что концепция Бахтина о диалогическом мышлении и о языке как открытой (незамкнутой) системе может быть сопоставлена с интуиционистской логикой и конструктивной математикой (идея потенциальной осуществимости).

Мы говорили очень долго. Я расспрашивал Михаила Михайловича, перебрасываясь от одной темы к другой. Мне очень хотелось узнать его мнение о множестве вещей и явлений — о том, о другом, о третьем... Одновременно мне хотелось ознакомить Михаила Михайловича и с некоторыми моими мыслями и интересами. Я рассказал ему о своей «теории поколений» в истории и об «идеогенетике», о своих взглядах на историю как на «металогика для всякой логики» — как «пангносис» для всякого мышления (тут моими учителями были Дж. Вико, И. Г. Гердер, И. В. Гете, К. Маркс, Н. Ф. Федоров... — сходные мысли были высказаны С. И. Таневым), наконец, о своем особенном увлечении философией Н. Ф. Федорова (как раз в это время я занимался разборкой его архива, сохранившегося у потомков Н. П. Петерсона — его ближайшего и преданного ученика)⁶, вообще о своем мировоззрении. Михаил Михайлович проявил к этим моим мыслям несомненный интерес и о многом меня расспрашивал. Я понял, что не только мне очень интересны его мысли и его личность, но и ему, в какой-то степени, интересны мои мысли и моя личность.

⁶ Архив Н. Ф. Федорова и Н. П. Петерсона был сохранен и передан в Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина при содействии А. А. Дорогова.

Я рассказал Михаилу Михайловичу о работах Василия Павловича Зубова, с которым я вместе работал в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР. В частности, о недавно вышедших из печати двух его книгах: «Леонардо да Винчи» (М., Л., 1961) и «Аристотель» (М., 1963). Михаил Михайлович заинтересовался ими. Я пообещал прислать ему эти книги из Москвы, когда туда вернусь. Разговор был и о личности В.П.Зубова. Я здесь приведу текст некрологической статьи о нем, мною написанной и помещенной в свое время в институтской стенной газете.

«Василий Павлович Зубов представлял собой редкостный тип ученого. Он был доктором искусствоведения. Это — частность. С одинаковым правом и успехом он бы мог быть — и фактически был — доктором самых разнообразных наук. Причем, для него — это не были отдельные науки. Его мысль рассматривала и воспринимала все разнообразие человеческих знаний в едином потоке (бурном и противоречивом!) истории человеческого познания.

Не случайно он так много внимания уделял эпохе Возрождения. Его занимали исторические водоразделы человеческой мысли.

Его эрудиция — историческая, историко-научная, философская, филологическая — была поразительна по своей широте и многообразию и, вероятно, в своем роде была уникальна. Она покоилась или, вернее, выростала на огромной толще историко-культурного фундамента. Но здесь была не только потрясающая эрудиция. С ней была тесно связана также поразительной силы историко-научная интуиция, пронизательность и ясность мысли.

Василий Павлович умер, когда его научное творчество шло по восходящей линии и все более и более расширялось и ускорялось. Он оставил сравнительно большое научное наследство — огромной ценности (в нем не найдется ни одной работы, которая была бы перепевом старого, уже найденного ранее, или общеизвестного). Но все это наследство, — я думаю, — не составляет и половины того, что было задумано и могло бы быть им осуществлено. Смерть помешала этому. И это особенно обидно.

Его преждевременная смерть — для нашей науки такая потеря, которую трудно оценить. Как ученый он остается незаменим» (1963).

В это время Михаил Михайлович занимался подготовкой к изданию своей второй капитальной работы — о Рабле и народной культуре Средневековья и Ренессанса, которая была написана еще в 30-е годы.

Возвратясь в Пензу, а затем в Москву, я послал Михаилу Михайловичу две обещанные мною книги Зубова. Затем поздравил его с семидесятилетним юбилеем. Вскоре получил от него ответное письмо⁷:

«2.XII.65

Дорогой Алексей Александрович!

Сердечное Вам спасибо за поздравление и добрые пожелания!

Книги Зубова я получил и очень Вам за них благодарен. «Леонардо да Винчи» я с наслаждением прочитал: книга оказалась очень полезной для моей работы («Аристотеля» пока пришлось отложить).

Наши двухдневные саранские беседы оставили во мне неизгладимое впечатление. Мечтаю о новых встречах ближайшим летом.

Елена Александровна шлет Вам свой сердечный привет.

С любовью

Ваш М.Бахтин».

А в марте следующего, 1966 года я получил от Михаила Михайловича в подарок только что вышедшую из печати его книгу «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (М., 1966) с дарственной надписью:

«Дорогому Алексею Александровичу

Дорогову

с глубоким уважением

и с самыми сердечными чувствами.

9.III.66 г.

М. Бахтин»

Осенью 1969 года Михаил Михайлович вместе с Еленой Александровной уезжают из Саранска и поселяются, на первых порах, в Кунцеве — в Кремлевской больнице. Я их там посетил вскоре после их приезда.

⁷ Письмо М.М.Бахтина и книги с его автографами находятся в архиве сестры автора воспоминаний Н.А.Дороговой.

да и хорошо помню, как я шел вместе с Михаилом Михайловичем по дорожкам больничного сада во время осеннего листопада.

В 1970-1971 годах Михаил Михайлович и Елена Александровна жили в Подольском районе Московской области, — в Интернате для престарелых (город Климовск, ж.-д. станция Гривна), куда я к ним приезжал.

В ноябре 1970 года Михаилу Михайловичу исполнилось 75 лет. Этот юбилей был отмечен более чем скромно. Насколько помню, только Лингвистическое объединение при Лаборатории вычислительной лингвистики Московского университета устроило по этому поводу особое заседание. Оно происходило 25 ноября под председательством Б.А.Успенского, с участием в качестве докладчиков Вяч.Вс.Иванова, П.Г.Богатырева и меня. В обсуждении докладов, насколько я помню, выступили: В.А.Успенский, В.Д.Дувакин, И.И.Ревзин, Д.М.Сегал... Мой доклад назывался «Идеи М.М.Бахтина в историко-культурном контексте»⁸. Краткий реферат его был опубликован в журнале «Вопросы языкознания», в № 2 за 1971 год, с. 160-161⁹. Готовясь к докладу, я посетил Михаила Михайловича и рассказал ему, что я собираюсь говорить. Просил его сказать, не допускаю ли я каких-либо ошибок или неточностей в понимании его идей и их изложении. Никаких замечаний он мне не сделал. Позже он прочитал краткий реферат моего доклада и по нему тоже никаких замечаний не сделал.

В конце 1971 года Михаил Михайлович и Елена Александровна были помещены в Подольскую больницу — и Елена Александровна вскоре скончалась... Михаил Михайлович в течение еще некоторого времени оставался в больнице, где я посетил его два раза.

⁸ Вяч.Вс. Иванов выступил с докладом «Значение идей М.М.Бахтина о знаке и высказывании для современной семиологии», П.Г.Богатырев — с докладом «Значение трудов М.М.Бахтина для фольклористики». Доклад Иванова в расширенном и доработанном виде был опубликован, см.: *Иванов Вяч.Вс.* Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Ученые записки Тартуского университета. 1973. Вып. 308. Труды по знаковым системам. Т. 6. С. 5-44.

⁹ Этот реферат перепечатан в Приложении к данной публикации.

После этого Михаил Михайлович жил некоторое время в Доме творчества писателей в Переделкине, но там я его не посещал. Известность, а затем и слава Михаила Михайловича возрастала. Количество лиц, желающих с ним познакомиться, встретиться и поговорить, соответственно, тоже.

В сентябре 1972 года Михаил Михайлович поселился в Москве в своей квартире, в доме на Красноармейской улице, и жил там до конца своих дней (в 1975 году). Там я неоднократно его посещал.

В эти годы, намереваясь его посетить, я звонил ему предварительно по телефону. Отвечала обычно Галина Тимофеевна [Гревцова] — его домоправительница. Я называл себя, она докладывала обо мне Михаилу Михайловичу, и всякий раз он тут же любезно предлагал мне прийти к нему. Я приезжал, и он радушно принимал меня в своем кабинете. В это время к нему ходило много народу, что, вероятно, не могло его не утомлять, но он терпеливо и внимательно разговаривал с каждым, выслушивал каждого, не прерывая беседу, хотя иногда заранее ограничивая ее продолжительность.

Когда я пришел к нему во второй раз (никого, кроме меня, в это время у него не было), то, поздоровавшись, я сказал: «Повадился кувшин по-воду...». Потом был у нас долгий разговор, в течение которого я несколько раз порывался уходить, чтобы не утомлять его, но он удерживал меня. Наконец, простившись со мной, он вдруг неожиданно для меня сказал: «Будьте кувшином».

...В то время в журнале «Новый мир» (№ 1 за 1973 год) были опубликованы письма академика А.А.Ухтомского к своей ученице Е.И.Бронштейн-Шур, писанные в 20-е годы¹⁰. Я прочитал их и поразился сход-

¹⁰ Елена Исааковна Бронштейн-Шур была ученицей А.А.Ухтомского в 1926-1928, но письма отхватывают период с 1927 по 1941 г. В своей последней записной тетради М.М.Бахтин сделал несколько выписок из этих писем, см.: *Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов / Подгот. текста Л.В.Дерюгиной и Л.А.Гогтишвили // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С. 430-431.* Более полно письма были опубликованы в сборнике «Пути в неизвестное» (М., 1973, № 10). По этому изданию они воспроизведены в книге: *Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях.* СПб.: Петерб. писатель, 1996.

ством некоторых его идей с идеями Бахтина. Я рассказал об этом Михаилу Михайловичу. Он сказал, что он это знает и что это не случайно: в 20-е годы он, вместе с И.И.Канаевым, слушал лекции А.А.Ухтомского в Петергофе, и они имели определенное влияние на него.

Я рассказал Михаилу Михайловичу о своей работе в Теоретическом отделе ЦНИПИАСС'а (Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт автоматизированных систем в строительстве) — по проектированию автоматизированных систем, по диалогу человек-машина, а также о том, что тогда меня особенно интересовало, — о технологии (она же и этика) научного (теоретического) спора, научной дискуссии. Он слушал меня с видимым интересом и подробно расспрашивал.

Однажды, летом 1973 года, я принес ему рукопись одной работы Мартина Михайловича Субботина — моего сослуживца по Институту технической эстетики и ЦНИПИАСС'у — и просил его ознакомиться с ней (по просьбе автора). Работа называлась «Произведение как смысловая система», и основная ее идея была: постепенное превращение содержания в форму — и окончательное окостенение его в тексте произведения (работа осталась до сих пор неопубликованной). Михаил Михайлович прочел ее очень внимательно и отозвался о ней с большой похвалой, сказав при этом, что в настоящее время она едва ли будет понята в редакциях научных журналов. Позднее, когда были опубликованы заметки Михаила Михайловича, сделанные им в 1973 году, то в них можно увидеть даже некоторые текстуальные совпадения с некоторыми местами статьи Субботина (М.М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.368)¹¹.

¹¹ А.А.Дорогов имеет в виду заметку, начинавшуюся в указанном им издании словами: «Содержание как новое, форма как шаблонизированное...». В полной публикации последней записной тетради Бахтина соответствующий фрагмент как отдельная запись не выделен, см.: *Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С.428-429. Сопоставление этого фрагмента с соответствующими им местами статьи М.М.Субботина см.: Гогтишвили Л.А. Указ. соч. С. 675-680.*

Вспоминая Михаила Михайловича Бахтина

В это время Михаил Михайлович подарил мне две свои работы, только что напечатанные. Оттиск статьи «Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь)» (Контекст. 1972, М., 1973) — с надписью:

«Дорогому Алексею Александровичу Дорогову
с уважением и любовью.
17.VII.73 г.»

И книгу: «Проблемы поэтики Достоевского». Издание 3-е (М., 1973) — с надписью:

«Дорогому Алексею Александровичу Дорогову
с любовью от автора
I.VIII.1973
М. Бахтин»

8 марта 1975 года Михаил Михайлович Бахтин скончался. 4 апреля Государственный Литературный музей устроил вечер его памяти. Приглашено было девять ораторов. Среди приглашенных был и я. Председательствовал Вяч.Вс.Иванов. Затем выступили: Л.Е.Пинский, А.А.Дорогов, В.В.Кожин, С.С.Конкин, С.С.Аверинцев, С.Г.Бочаров, В.Н.Турбин, Ю.М.Лотман.

В своем выступлении я говорил об историческом осмыслении идей М.М.Бахтина, о его судьбе и о роли случая, о его известности и его славе — сначала как литературоведа, а потом философа — одного из великих мыслителей нашего времени, о генеалогии его идей, об основах его мировоззрения, о проблемах диалогического мышления, им поставленных, о его аксиологии и культурологии (личность — через другого; все через всех; мир культуры — совокупность пограничных отношений; история как вечный диалог).

**Именной указатель к Воспоминаниям о М.М.Бахтине,
составленный А.А.Дороговым**

- Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Аврелий (354-430) **171**
Аверинцев С.С. (1937-2004) **177**
Аристотель (384-322 до хр. эры) **172, 173**
Бальзак О. де (Balzac H. de) (1799-1850) **170**
Бахтин М.М. (1895-1975) **166-177**
Бахтин Н.М. (1894-1950) **168**
Бахтина (урожд. Околович) Е. А. (1901-1971) **167, 169, 173, 174**
Бердяев Н.А. (1874-1948) **171**
Беме Я. (Vc̄hme J.) (1575-1624) **171**
Богатырев П.Г. (1893-1971) **174**
Бочаров С.Г. (р. 1929) **177**
Брехт Б. (Brecht B.) (1898-1956) **170**
Бронштейн-Шур Е.И. <около 1905 – после 1973> **175**
Бруно Дж. (Bruno G.) (1548-1600) **171**
Бубер М. (Buber M.) (1878-1965) **170, 171**
Вагинов (Вагенгейм) К.К. (1899-1934) **169**
Вико Дж. (Vico G.) (1668-1744) **171**
Винер Н. (Wiener N.) (1894-1964) **166**
Витгенштейн Л. (Wittgenstein L.) (1889-1951) **166**
Волошинов В.Н. (1894-1936) **167, 169**
Галилей Г. (Galilei G.) (1564-1642) **171**
Гартман Н. (Hartmann N.) (1882-1950) **169**
Гердер И.Г. (Herder J.G.) (1744-1803) **171**
Гете И.В. (Goethe J.W.) (1749-1832) **170, 171**
Гоголь Н.В. (1809-1852) **177**
Гревцова Г.Т. (1909-1993) **175**
Гуссерль Э. (Husserl E.) (1859-1938) **169**
Дорогов А.А. (р. 1923) **173, 177**
Достоевский Ф.М. (1821-1881) **166-169, 170, 171, 177**
Дувакин В.Д. (1909 -1982) **174**
Евреинов Н.Н. (1879-1953) **170**
Зелинский Ф.Ф. (1859-1944) **168**
Зубакин Б.М. (1894 -1938) **169**
Зубов В.П. (1899-1963) **172, 173**
Иванов В.В. (р. 1929) **174, 177**
Иов Многострадальный (IV век до хр. эры) **171**
Калидаса (V век) **170**
Камю А. (Camus A.) (1913-1960) **171**
Канаев И.И. (1893-1983) **169, 176**
Карнап Р. (Carnap R.) (1891-1970) **166**
Кассирер Э. (Cassirer E.) (1874-1945) **169**
Киреевский И.В. (1806-1856) **171**
Коген Г. (Cohen H.) (1842-1918) **169**
Кожин В.В. (1930-2001) **177**
Конкин С.С. (1917-1999) **177**
Кьеркегор С. (Kierkegaard S.) (1813-1855) **171**
Лендор У.С. (Landor W.S.) (1775-1864) **170**
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452-1519) **172, 173**

Вспоминая Михаила Михайловича Бахтина

- Леопарди Дж. (Leopardi G.) (1798-1837) **170**
- Лотман Ю.М. (1922-1993) **177**
- Лукиан (ок. 120 — ок. 190) **170**
- Луначарский А.В. (1875-1933) **166, 170**
- Маркс К. (Marx K.) (1818-1883) **171**
- Марсель Г. (Marcel G.) (1889-1973) **171**
- Маяковский В.В. (1893-1930) **170**
- Медведев П.Н. (1892-1938) **167, 169**
- Моррис Ч. (Morris Ch.) (1901-1979) **166**
- Мунье Э. (Mounier E.) (1905-1950) **171**
- Наторп П. (Natorp P.) (1854-1924) **169**
- Ницше Ф. (Nietzsche F.) (1844-1900) **171**
- Ортега-и-Гассет Х. (Ortega y Gasset J.) (1883-1955) **171**
- Паскаль Б. (Pascal B.) (1623-1662) **171**
- Петерсон Н.П. (1844-1919) **171, 172**
- Пинский Л.Е. (1906-1981) **177**
- Пиранделло Л. (Pirandello L.) (1867-1936) **170**
- Платон (ок. 427 — ок. 347 до хр. эры) **170**
- Пумпянский Л.В. (1891-1940) **169**
- Пушкин А.С. (1799-1837) **170**
- Рабле Ф. (Rabelais F.) (1494-1553) **173, 177**
- Рассел Б. (Russell B.) (1872-1970) **166**
- Ревзин И.И. (1923-1974) **174**
- Розанов В.В. (1856-1919) **161**
- Рубакин Н.А. (1862-1946) **171**
- Сартр Ж.П. (Sartre J.P.) (1905-1980) **171**
- Сегал Д.М. (р. 1938) **174**
- Сергеев В.С. (1883-1941) **168**
- Соллертинский И.И. (1902-1944) **169**
- Субботин М.М. (р. 1932) **176**
- Танеев С.И. (1856-1915) **171**
- Толстой Д.А. (1823-1889) **170**
- Третьяков С.М. (1892-1939) **170**
- Тубьянский М.И. (1893-1943) **169**
- Турбин В.Н. (1927-1993) **177**
- Ульянов В.И. (Ленин Н.) (1870-1924) **170, 171**
- Унамуно М. де (Unamuno M. de) (1864-1936) **171**
- Успенский Б.А. (р. 1937) **174**
- Успенский В.А. (р. 1930) **174**
- Ухтомский А.А. (1875-1942) **175, 176**
- Федоров Н.Ф. (Гагарин Н.П.) (1829-1903) **171**
- Хайдеггер М. (Heidegger M.) (1889-1976) **171**
- Цицерон М.Т. (Cicero M.T.) (106-43 до хр. эры) **168**
- Шагал М.З. (1887-1985) **169**
- Шекспир В. (Shakespeare W.) (1564-1616) **170**
- Шелер М. (Scheler M.) (1874-1928) **169**
- Шеллинг Ф.В. (Schelling F.W.) (1775-1854) **171**
- Шестов (Шварцман) Л.И. (1866-1938) **171**
- Шкловский В.Б. (1893-1984) **169**
- Ясперс К. (Jaspers K.) (1883-1969) **171**

О. Г. Ревзина

**<Реферат доклада А. А. Дорогова
на заседании Лингвистического объединения
при Лаборатории вычислительной лингвистики Московского
университета 25 ноября 1970 г., посвященного
семидесятипятилетию со дня рождения М. М. Бахтина>¹²**

В докладе А.А.Дорогова «Идеи М.М.Бахтина в историко-литературном контексте» были освещены основные вехи жизненного и творческого пути М.М.Бахтина. М.М.Бахтин родился 17 октября 1895 года в г. Орле. Вслед за своим братом Н.М.Бахтиным (1893-1950), впоследствии известным лингвистом и филологом, М.М.Бахтин поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Петербургский университет в предреволюционные годы был крупным научным центром: достаточно назвать в области литературоведения школу А.Н.Веселовского, представленную в то время рядом его учеников и продолжателей (испанистом Д.К.Петровым и другими), в области общего языкознания — школу И.А.Бодуэна де Куртенэ, в области классической филологии — школу Ф.Ф.Зелинского, учеником которого считает себя М.М.Бахтин. В особенности важным для формирования научных интересов и научного облика М.М.Бахтина были работы Ф.Ф.Зелинского по античному театру и по римской ораторской прозе (о Цицероне). Другой круг интересов М.М.Бахтина в университете был связан с занятиями философией.

В конце 20-х годов М.М.Бахтин выдвинул целый ряд новых идей в области психологии, литературоведения, языкознания, которые нашли отражение в ряде публикаций того времени; тогда же вышла книга М.М.Бахтина о Ф.М.Достоевском.

¹² Из отчета о заседании, опубликованного в журнале «Вопросы языкознания» (М., 1971. № 2. С. 160-162).

Для того, чтобы полнее воспринять общую систему идей М.М.Бахтина, необходимо обратиться к тому историко-культурному контексту, в котором эти идеи формировались и высказывались. Ленинград 20-х годов был интереснейшим центром культуры и более узко — гуманитарного знания. Непосредственное окружение М.М.Бахтина состояло из таких людей, как его ученик, последователь и сотрудник В.Н.Волошинов, литературоведы П.Н.Медведев и Л.В.Пумпянский, индолог М.И.Тубянский, биолог И.И.Канаев, писатель К.Вагинов, музыковед И.И.Соллертинский. Научная концепция М.М.Бахтина в области литературоведения и языкознания оформлялась во многом в связи с осмыслением теории и практики ОПОЯЗ'а и как определенная оппозиция к ним. Считая научную деятельность ОПОЯЗ'а значительным этапом в развитии литературоведческого анализа, мимо которого не может пройти ни один исследователь, М.М.Бахтин не мог принять теорию искусства, созданную ОПОЯЗ'ом («искусство как прием»), равно как и более поздние идеи, высказанные представителями «формальной школы» и их продолжателями (теория «литературного быта», «фор-соц» и др.). Прежде всего, для него была неприемлема идея «особости» языка художественной литературы по отношению к обыденному языку. По Бахтину, различия функций языка определяются различиями его применения. Для него также был неприемлем взгляд на художественное произведение и вообще на языковой текст как на замкнутую систему. Всякое произведение, всякий текст имманентно включен в сферу «идеологии» (в широком смысле слова), которая имеет свое существование только в знаковой форме и выполняет функции памяти, управления и общения в человеческом обществе. Смысл текста определяется различными формами его актуализации (всегда исторически-конкретными) в контексте того или иного социального действия. Попадая в различные социальные контексты, языковой текст меняет свой смысл; поэтому всякий текст принципиально многозначен и в этом смысле неисчерпаем. По мнению А.А.Дорогова, как деятельность ОПОЯЗ'а была связана с практикой русских поэтов-футуристов, так и идеи М.М.Бахтина можно связать в некотором смысле с другой линией в русской поэзии, происхождение которой достаточно сложно и не вполне еще выяснено (однако здесь можно

отметить некоторые черты творчества В.В.Хлебникова и О.Э.Мандельштама). Видными деятелями этой линии были К.Вагинов, Н.М.Олейников и поэты-обереуты: Н.А.Заболоцкий, А.И.Введенский, Д.И.Хармс, Ю.Д.Владимиров. Если в первом случае (футуристы — ОПОЯЗ) исследуется поведение слова в пределах языка, по отношению к языковому контексту и тем самым как бы открывается и устанавливается все то многообразие смыслов, которое в слове заключено и которое можно из него извлечь («самовитое» слово — теория остраннения), то во втором случае (Бахтин — Вагинов — обереуты) основной является установка на восприятие слова, включение его в систему жизненной ситуации. В первом случае смысл слова определяется изменениями языкового контекста, во втором случае — изменениями социального контекста. М.М.Бахтин, таким образом, утверждает необходимость выйти за рамки синтактики и перейти в область исторической семантики и социально-прагматического анализа слова и текста.

В работе о Ф.М.Достоевском М.М.Бахтин показал, как в самой структуре произведений Достоевского воплощается идея незамкнутости системы человеческих отношений в общении, непрерывного и бесконечного раскрытия истины, неравномерности последнего суда над человеком. Способ работы Достоевского как писателя — создание таких провоцирующих, экстремальных ситуаций, при которых социально-этические идеи-сущности, воплощенные в действующих лицах, выражались бы в «вечном» диалоге.

А.А.Дорогов отметил, что новый этап прочтения трудов М.М.Бахтина наступил в 60-е годы, когда появилось второе, переработанное издание его книги о Достоевском («Проблемы поэтики Достоевского», М., 1963) и была издана монография «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (М., 1965). Через произведения Рабле М.М.Бахтин смог увидеть и реконструировать совершенно иной исторический феномен, оставшийся вне историографии, — феномен народной культуры европейцев с тысячелетней традицией непрерывного исторического бытия, идущей из античности. Книга М.М.Бахтина заставляет многое переосмыслить и по-новому взглянуть на средневековье, Ренессанс и античность.

Положение М.М.Бахтина о том, что письменный текст, не будучи замкнутым, имеет историческое бытие и что жизнь текста в обществе выдвигает бесконечное множество его смысловых решений, полностью оправдывается как раз на трудах самого ученого. Именно в наше время, когда и в лингвистике, и в семиотике углубленное исследование синтактики сменилось повышенным вниманием к семантике, глубоко современными оказались работы М.М.Бахтина, в которых предвосхищен этот новый этап развития семиотики. Поэтому труды М.М.Бахтина имеют выход в лингвистику и литературоведение, семиотику и социологию, философскую антропологию и историю культуры.

ОТКЛИКИ. ПОЛЕМИКА

**Библиографию трудов А. Я. Шайкевича
нужно дополнить**

В отличие от текущей библиографии по лингвистике, попрежнему продолжаемой ИНИОН РАН, издание ретроспективной лингвистической библиографии, так замечательно поставленное в 60-х-80-х годах, с распадом СССР практически прекратилось. Редкие выпуски, посвященные лингвистам-академикам и членам-корреспондентам в серии «Материалы к библиографии ученых России», не могут утолить информационного голода всех тех, кто интересуется историей развития отечественного языкознания.

Поэтому так отраднo было увидеть на страницах МЛЖ (Т. 7, вып. 1) «Материалы к библиографическому указателю печатных работ А. Я. Шайкевича», составленные С.И. Гиндиным и Э.В. Серебряковой.

Работы А.Я. Шайкевича в силу различных привходящих обстоятельств (частично освещенных в статье С.И. Гиндина в том же номере МЛЖ) разбросаны по множеству малотиражных и труднодоступных изданий. В результате его научное творчество недостаточно известно, а целый ряд его идей и результатов не стал ни примером обсуждения, ни основой для необходимого продолжения.

«Материалы к указателю...» составлены на хорошем библиографическом уровне и охватывают большинство публикаций А.Я. Шайкевича. Но, к сожалению, ряд работ все же ускользнул от внимания составителей. Это прежде всего работы, опубликованные в нелингвистических изданиях: выполненные на излете советского времени работы по социометрическому анализу выступлений народных депутатов СССР, издан-

Библиографию трудов А. Я. Шайкевича нужно дополнить

ное на английском языке библиометрическое исследование указателя переводов, статья об автоматическом построении тезаурусов.

Менее объяснимо, как ускользнули от С.И. Гиндина и Э.В. Серебряковой фундаментальные работы – частотный словарь и словарь рифм Лермонтова (возможно, это связано с непоследовательностью подачи сведений об авторстве в этих трудах). Ниже я привожу сведения о всех замеченных мною пропусках в «Материалах...», а так же сведения о работах, напечатанных А.Я. Шайкевичем до 1961 г., который С.И. Гиндин и Э.В. Серебрякова избрали за начальную точку отбора. Все библиографические описания выполнены по трем же правилам, что и в «Материалах...» С.И. Гиндина и Э.В. Серебряковой. Нумерация описаний внутри года продолжает нумерацию в «Материалах...» (кроме тех лет, которые вообще не были там представлены).

1959

1. [Рец. на кн.:] *Vries J. Altnordisches etymologisches Woerterbuch // Вопросы языкознания. 1959. №5. С. 123-126. В соавторстве с Э.А. Макаевым.*

1960

1. Слова со значением «правый» и «левый»: (Опыт сопоставительного анализа) // Ученые записки Моск. пед. ин-та иностр. языков. 1960. Т. 23. С. 55-74.

1961

1. Источники лексической омонимии в германских языках // Научные доклады высшей школы. 1961. Филологические науки. № 2.

1962

1. Источники лексической омонимии в германских языках: Автореф. ... канд. филол. наук / Моск. гор. пед. ин-т. им. В.И.Ленина. М., 1962. 20 с.

1981

1. Словарь рифм М.Ю. Лермонтова / Под ред. *В.В. Бородина и А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М.:Сов. энцикл., 1981. С. 665-716. Составление совместно с А.А. Авдеевой, В.В. Бородиным,*

Н. Е. Сигов

Н.Я. Быковой, С.М. Козокиной, Н.А. Гордеевой и Л.А. Макаровой. См. примеч. к следующей публикации.

2. Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / Под ред. *В.В. Бородин* и *А.Я. Шайкевича* // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 717-774. Авторы и редакторы раскрыты только на с. 665 – общем шмуцтитуле с публикацией 1981.1. Там же приведен единый список составителей, но кто именно участвовал в составлении каждого из двух словарей – не указано.

1985

1. Об автоматическом построении тезауруса на основе толковых словарей // Научно-техническая информация. Серия 2. 1985. № 4. С. 12-19.

1991

1. Портрет в манере Рубенса: (Верховный Совет СССР эпохи застоя) // Общественные науки и современность. 1991. №2. С. 105-118.

1992

1. Пространство народных депутатов СССР // История СССР. 1992. № 1.

2. Bibliometric analysis of «Index Translationum» // META. 1992. V. 37. № 1. P. 67-96

1996

3. Оковы слова (или поиски дискретности в семантике) // Словарь, грамматика, текст / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1996. С. 159-170.

2003

4. Лексические маркеры поэзии Баратынского <в кн. Баратынский Е.А. Авторская книга лирики, справочный том, с. 65-77>

Н. Е. Сигов

АННОТАЦИИ. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А.Купина и М.Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 550 с. Тираж 500 экз.

Коллективная монография «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности» подготовлена учеными из России, США, Китая, Франции. Ее задачу составители видели в том, чтобы осмыслить и описать категорию толерантности в формах и понятиях, приемлемых для научного гуманитарного сознания, и изучить способы представления толерантности в языковой картине мира.

Монография состоит из пяти разделов, каждый из которых, рассматривая с определенной точки зрения категорию толерантности, углубляет представление о самой категории и ее конкретных проявлениях в разных сферах жизни.

В первый раздел сборника включены пять статей, которые описывают истоки и характерные черты философии толерантности, показывая особенности философского подхода к толерантности, определяют картину миропорядка и выявляют основные понятия для осмысления исследуемой категории.

Статьи второго раздела посвящены месту категории толерантности в языковой системе русского языка. Авторы пытаются не только описать языковые средства выражения толерантности, но и уточнить само определение толерантности, вскрыть специфику представления толерантности в русской языковой картине мира.

В следующем разделе рассматривается категория толерантности в различных функциональных стилях и жанрах русской письменной

речи. Здесь показано функционирование толерантности в научной полемике, в рекламных телевизионных текстах, а также, что особо интересно, в виртуальной речевой среде. Затронуты и другие естественные сферы проявления толерантности: граффити, анекдоты, произведения «естественной письменной речи».

Четвертый раздел переводит внимание читателей на проблемы толерантности в русском речевом общении. Категория толерантности в разных культурах, в разных моделях поведения, в профессиональном и непринужденном общении, речевое поведение в конфликтных ситуациях и нейтрализация конфликтов – вот темы статей этого раздела.

Основная проблема, которая объединила статьи пятого раздела, это специфика проявлений толерантности во внутрикультурной и межкультурной речевой коммуникации. Дается обзор и типология особых языковых знаков – так называемых логоэпистем, на основе которых и устанавливается межкультурный и внутрикультурный диалог, рассматривается внутрисемейная и межэтническая толерантность, описываются источники тревожных состояний внутри профессиональных и возрастных сообществ, диагностируется, в какой степени толерантность присутствует в языковом знании школьников и учителей.

Все статьи сборника содержательны и заслуживают отдельного рассмотрения, но в данном кратком обзоре я остановлюсь только на трех статьях из разных разделов, на мой взгляд, наиболее важных и интересных.

Начну со статьи О. А. Михайловой «Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста», которая открывает второй раздел монографии. В ней сделана попытка описания поля толерантности в современном русском языке, уточняется значение самого слова *толерантность* и выявляются его смысловые связи с другими понятиями. До недавнего времени толковые словари русского языка не уделяли достаточного внимания слову *толерантность*, оно встречается лишь в семнадцатитомном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (БАС 1950-1965) и в разных изданиях «Словаря иностранных слов».

Но сейчас, когда это слово стремительно вошло в русский язык и получило широкое распространение в современном речевом употреб-

лении, просто необходимо его точное толкование и лексикографическое описание. Эти цели и преследуются в статье О. А. Михайловой.

О. А. Михайлова рассматривает понятие толерантности в двух аспектах: во-первых, как отношение и соотносит его со словом *терпимость*, а во-вторых, как деятельность и рассматривает во взаимосвязи со словом *ненасилие*. Таким образом, *толерантность* представляется как ядро лингвокультурологического поля, в которое входят все слова, семантически и ассоциативно связанные со словами *терпимость* и *ненасилие*.

Большая часть статьи представляет собой описание семантики слова толерантность. Сначала на основе данных толковых словарей, дается полное определение понятий терпимости и ненасилия, а также связанных с ними слов или словосочетаний. Далее путем сравнения пар *терпимость – толерантность* и *ненасилие – толерантность*, выявляются и описываются компоненты семантически сближающие и различающие значения данных слов.

Не претендуя на полное рассмотрение лингвокультурологического поля толерантности, в котором переплетены понятия толерантности как психологической сущности, как нравственной установки и как спектра различных типов поведения и межличностных отношений, О. А. Михайлова рассматривает лишь слова семантически тесно связанные со словом *толерантность*.

В третьем разделе книги хотелось бы обратить внимание на работу М. Ю. Федосюка «Научная полемика как эталон толерантного речевого общения». В данной статье автор, исследуя случаи научной полемики в современных научных монографиях, диссертациях и учебниках лингвистической тематики, описывает и систематизирует способы выражения критических замечаний, существующие в русской научной речи.

Опытному ученому исследуемые в этой статье средства выражения замечаний обычно хорошо известны. Но вот начинающему исследователю порой трудно выразить свою критику и несогласия с другими авторами сдержанно и корректно. Поэтому для студентов и аспирантов данная статья предоставляет большой практический интерес.

Автор статьи показывает, как построить отрицательное замечание (оценку) какого-либо компонента научного исследования. В статье представлена классификация типов толерантного способа выражения критических замечаний, которая строится на основе степени направленности критики на автора. М. Ю. Федосюк выделяет три основных типа выражения отрицательной оценки чужого научного исследования: во-первых, она может быть выражена как оценка восприятия этого исследования адресатом, во-вторых, как оценка самого исследования и, в-третьих, как оценка всей деятельности автора исследования. Помимо классификаций автор дает типовые схемы построения критических замечаний и приводит примеры, которые наглядно демонстрируют употребление этих средств в научной речи. Описаны и разновидности языковых приемов смягчения критики.

В конце статьи М. Ю. Федосюк советует знакомить с набором средств выражения критических замечаний в научной речи и закономерностями их использования студентами любых специальностей при изучении курса «Русский язык и культура речи».

Статья В. Е. Гольдина «Толерантность как принцип культуры речи» выделяется авторским подходом к толерантности как к одному из ключевых понятий науки о культуре речи.

Традиционно явления, исследование которых требуют привлечения категории толерантности, гораздо чаще рассматривались прагмалингвистикой, психолингвистикой, общей теорией коммуникации, чем наукой о культуре речи. Однако в настоящее время, по мнению В. Е. Гольдина, само понимание культуры речи меняется в связи с усиливающимся вниманием к собственно коммуникативной, функциональной и этической стороне речевого поведения. В этих условиях проявления толерантности все чаще становятся предметом рассмотрения и анализа в аспекте культуры речи.

Стремясь проанализировать концепт 'толерантность' как понятие теории культуры речи, В. Е. Гольдин предлагает изучить его на основе наиболее близкого по содержанию понятия – 'вежливость'. Такой подход позволяет увидеть в толерантности одно из проявлений речевого этикета. В то же время показывает сложность в определении и рассмот-

рении явления коммуникативной толерантности, в котором необходимо выделять формальную и содержательную стороны. Автор раскрывает различие формальной и содержательной сторон вежливости и толерантности на примере человеко-машинного общения, акцентируя внимание на том, что в основу толерантности входят такие составляющие как ориентация говорящего на интересы, коммуникативные возможности и культурную специфику адресата.

Затем В. Е. Гольдин ставит еще одну важную проблему: не вступает ли принцип толерантности в противоречие с идеей нормированности литературной речи, не ведет ли он к размыванию ее правильности и тем самым к ослаблению коммуникативных возможностей. Исследователь дает отрицательный ответ, он считает, что если исходить из реального соотношения литературной речи с другими социально-функциональными разновидностями языка и соответственно строить языковую политику в области культуры речи, то никаких противоречий возникнуть не должно. В. Е. Гольдин считает, что нельзя смотреть на русский язык лишь с точки зрения некоторых групп населения или учитывать языковые потребности лишь некоторых, хотя бы и очень важных коммуникативных сфер русского общества, ущемляя тем самым языковые права части населения. Толерантность должна стать принципом культуры речи, предполагающим принятие «чужого», а значит, и инокультурных форм речевого существования.

В целом коллективная монография позволяет восполнить многие пробелы в лингвистическом изучении проблемы толерантности. Теоретическая и практическая значимость данного труда не оставляет сомнений. Выводы и наблюдения, сделанные авторами книги, способствуют дальнейшей разработке проблемы толерантности и формированию установок толерантного сознания.

В. Б. Солнцева

Агрессия в языке и речи: Сборник научных статей / Ред. И. А. Шаронов. М.:Издат. центр РГГУ, 2004. 208 с.

В последнее время много говорят и пишут об агрессии. Ученые, аналитики, журналисты и политики рассуждают об агрессии в рекламе, средствах массовой информации, о раскрепощении в речи и в поведении. Конечно, агрессия и ее выражение в языке не могли не привлечь внимание лингвистов. В октябре 2003 года Институт лингвистики РГГУ провел двухдневную международную конференцию «Агрессия в языке и речи». Участникам удалось охватить широкий круг проблем, связанных с выражением агрессии. Обсуждалось само понятие агрессии, способы ее проявления в речи, агрессивные стратегии, а также пути преодоления и нейтрализации агрессии.

Что представляет собой агрессия? Какой она бывает? Как она может проявляться в безобидных, на первый взгляд, действиях и поступках? Как описывает ее язык? Эти и другие вопросы были темами докладов и дискуссий. Они же подробнее рассмотрены в статьях аннотируемого сборника, оперативно подготовленного в Институте лингвистики и выпущенного в свет издательским центром РГГУ.

Сборник состоит из трех тематических разделов.

Первый раздел – «Стратегии и приемы речевой агрессии» – как видно из названия, объединяет работы, в которых обсуждаются наиболее общие проблемы речевой агрессии. В него входит семь статей.

Открывается раздел статьей Л. Кастлер «Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия». Автор применяет к контрастивной прагматике (на примере русского и французского языков) теорию вежливости Браун и Левинсона в модифицированной версии Катрин Кебрат-Ореккиони. В статье рассматриваются такие понятия как «акт, угрожающий лицу», «акт, льстящий лицу», «позитивное и негативное лицо», «личное пространство» и др. Используя некоторые конкретные примеры речевого поведения (в том числе и агрессивного),

автор показывает, что данная теория может успешно применяться для выявления коммуникативного профиля той или иной культуры.

И. Б. Шатуновский рассматривает в качестве формы агрессивного поведения риторические вопросы. По его словам, риторические вопросы, «активно используются в диалоге с целью выражения отрицательных оценок и суждений, как средство своего рода речевой агрессии, направленной против собеседника». Автор отстаивает идею дискурсивного и принципиально нечеткого (с точки зрения осмысления) значения таких вопросов. В доказательство в статье предлагаются эксплицитные толкования дискурсивных отрезков с риторическими вопросами. Также рассматриваются мотивационные механизмы, связывающие форму и значение в случае употребления риторических вопросов, подробно разбирается несколько типов агрессивных риторических вопросов.

В статье И. А. Шаронова «Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония» исследуются защитные стратегии ведения диалога, использующие методы насмешки и иронии. Одновременно в работе затронуты теоретические проблемы описания иронии как тропа, а также насмешки как самостоятельного и независимого от иронии лингвистического приема. По мнению автора, «стратегии насмешки и диалогической иронии – достаточно жесткий и агрессивный прием обороны». Он считает, что активность использования обоих приемов в русском языке проявляется в «наличии большого количества разговорных идиом и коммуникативов, многие из которых, будучи распространенными в узусе, требуют своего адекватного лексикографического описания в словарях, грамматиках и пособиях для преподавания русского языка иностранцам».

Р. Ратмайр исследуя деловые переговоры, показывает, что в этом жанре прямая агрессивность фактически отсутствует. Однако для достижения своих целей участники переговоров могут применять стратегию, которую автор называет «пробивной» и трактует ее как завуалированную агрессию. В качестве примеров в статье рассматриваются деликатные и контрольные вопросы, оценочные речевые акты, речевые акты настаивания и резкого возражения, поучительные акты.

В статье Е. Б. Морозовой «Агрессия в бытовой коммуникации: ситуация «гость-хозяин» в русском языке и русской культуре» предметом

анализа является важная для каждой культуры ситуация приема гостей. Описываются ее основные структурные составляющие: типовой сценарий, участники, принятые нормы и правила поведения. Основное внимание автор уделяет нарушениям типового сценария или отдельных правил поведения, которые интерпретируются как акты проявления агрессии. Помимо этого в работе рассматриваются русские языковые выражения, употребляемые в данной ситуации, и описывающие ее.

Е. Е. Левкиевская анализирует агрессию в славянской традиционной культуре как способ магического и ритуального поведения, направленного на защиту человека и его мира от потенциального зла.

Последняя статья первого раздела – исследование О. В. Сахаровой «Агрессивная реакция как ксенологическая проблема в коммуникативном пространстве Киева». Агрессию автор в первую очередь толкует как форму защиты собственного внутреннего пространства. В статье анализируются социальные, этноспецифические и национально-политические предпосылки конфликтного речевого взаимодействия, а также особенности инвективных речевых реакций.

Во втором разделе сборника «Средства выявления и описания агрессивности в языке и поведении» собраны семь статей, посвященных способам выражения агрессии в языке и ее месту в языковой картине мира. Открывает его «Сексуальная агрессия в русском языке» М. М. Бурас и М. А. Кронгауза. Авторы отмечают, что в русском языке сложилась необычная ситуация: «<...> для одного из самых важных действий в жизни человека в литературном языке фактически не существует нейтрального, то есть не профессионального и стилистически не маркированного обозначения (в первую очередь мы говорим о глаголах). Но при этом существует множество жаргонных и сленговых обозначений, которые часто кажутся более выразительными и естественными в разговоре на соответствующую тему». В статье рассматриваются и классифицируются соответствующие глаголы. Особое внимание уделяется методам анализа, позволяющим достаточно строго проверить интуитивные представления авторов.

А. Д. Кошелев анализирует агрессивные глаголы с приставками *о-* и *об-* и дает описание характеристического семантического признака

этого класса глаголов. В статье также приводятся определения трех основных выделяемых автором значений приставок *о-* и *об-*.

В статье Т. А. Крыловой ставится цель реконструировать языковые представления об агрессивности, которые, по словам автора, существенно отличаются от научных и могут быть восстановлены на основе анализа конкретной лексики. Автор рассматривает значение глаголов нападения и сравнивает их с глаголами защиты. Обнаруживается, что эти два лексические поля в русском языке устроены асимметрично, что автор объясняет несовпадением актантных структур ситуаций нападения и защиты. В статье проводится сопоставительный анализ глаголов лексического поля нападения (*нападать, атаковать* и др.) и предпринимается попытка провести границу между агрессивностью и смежными понятиями, для чего сопоставляются прилагательное *агрессивный* и его квазисинонимы (*воинственный, конфликтный* и пр.).

Н. Т. Валеева описывает функции жаргонного словообразования. По мнению автора, «использование сленговых элементов в речи (так же, например, как и использование ненормативной лексики) всегда маркирует агрессивную рече-поведенческую стратегию говорящего». В статье обсуждаются словообразовательные процессы в общем жаргоне, которому, несмотря на то, что он не закреплен за определенной социальной или профессиональной группой, присущи сугубо жаргонные свойства, такие как социальная маркированность, специфичность и экспрессивность лексики и фразеологии.

Г. Е. Крейдлин рассматривает особенности агрессивного невербального коммуникативного поведения у мужчин и женщин. Автор показывает, что знаковая кинетическая агрессия, связанная с представлением участника коммуникации о наличии у него власти над собеседником, в русском языке тела в норме передается невербальными единицами, имеющими значение нежелательного для партнера проникновения в его личную сферу. Особое внимание обращается на сходства и различия мужского и женского агрессивного поведения в русской и других культурах.

Статья Е. П. Буториной представляет собой анализ и классификацию способов проявления агрессии в наименованиях торговых марок.

В частности, рассматриваются случаи неуместных названий учреждений (аптек, туристических фирм и пр.) и товаров. Автор анализирует различные уровни языковой системы и стороны языкового знака, в которых может проявляться агрессия.

Статья А. А. Дасько написана на основе эксперимента по выявлению особенностей понимания и вербального выражения агрессии студентами. В статье выявляется семантический диапазон понятия агрессии, охватывающий все сферы восприятия, состояний и действий человека.

И, наконец, третий раздел сборника «Агрессия и этикет» содержит пять статей, посвященных проявлению агрессии в этикетно маркированном поведении. Открывает раздел статья Н. И. Формановской «Вежливость и толерантность как коммуникативные механизмы снижения речевой агрессии», посвященная психологическим аспектам агрессивного поведения и агрессивности как состояния субъекта и отношения к другим людям. Автор анализирует значения слова *агрессия* и *агрессивность* и размышляет о сути соответствующих явлений.

В статье Л. Л. Федоровой рассматриваются прямые выражения агрессии в языке как система антиэтикетного поведения. По словам автора, содержательно они представляют собой «персонифицированные качества, вызывающие осуждение или раздражение».

Статья Е. Н. Басовской и С. Э. Ульянцевой «Пути преодоления речевой агрессии в современной деловой речи» посвящена проблеме эволюции официально-делового стиля русского языка в постсоветский период. Авторы рассматривают конфликтные ситуации, типичные для делового общения, сравнивают русско- и англоязычные традиции, рассматривают различные подходы к проблеме эмоциональной составляющей делового дискурса.

Т. В. Базжина рассматривает речевое поведение носителей русского языка в так называемых авертивных ситуациях, т.е. в ситуациях, провоцирующих отвращение и антипатию. Автор анализирует результаты лингвистического эксперимента и делает вывод, что в ряде случаев грубость можно объяснить неформальностью в современном русском этикете некоторых конвенциональных речевых форм поведения.

Завершает сборник статья Е. Протасовой «Передача “Слабое звено” на российском и финляндском телевидении», в которой рассматриваются культурно-языковые различия, проявляющиеся в оценке финской и русской аудиторией одного и того же телешоу агрессивного характера.

Е. В. Горелик

Московский лингвистический журнал / Гл. ред. С. И. Гиндин.–
М.: Издательский центр РГГУ, 2005. Том 8. № 2. 200 с.

Номер открывается полемическим эссе А.Я. Шайкевича, посвященным правомерности выделения языковой картины мира в качестве особого предмета лингвистического исследования. Е.М. Мещерякова анализирует роль «фигуры наблюдателя» в семантике русских глаголов. Большая группа материалов посвящена роли жестов в речевой коммуникации, в этикетном поведении и в обучении языку. В разделе публикаций – воспоминания А.А. Дорогова о встречах с М.М. Бахтиным и его размышления о месте бахтинских идей в эволюции лингвистики и семиотики. Публикуются также дополнения к библиографии А.Я. Шайкевича и обзоры работ о проявлениях толерантности и агрессии в языке.

Данный номер завершает том 8 за 2004 год.

Выпуски «Московского лингвистического журнала» можно приобрести в магазине «У кентавра» (ул. Чайнова, д. 15), а также непосредственно в Институте лингвистики РГГУ (Миусская пл. 6, корпус 2, к. 309, 314, 315)

Иногородние читатели могут заказать журнал через отдел платных услуг Научной библиотеки РГГУ (095-250-65-79 Т. П. Самойленко)

Зарубежные библиотеки и университеты могут получать журнал в порядке книгообмена с Научной библиотекой РГГУ.

Электронная версия оглавления журнала доступна по адресу:
<http://mjl.rsuh.ru/>

Оператор компьютерной верстки Н.Г. Семенова

Лицензия ИД № 05992, выд. 05.10.2001
Подписано в печать 10.03.2005 Формат 60х90/16 Усл. печ.л. 12,5
Гарнитура Arial Тираж 500 экз. Заказ № 38

Издательский центр Российского государственного гуманитарного
университета, 125267 Москва, Миусская пл., 6